

1191.260

замечательные
люди Прикамья

В. ВАРЗАКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОМДИВ

1941

В. ВАРЗАКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОМДИВ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1968

В работе над этой книгой неоценимую помощь документами, личными воспоминаниями, советами, доброй поддержкой оказали:

Маршалы Советского Союза Ф. И. Голиков, И. Х. Баграмян, К. К. Рокоссовский, С. М. Буденный, С. К. Тимошенко;

заместитель министра Национальной обороны ГДР и начальник Главного политического управления Национальной Народной армии ГДР адмирал В. Фернер;

писатели: О. М. Мальцев, Л. С. Соболев, А. А. Сурков, В. П. Беляев;

ветераны гражданской войны А. И. Шелконогов, П. И. Крылосов, А. П. Шастин, Г. В. Семовских, К. Г. Поздеев;

ветераны Великой Отечественной войны Н. В. Еремин, С. С. Варенцов, А. М. Антонов, П. Н. Шалимов, В. И. Срыбник, Н. Н. Горновский, А. Л. Кизима, А. С. Стецюра, Д. И. Рудь, С. И. Мазуренко, И. А. Терещенко, А. И. Бондаренко, В. Я. Шипунов, А. Н. Шагов, П. П. Пурин, Т. А. Кляцкий, Б. А. Верниковский, А. И. Яблонский, Н. Ф. Радченко, П. М. Гончаренко, Б. А. Калущкий, А. Н. Панов;

родственники генерала Г. Н. Микушева А. Н. Микушева, В. Н. Микушева, Л. Г. Остапенко;

работники Главного политического управления Национальной Народной армии ГДР, архива Министерства обороны СССР, Киевского горисполкома, учащиеся Рава-Русской школы-интерната и ряд других лиц, учреждений и организаций.

Всем им выражаю самую глубокую благодарность.

Автор

О КНИГЕ В. Н. ВАРЗАКОВА «ЖЕЛЕЗНЫЙ КОМДИВ»

С большим интересом я прочитал повествование о генерале Микушеве Георгии Николаевиче, уроженце города Кунгура. С генералом Микушевым я был лично знаком и знаю его как боевого командира-коммуниста, который всю свою жизнь без остатка отдал делу защиты социалистической Родины.

Мне представляется, что важнейшим в книге В. Н. Варзакова является рассказ о героической обороне Рава-Русского укрепленного района частями 41-й стрелковой дивизии в течение пяти суток, 22—27 июня 1941 года. Ее изумительный подвиг еще не получил должной оценки и известности, и В. Н. Варзаков своей книгой делает достойный вклад в решение этой задачи, причем одним из самых первых. Не за горами те дни, когда военная история по достоинству оценит значение подвига советских войск под Равой-Русской.

Командовал 41-й стрелковой дивизией тогда генерал-майор Г. Н. Микушев, и автор ведет свой рассказ, отталкиваясь от биографии ее командира. Все исследование жизни и деятельности Г. Н. Микушева логически вылилось в главу, выразительно и закономерно названную: «Пять дней, подготовленные всей жизнью».

Написать предисловие я взялся потому, что в свое время имел прямое отношение к 41-й дивизии и к созданию Рава-Русского укрепленного района. Эта дивизия входила в состав 6-й армии, которой я командовал в 1939—1940 годах. После освобождения Западной Украины штаб армии находился во Львове. По делам службы я часто бывал в дивизии, особенно когда потребовалось заняться планированием и строительством Рава-Русского укрепрайона. Бывал я в дивизии и с целью проверки состояния ее боевой подготовки и боеготовности, для изучения кадров, проведения занятий с командным составом, боевых стрельб, тактических учений. В свою очередь Георгий Николаевич приезжал во Львов на заседания Военного Совета, на армейские учебные сборы, совещания и собрания партактива.

Георгий Николаевич Микушев запомнился мне как энергичный, знающий командир стрелковой дивизии приграничного военного округа. В оперативно-тактическом отношении он был подготовлен хорошо и различные задачи за дивизию-корпус решал уверенно. Вообще он производил впечат-

ление хорошего практика и человека, отлично знающего требования воинской службы и условия армейской жизни. Его характерными чертами являлись скромность, сдержанность, немногословие, высокая дисциплинированность и исполнительность, точность и аккуратность в выполнении всех своих служебных обязанностей, большая вдумчивость. Он никогда и нигде не выпячивал себя, не старался привлечь к себе внимание начальства, но и не тащился в хвосте, не прятался в тень или за спину других командиров дивизий, и всегда был там и на том месте, где ему надлежало быть. Да и внешне он не отличался представительностью. У него не было ни высокого роста, ни басистого голоса, ни представительной фигуры. Внешне это был типичный войсковой командир-труженик, каких у нас тысячи, достойных большого и искреннего уважения.

Его личные качества были очень привлекательны: он был человечным и тактичным в обращении с подчиненными, мягкостью и доброжелательностью сочетались у него со строгой и справедливой требовательностью и принципиальностью. Эта требовательность не была ни показной, ни крикливой. Она не содержала в себе проявлений грубости, солдафонства, а базировалась на сознательное отношение подчиненных к выполнению своего воинского и гражданского долга. За все это солдаты и офицеры уважали и ценили своего комдива. Такой командир и человек действительно мог добиться высокой боевой сплоченности вверенной ему дивизии.

Наибольшее удовлетворение мне доставляли те встречи с Г. Н. Микушевым, которые у нас были связаны с работой по созданию Рава-Русского укрепленного района. Тут нам пришлось все начинать с самого начала: с выбора на местности переднего края, с создания системы артиллерийско-пулеметного огня и с «посадки» на местности буквально каждой долговременной огневой точки — дота.

И надо сказать, что наша работа на местности была и трудной, и напряженной, и довольно нервной. Постоянно приходилось вмешиваться в работу строителей, особенно в отношении темпов и качества. Часто приходилось отменять решения о выборе места того или иного пулеметного или артиллерийского дота. То же бывало и с заграждениями.

Так вот, работать в этих условиях с Г. Н. Микушевым всегда было хорошо: он быстро схватывал предъявляемые требования и проявлял собственную творческую инициативу, так как хорошо понимал характер современного боя, роль в нем стрелковых частей и условия, в которых они могут очутиться. Как старый пехотинец, имевший опыт первой мировой, а затем гражданской войн, он отлично понимал требования к организации системы огня всех видов оружия (стрелкового, артиллерийско-минометного), к созданию инженерных сооружений, к обеспечению противовоздушной, противотанковой и противохимической обороны укрепления.

Говоря о книге В. Н. Варзакова, полагаю, что автору удался его замысел. Могу сказать, что это целеустремленная, деловая, обстоятельная, искренняя, ни в чем не надуманная повесть о боевых делах прославленной дивизии и ее командире, о делах очень трудных и удивительно героических в своей повседневности.

Достоинство труда В. Н. Варзакова состоит и в том, что его Микушев не иконописен, не подмалеван, не подкрашен, не «святой» и не «Георгий Победоносец». Он обыкновенен и понятен каждому как простой советский человек, как воин-гражданин, воин-труженик, как зрелый и самостоятельный советский генерал-строєвик, как настоящий командир вверенной ему дивизии.

Большой интерес в повествовании В. Н. Варзакова представляют приводимые им выписки из оперативных сводок и боевых донесений, от-

носящихся к первым дням войны, с 22 по 27 июня 1941 года. Несмотря на их предельную сжатость и скудость содержания, эти сведения дают документальное подтверждение об упорной и героической обороне Рава-Русского укрепрайона частями 41-й стрелковой дивизии.

Нет сомнения, что каждое слово этих сводок и донесений опалит читателя жгучим, огненным дыханием тех тяжелых военных дней. Они покажут ему, сколь скромны и честны были все эти наши части, их командиры и бойцы в своих суждениях о тех больших силах противника, которые были брошены Гитлером против 41-й дивизии и других подразделений, оборонявших этот укрепленный район.

Мне думается, что читатель согласится с планом построения книги автором. Важно то, что читатель имеет возможность проследить жизненный путь Г. Н. Микушева. Этот путь ценен тем, что он типичен для великого множества воинов Советской Армии — командиров, политработников, сержантов, рядовых бойцов. И не только для ее ветеранов, начавших свой путь с первых дней становления Красной Армии. Этот путь по своей поучительности, целеустремленности и ясности достоин того, чтобы быть образцом для тех, кто идет на смену нашему поколению старых бойцов Советской страны.

Все главы книги интересны, существенны и необходимы. Но, конечно, две из них особенно значительны. Это — глава «Пять дней, подготовленные всей жизнью» и глава «Вера и верность». Они, как мне кажется, являются венцом труда В. Н. Варзакова. Я не думаю, что книгой В. Н. Варзакова тема героической обороны Рава-Русского укрепрайона будет исчерпана. Нет! Впереди еще много дел. Ведь для освещения этой темы любознательные авторы могут найти много яркого материала, подобно тому, как это сделал писатель С. С. Смирнов для своей замечательной книги о подвиге защитников Бреста. А название какое: Рава-Русская! Ведь она гремела подвигами русской армии на землях Западной Украины еще в первую мировую войну. А наша 41-я дивизия, которую в своих радиосводках немецко-фашистское командование назвало «Железной дивизией»!

От всего сердца желаю книге хорошо быть принятой читателями, а ее автору — новых творческих успехов на литературном поприще.

Маршал Советского Союза
Ф. Голиков.

20 октября 1967 года

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ

Дивизия только что вышла из непрерывных боев. Позади оставался трудный путь отступления от государственной границы до Белой Церкви. На этом пути пала смертью героев половина бойцов соединения. Это было невыносимо горько сознавать. Пусть дивизия выполнила все поставленные перед нею боевые задачи. Пусть за каждый свой шаг гитлеровцы платили дорогой ценой. Но враг прорвался далеко вглубь советской земли...

Напряжение не покидало людей и ночью. Нервы чутко воспринимали каждый шорох в темноте. Враг мог с любой стороны прорваться к дубовому лесу, где стояли поредевшие части дивизии.

Небосвод на востоке начал алеть. Оттесняя другие думы и заботы, в сознание который раз приходило главное: «Когда в бой? Завтра, послезавтра? А может, через час?»

Об этом думали все. От рядового солдата до командира дивизии, который беседовал в то утро на обочине дороги со старшим лейтенантом. Чувствовалось, что этих двух людей связывают не только служебные отношения.

— Ну как, готово? — спросил генерал-майор. — Все? Командировка есть? А о майоре Соколове написал? А про танкистов Кротюка? И о Власовце?

— Написал.

— Вот хорошо! Никого нельзя забыть. Добирайся до Москвы, печатай очерк. Пусть и в Москве узнают о наших!

— А как же быть с...

— Обойдемся. С комиссаром согласовано, — не дал договорить старшему лейтенанту генерал.

— А где я вас найду?

— Найдешь. По сводкам Информбюро. По пути наступления... Счастливо, милый мой. Поцелуемся...

Они обнялись и расцеловались. Генерал крепко пожал старшему лейтенанту руку и отвернулся. Потупившись, офицер постоял несколько секунд, затем забрался в кузов грузовика.

Труден был путь в Москву. Дивизионный грузовик довез только до Киева. Дальше пришлось добираться на попутных. Город горел. Вражеские самолеты бомбили днепровский мост, по которому уходили на восток эшелоны...

И вот старший лейтенант в Москве, в редакции «Нового мира». Пришел туда как раз вовремя: готовился к печати очередной номер журнала. Первый военный номер. Безыскусные очерки о событиях на западной границе, написанные наспех, у лесных костров, попали к тогдашнему редактору «Нового мира» Владимиру Ставскому. Не было в этих очерках филигранной отточенности языка. Но в них было то, в чем так нуждались люди, — правда о начавшейся внезапно войне, правда о советских солдатах и их противнике. Ставский, сам боец переднего края, оценил значение строк, написанных даже не сразу после событий, а одновременно с событиями. Фронтовой очерк старшего лейтенанта немедленно пошел в набор.

В конце июля сдвоенный седьмой и восьмой номер «Нового мира» был подписан к печати. В нем публиковались окончание романа Алексея Толстого «Хождение по мукам», «Топовый узел» Леонида Соболева, воспоминания Федора Гладкова об Александре Малышкине, антифашистская пьеса Бертольда Брехта «В третьей империи». Со статьями выступили Леонид Леонов, Константин Федин, Илья Эренбург, Константин Паустовский, Сергей Эйзенштейн, Вера Мухина, Рейнгольд Глиэр,

Последний снимок Г. Н. Микушева (1 сентября 1941 г., район Семиполки Киевской области).

Жан-Ришар Блок, со стихами — Алексей Сурков, Марк Шехтер, Николай Панов, Николай Сидоренко, Арон Копштейн, Александр Гатов. Публиковались также главы из романа «Дорога чести» Раисы Азарх, очерки Владимира Ставского и Юрия Жукова.

Каждое слово этого номера било в цель. Даже произведения, написанные до войны, работали для фронта.

Видное место в номере занял и очерк Ореста Ровинского «Герои одной стрелковой дивизии». Тот самый, привезенный на пспутных машинах с Юго-Западного фронта.

Из этого очерка страна узнала о боевых действиях Н-ской стрелковой дивизии на западной границе, в районе города Р. Узнала значительно больше того, что рассказали первые скупые сведения об Н-ской дивизии, переданные по телеграфу из действующей армии и приведенные еще 6 июля газетой «Красная Звезда» в очерке П. Ризина и А. Шуэра «Героическая дивизия». В этом очерке отмечались умелые и хладнокровные действия «отважного командира дивизии». Но имя его пока не называлось.

В очерке Ореста Ровинского это имя было названо. Н-ской стрелковой дивизией командовал генерал-майор Микушев. Георгий Николаевич Микушев, уроженец уральского города Кунгура.

ТИХАЯ КОМНАТА

Я никогда не видел этого человека. И никогда не увижу его. Но я долгие годы знал мать Георгия Николаевича Микушева — Парасковью Андреевну. Это была прекрасная русская женщина. Она умерла в 1954 году в возрасте девяноста одного года, до конца своих дней сохранив ясный ум и хорошую память. Маленькая, сухонькая, спокойная старушка с чистыми глазами... Виделась в ней большая внутренняя сила, не угасшая с годами.

Много лет она, получая пенсию за сына, жила вдвоем с дочерью Анной Николаевной в маленькой комнатке тесного коммунального дома, где в коридор выходили тонкие двери еще доброго десятка таких же комнат. Обе они, мать и дочь, никогда не вспоминали при людях о сыне и брате. Долгое время это казалось мне странным, пока однажды у Анны Николаевны не вырвалось:

— Георгий Николаевич очень не любил, когда его хвалили.

Он всегда останавливал собеседника, если слышал даже не хвалебные, а просто добрые слова в свой адрес. Он этого переносить не мог.

«Георгий Николаевич очень не любил...» В тот день я понял, что мать и сестра генерала хранят особую память о нем. Хранят память сердца, память внутреннюю, самую возвышенную.

Лишь в минуты большой откровенности Анна Николаевна доставала из комода дорогие семейные реликвии — фотографии брата, письма, не раз прочитанные наедине, и журнал с очерком «Герои одной стрелковой дивизии». Она открывала журнал на той странице, где был снимок предельно усталого человека в комбинезоне и генеральской фуражке и вслух читала сказанные этим человеком слова:

— По-суворовски лучший способ обороны — напасть самому. Немцы — трусы. В борьбе с ними надо дерзать и дерзать. Разобьем мерзавцев здесь, а добивать будем на их территории.

Шли годы. Парасковьи Андреевны не стало. Анна Николаевна жила теперь одна все в той же комнате, по-прежнему заведовала кунгурской городской библиотекой имени Мамина-Сибиряка.

В 1964 году, работая в газете «Сельская новь», я решил ко дню Советской Армии написать о генерале Микушеве. Это было вызвано не только желанием дать не публиковавшийся у нас новый и интересный материал. Хотелось, чтобы память о генерале вышла из стен маленькой комнаты. Микушев заслужил народную память. Об этом говорили даже те немногие материалы, которые хранились у сестры генерала.

Мы снова встретились с Анной Николаевной. Подобрать факты для статьи не стоило труда, и она появилась в газете.

Но что делать дальше? Где и как найти людей, знавших Микушева?

Имя Ореста Ровинского мне ничего не говорило. Сколько я ни рылся в памяти, вспомнить такого писателя не удавалось. Не помогли ни справочники, ни именные указатели. Решил, что, возможно, военный корреспондент Орест Ровинский погиб в сражениях Отечественной войны.

Надо было разыскать ветеранов дивизии. У Анны Николаевны хранилось большое письмо, присланное в 1947 году дочерью генерала Микушева Людмилой Георгиевной. Основную часть его занимала обширная выдержка из письма, присланного вскоре после войны жене Микушева Евгении Васильевне. Автором письма был один из офицеров дивизии. Фамилию его

Людмила Георгиевна не называла. Офицер рассказывал о трагических событиях, происшедших вскоре после тех, о которых говорил в очерке Орест Ровинский. Дивизия попала в окружение под Киевом. Вышли из окружения очень немногие. А ведь впереди у ветеранов сорок первого года была еще вся война. Значит, дожили до победы буквально единицы. И где они теперь, спустя двадцать лет после окончания войны? Где семья генерала Микушева?

Осенью сорок первого года Евгения Васильевна и Людмила Георгиевна с двумя детьми эвакуировались в Кунгур. Здесь они жили до освобождения Украины, а потом выехали обратно. Некоторое время они присылали письма в Кунгур. В 1947 году связь почему-то прервалась, и с тех пор о жене и дочери генерала Микушева нет никаких известий.

С чего же начать поиск? Видимо, как всегда, с самого начала. С родины генерала Микушева. С Кунгура...

СЫН ЧЕРНОРАБОЧЕГО И ПРАЧКИ

Девочка лет шести сидела на салазках. Ее брат, немного постарше, зашел за чем-то в одну из лавок Усть-Сысольска. Так тогда назывался город Сыктывкар, столица нынешней Коми АССР.

Улица была пустынна. Но вот на ней появилась большая серая собака. Она подошла к девочке и стала ее обнюхивать. Потом обошла салазки и снова стала нюхать девочку.

На улице появился мужчина. Сначала он остолбенел, потом дико заорал. Собака убежала. А мужчина ворвался в лавку и стал спрашивать, кто оставил на улице девочку. Юнец отозвался. Мужчина раскричался пуще прежнего.

— Знаешь ли ты, мальчишка, — шумел он, — что к твоей сестре подходил голодный волк? Не успеешь самую малость, волк уволет бы девчонку в лес и съел!

Девочку звали Пашей Заболотской.

В эти же дни конца шестидесятых годов прошлого века в одном из ближних от Усть-Сысольска монастырей шестнадцатилетний юноша-сирота Николай носил воду, колот дрова и убирал монашеские кельи. Он считался воспитанником. А кем был? Слугой на побегушках.

Конечно, Николай был благодарен монахам за то, что они спасли его от голодной смерти, обучили грамоте, но жизнь в монастыре его тяготила и он силился вырваться на волю.

Но свобода так и не пришла. Прямо из монастыря Николая Фалалеевича Микушева взяли в военный флот. Десять лет он плавал матросом по всем морям и океанам. Срок долгий. Однако Николай Фалалеевич не жаловался на судьбу. Что значат десять лет, если отец его, Фалалей Яковлевич, отбывал солдатчину двадцать пять лет! К тому же Николаю Микушеву понравились морские странствия. Потом он не однажды рассказывал людям, никогда не видевшим моря, про неохватную водную стихию.

Закончив военную службу, Николай Микушев вернулся в монастырь. Монахи радешеньки: еще бы, такой здоровый работник прибыл! Но Николай только поблагодарил братию по русскому обычаю за свое воспитание и сказал, что уходит «в мир».

Ближняя дорога «в мир» проходила через Усть-Сысольск. Здесь Николай и познакомился с той самой Пашей Заболотской, которую много лет назад чуть не съели волки. Вскоре бывший матрос, сын солдата, женился на прачке, дочери портнихи.

За годы морской службы Николай Микушев так привык к странствиям, что не мог долго усидеть на одном месте и отправился с молодой женой искать счастья. В странствиях родился первый сын — Константин. Пока у родителей не было ни кола ни двора, Константина взяла на воспитание бабушка, мать Парасковьи Андреевны, да так и оставила его у себя в Усть-Сысольске. К родителям сын не вернулся, как они потом его ни дозывались. Константин привык к бабке. Но особенно большое влияние на него оказала тетка, которая учительствовала в деревне. С ее помощью Константин сам стал учителем.

В середине восьмидесятых годов прошлого века Николай и Парасковья Микушевы осели в Кунгуре. Своего дома у них никогда не было — денег едва хватало на жизнь. Николай стал чернорабочим, а его жена, как и в Усть-Сысольске, продолжала работать прачкой по найму.

А семья прибавлялась. В 1887 году родилась дочь Лиза, в 1890 — вторая дочь, Вера. 24 мая 1898 года в семье Микушевых родился сын Георгий. Последний ребенок появился в 1902 году. Это была Анна.

Родители очень радовались появлению сына.

Особый оттенок их радости придавало то, что сын родился в троицу, а это в старину считалось добрым знамением. «Наш сын родился под счастливой звездой!» — восклицал Николай Фалалеевич.

Да, Георгий родился под счастливой звездой. Но это была не звезда троицы, а восходящая звезда революции. Буквально за несколько дней до рождения Георгия Микушева в Кунгуре состоялась первая на Урале маевка. Ее организовал и провел социал-демократический кружок Кунгурского технического училища, возглавляемый Евгением Поморцевым.

Вот как характеризует обстановку того периода в Кунгуре помощник начальника Пермского губернского жандармского управления по Кунгурскому уезду ротмистр фон Оглио: «...обращает на себя внимание крайнее озлобление заводского населения на администрацию заводов... Стачки, забастовки... очень и очень недалеки. Почва для этого вполне готова...» А еще фон Оглио, уже после разгрома кружка, вынужден был признать, что кунгурские социал-демократы «за весьма короткий промежуток времени успели возбудить в умах... кунгурских сапожников сильное волнение. Противуправительственные издания ходили по рукам рабочих, читались нарасхват и, что особенно обращает на себя внимание, изданиям этим рабочие верили, ибо авторы брошюр, относясь с ненавистью к капиталу..., советуют прибегнуть... к забастовкам и стачкам. И, прижатые кунгурскими капиталистами, всецело зависящие от их произвола и ненасытной жадности, рабочие верят... подстрекателям, верят и готовы идти за ними...»

С арестом Поморцева и его боевых товарищей революционное движение в Кунгуре не прекратилось. Вскоре борьбу с самодержавием начал революционный кружок врача Германа Александровича Чемоданова, в состав которого входили, в частности, близкий друг Поморцева, первый кунгурский рабочий социал-демократ Александр Григорьевич Голдобин, видные впоследствии большевики Сергей Александрович Черепанов и Алексей Константинович Суслов.

О всех этих событиях Николай Фалалеевич Микушев знал только понаслышке. Человек уже пожилой, обремененный постоянными заботами о пропитании семьи, он был далек от политики. Вырастить детей, вывести их в люди — вот главное, о чем заботился Микушев. К его радости, Георгий рос крепким. Но беда, оставившая след на всю жизнь, настигла ребенка неожиданно. Когда Георгию было пять лет, он простудился. Организм ослаб и не смог сопротивляться появившейся в городе оспе. Болезнь жестоко терзала мальчика. В конце концов сильный организм победил, но следы на лице остались.

Дети подрастали, увеличивались и запросы семьи. А на жизнь, как и раньше, были копейки. Николай Фалалеевич не

гнушался никакой черной работой; Парасковья Андреевна неутомимо отыскивала все новых заказчиков на стирку белья. Дела семьи, однако, не поправлялись.

В Кунгуре свирепствовала безработица. Куска хлеба не имели и более квалифицированные люди, чем Николай Фалалеевич. Даже исконный кунгурский кожевенный промысел не нуждался больше в приливе рабочей силы. Ручной труд вытеснялся машинами. Когда крупнейшая кунгурская заводчица, лидер местных кадетов Т. В. Агеева, очень любившая поговорить о благе народа, ввела машинный пошив обуви, она уволила сразу 120 первоклассных сапожников.

И все-таки Николаю Фалалеевичу «повезло». Он отыскал, пусть небольшой по размерам, но зато твердый заработок, став сторожем приходского училища. В это же училище он и отдал Георгия.

Но через несколько лет семейное «благополучие» чуть не рухнуло. В здании, где располагалось приходское училище, решили разместить реальное училище, начался подбор нового обслуживающего персонала. Николай Фалалеевич очень опасался, что ему откажут от места. К счастью, этого не случилось. Помогла безупречная репутация сторожа. Правда, работы добавилось. Теперь Николай Фалалеевич был занят чуть не круглые сутки. Ночью сторожил, а днем бегал, несмотря на преклонные годы, по всему городу в качестве курьера. Но зато есть постоянная работа, а это, когда тебе идет шестой десяток, не так уж мало значит.

Вскоре повезло и Парасковье Андреевне. Узнав о неиссякаемом трудолюбии прачки, дирекция реального училища предложила ей стать уборщицей.

Только улеглись хлопоты с работой, как возникла новая тревога. Что делать с Георгием? В реальном училище главным образом дети зажиточных родителей, надо было вносить довольно высокую плату за обучение, существовали строгие инструкции насчет формы и тому подобного. Как быть? Отец очень хотел, чтобы Георгий учился дальше. Но где взять средства?

Снова выручила безупречная репутация родителей. Дирекция реального из милости решила не брать плату за обучение. Николай Фалалеевич воспрянул духом. Все-таки будет полегче! А уж на два комплекта формы, форменное пальто и учебники он накопит. От себя кусок оторвет, но добьется, чтобы сын выучился, чтобы жилось ему не так, как отцу и матери.

Постоянная борьба за кусок хлеба не притупила, не пога-

сила в Микушевых лучшие человеческие чувства. В семье всегда царил мир, хотя супруги во многом отличались друг от друга. Прошедший многолетнюю флотскую муштру, Николай Фалалеевич на всю жизнь остался человеком строгим и вместе с тем справедливым. Он никогда не поднимал руку на жену и детей. Парасковья Андреевна была женщиной очень доброй, мягкой, застенчивой. От нее никто не слыхивал резкого слова. Любовь ее к детям не знала границ. И все-таки дети не пытались спрятаться от строгости отца под крылышко матери. В воспитании детей супруги Микушевы всегда были едиными.

С первых же лет учебы в реальном Георгий стал любимцем, заводилой всех игр. Простой, общительный, неистощимый на выдумки, он легко сблизился с одноклассниками. И все-таки ощущение социального неравенства не покидало его. Часто он перехватывал косые, пренебрежительные взгляды сверстников из «благородных» семей: как может сын сторожа и уборщицы учиться вместе с ними, детьми заводчиков, купцов, чиновников! Но Георгий не давал никакого повода для зубоскальства на свой счет.

Годы, проведенные в реальном, многое дали Георгию. Он приобрел здесь не только основные знания, но и отличные манеры. Развилось его природное чувство прекрасного, любовь к музыке и понимание ее. Он играл на струнных и духовых инструментах, пел в хоре, без посторонней помощи научился играть на пианино. Любил футбол, коньки, лыжи, плавание, гимнастику. Его особенно привлекали русская словесность и история. Большое влияние на Георгия оказал учитель русского языка и литературы Авенир Павлович Попов. Приехав в город совсем молодым, он учительствовал до преклонного возраста. Среди тех, кто на всю жизнь сохранил память о своем учителе, был и Георгий Микушев.

Долгое время не удавалось найти никого из бывших соучеников Микушева по реальному училищу. И ничего удивительного. Ведь прошло шестьдесят лет. Помогла Анна Николаевна.

— Есть! — сказал она в одной из бесед. — Есть такой человек! Это Александр Иванович Щелконогов.

Мы встретились. А. И. Щелконогов оказался весьма почтенным, заслуженным человеком, участником гражданской и Отечественной войн. В последнее время перед пенсией он был ответственным работником Кунгурского машиностроительного завода.

— Да, — подтвердил Александр Иванович. — Я учился с Георгием в одном классе весь курс реального училища. Но с 1918 года не знал, где он и что с ним, пока недавно не прочитал о Георгии в местной газете. Наш класс был очень дружным. За детские проказы отвечали всем скопом. В детстве Георгий Николаевич был живым, энергичным, компанейским, заводилой многих игр. Дисциплина в училище была строгая, учащиеся до шестого класса могли находиться на улице только до шести часов вечера. За нарушение этого правила они несли

Г. Н. Микушев, ученик 5-го класса реального училища. (1915 г.)

наказание, вплоть до исключения из училища. Да, Георгий был компанейским, но, как мне помнится, он сторонился тех, кто мог укорить его принадлежностью к бедной семье.

А Георгий очень ценил заботу о нем родителей. Больше того, пытался помочь семье материально: репетировал учеников, готовил их к экзаменам, как мог подрабатывал во время каникул. Видя постоянную усталость матери, он убирал комнату, мыл посуду, топил печи и выполнял массу другой работы по дому. Чтобы не занести грязи в комнату, никогда не забывал снимать сапоги у порога. Мать часто болела. В такие дни никто лучше Георгия не мог ухаживать за нею.

Главным досугом в семье Микушевых было чтение книг. По вечерам, когда семья была в сборе, Николай Фалалеевич доставал книгу и начинал читать вслух. Георгию с детства привилась любовь к чтению. За годы учебы в реальном он прочел почти всю тамошнюю хорошую библиотеку.

Занятия в реальном подходили к концу. Предстояло задуматься о дальнейшей судьбе Георгия. Николай Фалалеевич хотел, чтобы его сын стал военным:

— Отец мой служил двадцать пять лет, я — десять лет, а мой сын, наверное, будет на военной службе всю жизнь.

Но едва ли сам Георгий хотел тогда посвятить себя армии. Его больше привлекали гуманитарные науки. И все-таки предсказанию отца суждено было сбыться.

В 1916 году Георгий Микушев окончил шесть классов реального училища. Шел второй год мировой войны, и восемнадцатилетнему юноше-реалисту предстояло отправиться на ускоренные курсы Алексеевского военного училища в Москве.

КУНГУР — ИРКУТСК — КРЫМ

В июне 1916 года Георгий Микушев стал юнкером Алексеевского военного училища. Фронт империалистической войны требовал все новых и новых офицерских кадров, особенно младших офицеров. Училище, носившее имя цесаревича Алексея, теперь во многом не походило на довоенное. Пришлось снять некоторые социальные ограничения для поступления в юнкера. Пришлось сократить и срок обучения, организовав ускоренные курсы. За полгода из бывших реалистов и гимназистов готовили младших офицеров — прапорщиков.

1917 год прапорщик Георгий Микушев встретил в 147-м запасном пехотном полку, расквартированном в городе Кузнецке. Надежды солдат на то, что Временное правительство кончит войну, не оправдались. К фронту перебрасывались новые подкрепления. В августе 1917 года Микушев направляется на германский фронт и назначается командиром роты 499-го Ольвиопольского полка действующей армии.

Едва ли девятнадцатилетний прапорщик разбирался тогда во всех тонкостях политики. Ведь ему не приходилось вращаться в гуще рабочего класса, участвовать в революционной борьбе. Но у него, выходца из народных низов, было глубокое уважение к народу, преклонение перед трудом как основой всего сущего. Он никогда не бравировал этими чувствами, но и никогда не скрывал их. Он жил так, как подсказывала совесть.

Сын матроса, внук солдата, Микушев хорошо понимал душу подчиненных. Солдаты искренне полюбили прапорщика Микушева.

Не кланяясь пулям, Микушев водил роту в атаки, умело организовывал оборону. Когда немецкие снаряды рвались у самых окопов, он не прекращал наблюдения за противником. Бородачи, прошедшие огонь и воду, забыв про всякую субординацию, кричали в такие минуты своему командиру:

— Ложись!

Умелый и отважный командир роты был замечен командованием. Ему присвоили звание подпоручика.

События октябрьских дней в Питере застали Микушева на передовой. Офицерство раскололось. Многие засобирались в районы, где сосредоточивались силы контрреволюции. Микушева с ними не было. Первой его реакцией на Октябрьский переворот было добровольное снятие погон.

Считая свою военную карьеру законченной, Микушев в январе 1918 года вернулся в Кунгур. Здесь было относительно спокойно. Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в городе в ночь с 28 на 29 октября 1917 года, сразу же после получения известия о революции в Петрограде. Переход власти в руки Совета произошел мирно. Это обеспечила настойчивая и последовательная борьба большевиков города за массы в период с февраля по октябрь, в ходе которой местная буржуазия была изолирована и не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, когда решался вопрос о переходе власти в руки Совета.

В городе началось социалистическое переустройство. Но не приходилось сомневаться, что реакция еще попытается взять реванш, что она только затаилась, выжидая удобный момент. Кое-какие черные дела уже были вписаны в ее «актив». Это — буйный черносотенный погром в городе через несколько дней после установления Советской власти, это — тайный и явный саботаж во всех звеньях городского аппарата и хозяйства.

Большевикам было чрезвычайно важно закрепить свои позиции, поставить надежных людей на первых порах хотя бы на основных участках.

Вскоре после приезда в Кунгур Микушев встретился со старым знакомым Николаем Васильевичем Семовских. С его братом, Георгием, Микушев учился в одном классе реального.

К 1918 году за плечами Николая Семовских была интересная жизнь. Он родился в 1894 году в семье крупного кунгурского кожевенного заводчика. Учась в Пермском реальном училище, Николай сближается с революционными рабочими Мотовилихи. В 1913 году вступил в социал-демократическую рабочую партию. Пермский комитет большевиков дал ему явку в Кунгурскую партийную организацию. Одно из главных поручений, возложенных на Семовских, состояло в снабжении кунгурских большевиков партийной литературой.

Небезынтересно, в связи с этим, отметить такой факт. В фонде редкой книги Кунгурского краеведческого музея есть

несколько брошюр, объединенных одним переплетом. Сохранившийся автограф говорит, что брошюры принадлежали Н. В. Семовских. Среди них очень умело и незаметно переплетена работа Энгельса «О социальном вопросе в России», запрещенная к распространению.

Полностью отдавшись революции, Николай Семовских прерывает с отцом-капиталистом. Живя впоследствии в Москве, он привез в Кунгур газету «Социал-демократ» с манифестом ЦК партии большевиков «Война и российская социал-демократия» и статьей В. И. Ленина «Положение и задачи социалистического Интернационала».

Осенью 1916 года Семовских был членом организационного бюро Московского комитета партии большевиков. 1 декабря во время заседания комитета он был арестован. После освобождения, во время Февральской революции, Семовских работает в Замоскворецком райкоме партии большевиков столицы. В апреле 1917 года он приезжает в Кунгур и на первом легальном собрании большевиков избирается в состав городского партийного комитета.

Ко времени встречи с Микушевым Н. В. Семовских работал в информационном отделе Кунгурского уездного исполкома Совета.

Из документов и по рассказам А. Н. Микушевой известно, что по предложению и рекомендации Семовских Георгий Микушев был направлен на работу в городскую типографию, а вскоре стал ответственным секретарем редакции газеты «Голос Кунгурского Совета». Но как именно состоялся переход Микушева на службу Советской власти? Долгое время подробности этого переломного момента в жизни Микушева установить не удавалось. Сам Николай Семовских умер в 1954 году в Москве. Кто же может сообщить подробности? Пожалуй, брат Николая Семовских, Георгий Васильевич. Ведь он не только учился вместе с Микушевым в реальном, но и находился в 1918 году в Кунгуре. Но где этот человек сейчас?

И вот, когда уже большинство материалов о Микушеве было собрано, ко мне пришел высокий старый, но очень бодрый человек и коротко представился:

- Семовских. Слышал, что вы хотели со мной встретиться.
- Георгий Васильевич?
- Он самый. Живу в Свердловске. Заехал по старой памяти на несколько дней в Кунгур.
- Ведь вы вместе учились с Микушевым в реальном?

— Да. Весь курс — до последнего класса. Были друзьями. Хорошо его помню.

— А после учебы вы не встречались?

— Встречался. В начале восемнадцатого года. Проходило в кинематографе «Олимп» какое-то собрание или митинг. В организации его участвовал мой брат Николай. Перед началом митинга я и увидел Микушева. Он был в военной форме. Мы в зале сидели вместе, беседовали. Я сразу же убедился, насколько изменились политические взгляды Георгия, стали более зрелыми. Он, например, очень резко осуждал порядки в старой армии, грубое отношение к солдату, рукоприкладство, радовался, что всему этому наступил конец. После митинга я шел домой вместе с братом и говорил о встрече со старым другом, о его высказываниях. Николай внимательно меня слушал...

Мирная жизнь Микушева продолжалась недолго. К концу июля 1918 года линия фронта приближалась к Кунгуру, подступы к которому обороняла поредевшая в боях 4-я Уральская дивизия под командованием пермского большевика А. Л. Борчанинова.

Дивизия остро нуждалась в людских резервах, командном составе, вооружении, снаряжении и боеприпасах. «Прошу о немедленной присылке подкреплений, — бил тревогу А. Л. Борчанинов в донесении штабу 3-й армии. — Никаких резервов в моем распоряжении нет. Нужны новые свежие части для прикрытия тракта на Кунгур». Но командующий 3-й армией Р. И. Берзин был бессилён чем-либо помочь.

В этих условиях оставался только один выход — спешное формирование новых частей за счет местных людских резервов.

Внимательно следя за военной обстановкой, Микушев понял, что его место сейчас в армии, где пригодятся его знания и боевой опыт. 3 августа 1918 года он добровольно вступил в Красную Армию и был назначен командиром отдельной роты.

В сущности, эта рота представляла собой кратковременную школу боевой и политической подготовки красноармейцев. Состав ее значительно изменялся буквально через неделю-две. Одни новобранцы вливались в роту, другие отправлялись на фронт.

Сначала рота состояла из добровольцев. Затем пришлось мобилизовать жителей города и уезда 1896—1897 годов рождения. Спустя некоторое время рота стала готовить и младших командиров. С этой целью были мобилизованы бывшие унтер-офицеры и фельдфебели старой армии в возрасте до 35 лет.

Неоднородный состав роты очень затруднял подготовку. Наряду с преданными революции бойцами, в роту вынужденно зачислялись неустойчивые элементы, представители зажиточной прослойки деревни. Они приносили с собой скрытый дух недовольства, совсем недавно вылившегося в кулацкие восстания во многих волостях уезда. Часть бывших офицеров сколачивала предательскую группу, надеясь при первом же удобном случае переметнуться на сторону белых. В этих условиях Георгию Микушеву приходилось вести не только чисто военную, но и политическую работу. Он целыми днями был на занятиях.

А тем временем Микушева подстерегало тяжелое испытание, одно из самых больших испытаний в его жизни. Вот как рассказывает об этом А. Н. Микушева:

— В одно из августовских воскресений к нам домой пришли двое и увели Георгия. Все произошло очень быстро. Когда я выбежала из дому, Георгий и конвоиры были уже далеко. Я бежала за ними следом по всему городу. Пришли на станцию. Там все трое исчезли среди вагонов. На другой день я с сестрой Верой снова пошла на станцию. Что произошло? В чем провинился Георгий? Мы знали, что на станции в вагонах содержатся арестованные враги. По городу шел слух, что их расстреляют. Время было очень тяжелое, и церемониться с изменниками не приходилось. Но при чем тут Георгий? В окне одного из вагонов я увидела брата. Он нас тоже увидел, знаками поздоровался и приложил пальцы к губам. Мы поняли: просит покурить. Кое-как достали курева, а заодно и немного селедки, упросили разрешить передачу. Несколько дней мы с мамой чуть ли не все время проводили на станции. Идешь, а по городу бегут мальчишки-газетчики и кричат: «Такой-то и такой-то расстреляны!» Мы со страхом прислушивались к их крикам.

Вдруг ночью Георгий вернулся домой. Оказывается, чекисты раскрыли заговор среди бывших офицеров, заподозрили и Георгия. За дни, что он находился под арестом, была проведена тщательная проверка и установлена непричастность Георгия к этому делу. Но несколько дней неизвестности очень измучили его.

Можно представить, что испытал в те дни Георгий Микушев. Он принял Советскую власть как родную, добровольно пошел защищать ее. И вот представители этой власти арестовывают его, подозревая во вражеских намерениях. Он сидит вместе с явными контрреволюционерами. Не каждый бы мог выдержать такое испытание. Чувство личной обиды, нервное

потрясение могли поколебать веру Георгия Микушева в то, за что он решил бороться, заставить его замкнуться в себя.

Этого не случилось. Вера Микушева в справедливость Советской власти не пошатнулась. Он ни на мгновение не усомнился в правильности выбранного пути. Микушев вернулся в строй и продолжал командовать отдельной ротой.

Спустя сорок восемь лет мне удалось узнать, что в Удмуртии, в городе Воткинске, живет человек, стоявший в тот период к Микушеву ближе всех. Зовут его Павел Иванович Крылосов. В 1918 году он был помощником командира той самой отдельной роты. И вот как охарактеризовал П. И. Крылосов своего бывшего командира:

«Георгий Николаевич Микушев был знающим военным специалистом, очень порядочным человеком и чутким товарищем, очень хорошо относился к своим бойцам. Он мне говорил: «Мы с тобой, Павлуша, всегда будем «вместях». И я всегда его вспоминаю и буду вспоминать до конца своей жизни. Все думал и мечтал, может, все-таки где-нибудь встретимся с дорогим другом моим Георгием Николаевичем Микушевым...»

Забот у Микушева все прибавлялось. Теперь его бойцам надо было нести и гарнизонную службу — патрулирование тревожных улиц Кунгура. Твердость командира воодушевляла плохо вооруженных, плохо обмундированных красноармейцев. Трудно было и с питанием. Некоторых бойцов приходилось отпускать на побывку в свои деревни, чтобы хоть там они могли сытно поесть. Сам ротный тоже недоедал. Зная это, один из красноармейцев принес ему из деревни молока и яиц, но, стесняясь лично предложить продукты командиру, отнес подарок Парасковье Андреевне. Вечером она стала угощать усталого сына.

— Откуда такое богатство? — удивился Георгий.

— Солдат принес, — честно призналась мать. — Я думала, ты купил.

— Ничего я не покупал! Нельзя же так, нельзя...

И на следующее утро крепко распек бойца:

— Если еще раз такое повторится, никогда больше отпуска не дам!

Тем временем обстановка на фронте все обострялась. Белые наступали со стороны Екатеринбурга вдоль полотна железной дороги и уже достигли района станции Кишерт, совсем неподалеку от Кунгура. Продвижение белых шло и по другим направлениям. Город оказался под угрозой. Части 4-й Уральской дивизии с трудом сдерживали натиск врага.

«Много надеюсь на части Блюхера, которые приближаются к Кунгуру, — говорил командарм-3 начальникам дивизий. — Если вам удастся продержаться четыре-пять дней, тогда положение исправится».

Кунгур продержался эти дни.

12 сентября 1918 года передовые части южноуральских партизан соединились с Красной Армией, а через несколько дней отряды Блюхера вошли в Кунгур и были влиты в состав 4-й Уральской дивизии.

Пополнение отличалось большой стойкостью и высоким моральным духом. Однако измотанные длительным рейдом из районов Южного Урала, блюхеровцы нуждались хотя бы в нескольких днях отдыха. Между тем противник продолжал наступление.

17 сентября рота Микушева в полном составе была направлена на фронт в распоряжение командира 1-го Кунгурского батальона. Она насчитывала 250 штыков и 45 сабель. Кавалеристов набрали из городской милиции. Рота ощущала острый недостаток в патронах. Имелся только один пулемет «льюис».

На станцию Кишерть рота прибыла по железной дороге и заняла позиции примерно в двадцати километрах южнее.

Вскоре перед расположением подразделения Микушева, которое стало теперь 3-й ротой 1-го Кунгурского батальона, появились белые цепи.

Рота выстояла и в первой, и во второй, и в последующих атаках. Микушев и его бойцы выдержали экзамен.

Характерно, что оборона роты Микушева с самого начала приняла активный характер. Красноармейцы упорно контратаковали противника. Дело не раз доходило до рукопашных схваток, когда все решалось штыковым ударом. Враг не выдерживал, откатывался. В этих жестких боях, вспоминает П. И. Крылов, Микушев показал себя смелым, энергичным командиром.

Рота удерживала позиции до подхода немного отдохнувших подразделений блюхеровцев.

Вскоре 1-й Кунгурский батальон был развернут в 1-й Кунгурский полк. Микушева назначили командиром одного из батальонов. 2 октября этот полк, развивая успех 1-й Коммунистической Петроградской автосамокатной роты, стремительной атакой освободил от белых Красноуфимск.

В ходе боев 4-я Уральская дивизия под командованием В. К. Блюхера сделала все возможное, чтобы остановить про-

тивника и улучшить положение Восточного фронта на линии Кунгур—Красноуфимск. 11 ноября она была преобразована в 30-ю стрелковую дивизию.

Штаб 88-й бригады 30-й стрелковой дивизии. Сидит слева командир бригады И. К. Грязнов. Стоит крайний справа начальник оперативной части Г. Н. Микушев. (Декабрь 1919 г., Сибирь).

Однако частные успехи закрепить не удалось. Слишком неравны были силы. 14 декабря 1918 года белые начали решительное наступление на Кунгур и 19 декабря атаковали город с трех сторон. К вечеру 21 декабря, после кровопролитных боев в пригороде и на улицах, красные войска вынуждены были оставить Кунгур.

Ворвавшись в город, белые сразу начали расправу над сторонниками Советской власти. В первую же ночь вооруженные белогвардейцы ввалились в квартиру Микушевых, разыскивая красного командира. Не найдя его, они с угрозами потребовали денег, а потом забрали вещи Георгия и тут же стали натягивать их:

— Ну как, похожи мы на него?

— На всех чертей вы похожи! — крикнула младшая сестра Георгия Анна.

Белогвардеец в ярости вскинул на нее винтовку.

— Брось ты с девчонкой связываться, — сказал второй. — Забирай барахло и пошли.

С тех пор белые не оставляли Микушевых в покое. У них располагались то офицеры, то солдаты. Потом квартиру Микушевых заняли казаки, и их сотник находил высшее удовольствие в том, чтобы язвить, ехидничать и крутить плеткой над головами Николая Фалалеевича и Парасковьи Андреевны. Старики оставались равнодушными к угрозам. Они верили, что сын пошел по правильному пути. Их волновало одно: где сейчас Георгий, жив ли он?

А Георгий в это время, не щадя себя, продолжал трудный путь. Его честность, добросовестность, смелость, знание военного дела были замечены. В январе 1919 года Микушев назначается начальником оперативной части 1-й Красноуфимской бригады, которой командовал И. К. Грязнов.

К этому времени относятся его последние встречи с П. И. Крылосовым, ставшим командиром 3-го батальона 263-го Красноуфимского полка, входившего в состав 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии.

«Мне помнится, — пишет П. И. Крылосов, — встречались мы с ним на фронте два раза. Встречи были радостные. Мы крепко обнялись, расцеловались. Эти встречи какие-то особенные. Вероятно, чувствовали наши сердца, что мы с ним больше никогда-никогда не увидимся».

Как жаль, что П. И. Крылосов больше ничего не знает о Микушеве... Есть ли в живых другие ветераны 1-й Красноуфимской бригады, которые встречались с Микушевым в последующий период гражданской войны?

И вот однажды случайно я стал свидетелем того, как Анатолий Петрович Шастин, в течение нескольких десятков лет заведовавший одной из кунгурских аптек, рассказывал о старом снимке из своего архива:

— Тут весь штаб 1-й Красноуфимской бригады. Вот это комбриг Грязнов, а это — комиссар Мяги, рядом — начальник штаба кунгуряк Бочкарев. А вот я...

— А это кто, в белой заячьей шапке? — спрашиваю его.

— Это начальник оперативной части бригады. Тоже, между прочим, кунгуряк. Вот только фамилию его точно не помню. Мякишев, как будто...

— Может быть, Микушев?

— Вот-вот, точно! Микушев.

— Вы его знали?

— А как же, хорошо знал, часто встречались. Я в бригаде с декабря восемнадцатого года заведовал передаточным пунктом по распространению литературы и одновременно вел шифровальное дело в штабе бригады. Микушев часто приходил ко мне за шифровками, получал и другие документы. Хороший был парень, простой. Многие вместе довелось испытать. Начиная с дней отступления...

30-я стрелковая дивизия отступала до Вятских Полян. Затем весной 1919 года вместе с другими дивизиями Восточного фронта перешла в наступление. 29 июня части 28-й и 21-й дивизий 2-й армии под сильным огнем противника форсировали реку Ирень у Кунгура и двинулись на город. 30 июня вышла к Каме 29-я дивизия 3-й армии. Между Пермью и Кунгуром с боями успешно продвигалась и 30-я дивизия.

1 июля, захватив большие трофеи, красные войска полностью освободили Пермь. В тот же день 21-я дивизия с боями взяла Кунгур, захватив более 800 пленных.

Освобождение двух крупных городов Западного Урала имело большое стратегическое значение. В тот день В. И. Ленин телеграфировал в штаб фронта: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца».

Через несколько дней после освобождения в Кунгур на пароконной повозке приехал Георгий Микушев с ординарцем.

Группа работников оперативной части штаба 88-й бригады 30-й стрелковой дивизии. Слева — начальник оперативной части Г. Н. Микушев (1920 г., Сибирь).

Его засыпали вопросами. Каждому хотелось узнать о судьбе близких, отступивших из города полгода назад. Микушев жил дома около недели, а потом уехал догонять 1-ю Красноуфимскую бригаду, с боями наступавшую по Березовскому тракту.

Развивая наступление, красные войска, в том числе и 30-я дивизия, продвигались на восток. Колчаковцы упорно сопротивлялись. Тем не менее красные войска занимали город за городом. Под их ударами пали Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Ишим, Омск.

Дальнейший путь 30-я дивизия под командованием А. Я. Лапина продолжала в составе 5-й армии, освободив Новониколаевск (ныне Новосибирск) и Томск. 7 декабря 1919 года в селе Каменке Томской губернии и был сделан тот снимок штаба бригады, который ветеран гражданской войны А. П. Шастин хранит почти полвека.

В новогоднюю ночь 1920 года 1-я бригада 30-й дивизии разгромила белых под Ачинском. Организовать оборону Красноярска, несмотря на многочисленный гарнизон, белые уже не смогли. Их командование обратилось по телефону к командиру головной бригады 30-й дивизии И. К. Грязнову с предложением о сдаче. Пока шли переговоры, красноярские большевики подняли массы на восстание. В ночь с 6 на 7 января 30-я дивизия заняла Красноярск.

Ей же было поручено завершить разгром колчаковцев. 7 марта, опираясь на поддержку восставших трудящихся Иркутска, дивизия вошла в этот город. 10 апреля за боевые подвиги дивизия была награждена почетным революционным Красным знаменем, а позднее получила наименование «Иркутская».

С первого до последнего дня великого сибирского похода Георгий Микушев являлся начальником оперативной части штаба 88-й (1-й Красноуфимской) бригады И. К. Грязнова.

Байкал! Вот куда пришли пермяки, кунгурыки, красноуфимцы, волжане. В один из дней Микушев поднялся на аэроплане над Байкалом. Ему очень понравился вид «славного моря» с большой высоты. Вид суровый, но мирный.

Но до полного мира было еще далеко. Осенью 1920 года, после пребывания на берегах Селенги, дивизия направляется на новый фронт — громить Врангеля. Через всю Россию лежал путь 30-й. По Сибирской магистрали потянулись эшелоны.

В один из осенних дней в Кунгур пришло письмо. Микушев сообщал, что будет проезжать через город и звал встречать

его. Родные пошли на вокзал всей семьей. Прошел час, два. Николай Фалалеевич по простоте душевной явился к станционному начальству и спросил, скоро ли придет воинский эшелон. Какой эшелон? — недоуменно ответили ему. — Никакого эшелона мы не ждем. — Как так? — удивился старик, но тут же прикусил язык. Ему ли, старому вояке, не знать, что такое военная тайна?

Стемнело. Паровозные огни показались из-за поворота неожиданно. Состав затормозил, и родные увидели, что от передних вагонов бегут Георгий и двое сопровождающих. Все зашли в вокзал, сели. Минуты летели, а они так и не успели переговорить обо всем, что накопилось за время разлуки. Георгий передал кое-какие вещи, которые в Крыму не понадобятся. Сопровождающие дважды подходили:

— Товарищ начальник...

— Сейчас, сейчас...

Прошло не более десяти минут. Обратно все трое побежали. Паровоз уже подавал гудки.

И снова -- в путь.

В ноябрьские дни 1920 года красные войска начали штурм врангелевских укреплений. 7 ноября 51-я дивизия В. К. Блюхера начала переправу через Сиваш и атаковала Турецкий вал.

В ночь на 11 ноября 30-я дивизия под командованием И. К. Грязнова приступила к штурму Чонгара. Дорогой ценой красные солдаты одержали победу в одном из самых кровопролитных сражений гражданской войны. Реввоенсовет Республики наградил 30-ю дивизию боевым орденом Красного Знамени.

Вскоре испытанная в боях дивизия перебрасывается на борьбу с бандами Махно. Это был очень коварный враг. Микушев рассказывал потом родным, что бойцы вылавливали батьку Нестора Махно несколько раз, но на поверку это оказывались подставные люди, а сам атаман ускользал. Борьба продолжалась до июля 1921 года.

Гражданскую войну Микушев кончал коммунистом. Он вступил в партию в феврале 1921 года и получил партбилет за номером 0272724. Это был глубоко продуманный шаг, как и все, что делал Микушев. Он вот уже два с половиной года был преданным и стойким командиром Красной Армии. Теперь он стал верным сыном партии и останется им до последнего дня жизни.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

В один из апрельских дней 1965 года, когда страна готовилась отметить 20-летие победы в Великой Отечественной войне, ко мне пришла взволнованная старшая сестра Микушева Вера Николаевна.

— О Георгии Николаевиче пишут! — протянула она газету.

Это была «Красная Звезда» от 3 апреля. Уже потертая на сгибах, сложенная во много раз. Видимо, не через одни руки прошла она, прежде чем попала к Вере Николаевне.

Статью «Герои среди нас» опубликовал известный советский писатель Орест Мальцев. Вот тот отрывок, который привлек внимание кунгуряков:

«Наши люди чтят тех, кто сражался за жизнь на земле, не забывают и тех, кто не вернулся из дымных сражений, свято хранят скупые похоронные листки, ездят по следам погибших, разыскивают их могилы, ибо были такие герои, с безвестностью которых не может примириться совесть живых. Таким был командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Георгий Николаевич Микушев, старый солдат, участник первой мировой войны, простой и скромный человек. Дивизия под его командованием в течение пяти дней сдерживала в районе Равы-Русской превосходящие силы гитлеровцев, то и дело переходя в контратаки и отбрасывая их обратно за госграницу. Потом в последний раз я видел его под Белой Церковью. В дубовом лесу он сидел на пне, печально задумавшись над картой, лежавшей у него на коленях. А спустя некоторое время он был убит.

Очень жаль, что до сих пор не установлено даже место, где он похоронен. По слухам, его похоронили в дни обороны Киева в городском ботаническом саду. Оттуда все захоронения были впоследствии перенесены к могиле Неизвестного солдата на берегу Днепра. Но и там его имени не оказалось».

Орест Мальцев... Кроме известного писательского имени, здесь звучало что-то еще знакомое. Куда-то еще перебрасывался мостик памяти, звучали знакомые интонации. Очерк «Герои одной стрелковой дивизии»?..

Автор очерка — Орест Ровинский. Некоторые факты в обоих материалах повторялись. Но почему разные фамилии? Псевдоним? Возможно. А если Орест Мальцев и есть Орест Ровинский?

В феврале 1966 года я вернулся к материалам о Микушеве. В том же месяце в кунгурской городской газете «Искра»

появилась статья о нем. Другая статья была отправлена в областную газету «Звезда», где вскоре опубликована. В эти же дни отослал я письмо Оресту Мальцеву.

В тот день, когда кунгурская почта увозила это письмо, ташкентская почта приняла письмо, адресованное редакции кунгурской газеты. Вскоре его распечатали в редакционном отделе писем.

— Смотрите-ка, на опубликованный у нас материал о Микушеве из Ташкента отклик пришел!

— Не может быть! Откуда наша «Искра» оказалась в Ташкенте? Да если и так, то времени мало прошло, чтобы газета попала в Ташкент и оттуда успели написать отклик!

Да, это был не отклик. Это была вполне самостоятельная корреспонденция о генерале Микушеве, написанная бывшим политработником 41-й стрелковой дивизии, гвардии майором запаса Николаем Николаевичем Горновским.

В своей корреспонденции Н. Н. Горновский сообщал много известных биографических данных о Микушеве, но многое было и новым, особенно в части, касающейся событий войны; приводились конкретные факты, высказывания.

Больше всего радовало то, что Микушев в связи с двадцатилетием победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его имя присвоено одной из улиц Равы-Русской и пионерскому отряду при местной школе-интернате. В этой школе создан музей боевой славы и на самом видном месте помещен портрет генерала Микушева.

Очень порадовало и приложенное к корреспонденции письмо Н. Н. Горновского. Он сообщал, что Евгения Васильевна Микушева проживает в Днепрпетровске, указывал ее адрес. Писал, что в Кривом Роге живет ветеран 41-й дивизии В. И. Срыбник, который собирает материалы о боевом пути дивизии. Вот сколько нитей дало сразу одно неожиданное письмо.

Наиболее интересную часть корреспонденции Н. Н. Горновского немедленно опубликовали в «Искре», были отправлены письма Е. В. Микушевой, Н. Н. Горновскому, В. И. Срыбнику и в музей боевой славы Рава-Русской школы-интерната.

Не успели эти письма достигнуть адресатов, как я получил письмо Ореста Мальцева, начинающееся так: «Отвечаю

на Ваше письмо немедленно, ибо очень рад, что Вы взялись писать о Микушеве. Достойное, нужное дело. От всей души желаю Вам успеха».

Далее Орест Мальцев сообщал, что после его выступлений в «Красной Звезде» у него установилась связь с рядом ветеранов дивизии. Орест Мальцев подтверждал свое авторство очерка «Герои одной стрелковой дивизии» и обещал помощь.

В те же дни я обратился с письмом к Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому, который служил в гражданскую войну в 30-й стрелковой дивизии и, будучи командиром 2-го кавалерийского дивизиона, за лихую конную атаку на белую батарею и захват этой батареи получил в награду орден Красного Знамени. Не приходилось ли ему встречаться с Микушевым? Были направлены также письма Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, который в начале Отечественной войны был Главнокомандующим войск Юго-Западного направления, и Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. Что они помнят о Микушеве и 41-й дивизии?

Вскоре пошли ответы. Первым откликнулся Н. Н. Горновский. Помимо личных воспоминаний, он давал новые нити для поисков. Оказывается, в 1959 и 1961 годах в «Военно-историческом журнале» были опубликованы статьи бывшего начальника штаба 41-й дивизии Н. В. Еремина, содержащие оперативный разбор действий дивизии в июне — первой половине июля 1941 года. Писал о действиях дивизии и В. А. Анфилов в книге «Начало Великой Отечественной войны», вышедшей в 1962 году. Уже в 1966 году на основании материалов Рава-Русского музея боевой славы несколько статей напечатала львовская областная газета «Вильна Украина».

«Учтите, — заканчивал письмо Н. Н. Горновский, — что 41-ю стрелковую дивизию и Микушева еще вспомнят. Недаром маршал Голиков подвиг 41-й стрелковой дивизии по своей значимости сравнивает с подвигом героев Бреста».

Но откуда маршал Голиков знает о 41-й дивизии? Ведь в начале Великой Отечественной войны он был заместителем начальника Генштаба, главой военной миссии в Англии и США и никак не соприкасался с дивизией Микушева. Изучая события гражданской войны на Урале, я, конечно, сразу обратил внимание, что Ф. И. Голиков был тогда рядовым бойцом легендарного полка «Красных орлов», входившего в состав 3-й армии, которая включала и 30-ю стрелковую дивизию, где служил Г. Н. Микушев. О событиях тех лет Ф. И. Голиков рассказал в книге «Красные орлы», вышедшей в 1959 году.

Но пути «Красных орлов» и 30-й дивизии как будто не пересекались.

Итак, надо уточнить, откуда Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, как утверждает Н. Н. Горновский, близко знает 41-ю дивизию и ее действия. Это оказалось легко сделать. В различных изданиях, в том числе и в первом томе «Истории Великой Отечественной войны», отмечается, что во время освободительного похода на Западную Украину в 1939 году в состав войск Украинского фронта

Писатель О. М. Мальцев (1945 г.).

под командованием командарма I ранга С. К. Тимошенко входило несколько армий, в том числе и армия, которой в 1939—1940 годах командовал комкор Ф. И. Голиков. А ведь в состав 6-й армии в то время входила 41-я стрелковая дивизия под командованием Г. Н. Микушева! Значит, маршал Ф. И. Голиков непременно должен лично знать командира этой дивизии.

«Я искренне рад Вашему письму, — сообщал вскоре Ф. И. Голиков. — Оно обнадеживает в том, что дело генерал-майора Микушева Г. Н. и вверенной ему 41-й стрелковой дивизии не будет заброшено. Да, подвиг этой дивизии в героической защите Рава-Русского укрепленного района я сравниваю с подвигом героев Брестской крепости! И по массовому героизму, и по большому оперативно-тактическому значению развития военных событий на Киевском стратегическом направлении в начале войны».

Маршал обещал прислать воспоминания о Микушеве и выполнил свое обещание. В последующем он прислал в разное время более десяти писем-пакетов с документальными материалами, постоянно помогал советами.

Кто еще из видных советских военачальников мог знать генерала Микушева? Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян. Он в первый период Отечественной войны был начальником оперативного отдела Юго-За-

падного фронта. В книге «Город-воин на Днестре» И. Х. Баграмян подробно рассказал о боях под Белой Церковью в июле 1941 года, в которых участвовала и 41-я дивизия. Упомянул он и о подвигах воинов этой дивизии.

Возможно, в то время И. Х. Баграмян встречался с Микушевым?

Ответ превзошел самые смелые ожидания. Оказывается, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян не только отлично знает и детально помнит Микушева, не только высоко оценивает боевые действия 41-й дивизии. Он даже счел возможным и нужным подробно написать о генерале Микушеве.

«В моей памяти о Георгии Николаевиче Микушеве, — заканчивает свое письмо И. Х. Баграмян, — сохранилось самое светлое воспоминание. Это был один из самых лучших командиров дивизий Юго-Западного фронта».

Пришел ответ и от Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Он также помнил о 41-й стрелковой дивизии и одобрил намерение подробнее рассказать о ее командире. Добрые советы дал также Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко.

Откликнулся и Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Он написал о своем пребывании в 30-й стрелковой дивизии в 1918—1920 годах. «В самом Кунгуре, — замечал маршал, — был дважды — в 1918 и 1920 годах». К сожалению, в тот период К. К. Рокоссовскому, как и Ф. И. Голикову, встретиться с Микушевым не пришлось.

Тем временем поступали и другие письма. Пришел пакет из Кривого Рога от бывшего работника политотдела 41-й дивизии, майора запаса Владимира Израйлевича Срыбника. Его воспоминания о генерале Микушеве представляли собой обстоятельную, насыщенную фактами статью о боевых действиях дивизии и ее командире. Статья была через несколько дней опубликована в кунгурской газете «Искра». Но радовала не только статья. В. И. Срыбник прислал список адресов ветеранов 41-й дивизии, проживающих в Москве и Ленинграде, Киеве и Харькове, Кривом Роге и Чимкенте.

Оказывается, в послевоенный период ветераны соединения, живущие в разных городах страны, неумолимо искали друг друга. И находили. Многие для восстановления связей сделал В. И. Срыбник, взявший на себя инициативу по сбору материалов о дивизии.

В списке В. И. Срыбника значились, в первую очередь, комиссар дивизии, ныне полковник в отставке Александр Мат-

веевич Антонов; начальник штаба дивизии, ныне генерал-майор в отставке Николай Владимирович Еремин; заместитель командира дивизии по строевой части, ныне полковник запаса Павел Никифорович Шалимов; заместитель начальника первого отдела штаба дивизии, ныне майор запаса Андрей Леонтьевич Кизима. Все они, несомненно, хорошо знали Микушева.

Поиск принял более широкий размах. Материалы постепенно накапливались. Они рисовали яркую картину первых месяцев войны.

Чтобы эта картина была полнее, я сделал запрос в Министерство Национальной обороны Германской Демократической Республики. Какие соединения фашистской группы армий «Юг» действовали против 41-й дивизии? Какой путь прошли эти соединения до нападения на СССР? Кто командовал этими соединениями? Вскоре от заместителя министра и начальника Главного политического управления Национальной Народной армии ГДР адмирала В. Фернера пришел обстоятельный ответ на все вопросы.

Но до конца поисков было еще далеко.

МИРНЫЕ БУДНИ

Годы, последовавшие за окончанием гражданской войны, были для Георгия Николаевича Микушева годами больших радостей и горьких утрат.

В июле 1922 года он назначается помощником начальника штаба 88-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии Украинского военного округа, а ровно через год выдвигается на должность начальника штаба того же полка. Еще ровно через год его переводят на должность начальника строевого отделения 7-го стрелкового корпуса Украинского военного округа.

К середине двадцатых годов Микушев накопил большой опыт как строевой, так и штабной работы.

В это время он женился на Евгении Васильевне Юрицкой, умной, образованной и красивой женщине. В новой семье не было ни трений, ни периода «выравнивания характеров». Все с самого начала сложилось очень хорошо.

Но вскоре пришло печальное известие из Кунгура. В 1924 году умер Николай Фалалеевич Микушев. Последнее время он уже не работал, получал пенсию. Георгий Никола-

евич смог приехать в Кунгур уже после похорон отца. Он всячески старался помочь матери и сестре по устройству осиротевшего хозяйства. В последний день пребывания в Кунгуре Георгий Николаевич достал фотографию и показал матери:

— Вот, мамочка, я женился. Ты не будешь обижаться, что я это сделал без твоего согласия?

— Я очень рада за тебя, — просто ответила Парасковья Андреевна. — Я буду знать, что за тобой кто-то ухаживает, заботится о тебе...

Кунгур — город, расположенный вблизи слияния четырех рек. Две из них — красавица Сылва и тихая Ирень протекают по городу. И вполне закономерно, что после быстрого таяния снегов город часто подвергался наводнениям. Одно такое наводнение произошло в 1926 году. Пострадала и квартира Микушевых. Георгий Николаевич быстро откликнулся на зов о помощи и навестил родных.

На этот раз он приехал вместе с Евгенией Васильевной. Жена очень волновалась. Ведь показаться перед родственниками мужа — это, что ни говори, важное испытание. Но встреча прошла хорошо. Евгения Васильевна всем понравилась.

С годами Георгий Николаевич все больше становился похожим на мать. Однажды это подметила Анна Николаевна и сказала брату:

— Говорят, что сыновья, похожие на мать, счастливы.

— А я и есть счастливый, — отозвался Георгий Николаевич. — Меня уважают старшие командиры и любят подчиненные. И в семье я счастливый.

Это был единственный в жизни случай, когда Микушев сказал об отношении к себе других.

Действительно, Микушев видел добрые чувства окружающих по службе. Но он никогда не гнался за дешевой популярностью. Напротив, чем дальше, тем больше Микушев становился требовательным к себе.

Вот характеристика, составленная в 1925 году на начальника строевого отделения корпуса Микушева. В ней, по существу, подводятся итог восьмилетней военной службы Георгия Николаевича: «Настойчив. С сильным характером. Хорошо развит. Как штабной работник, с хорошими навыками в работе. Работник вполне самостоятельный, не нуждающийся в понуканиях, умеющий хорошо распределить работу и верно организовать ее. Аккуратен. Дисциплинирован. Политически развит вполне хорошо. Член ВКП(б). Ценный штабной работник, соответствует занимаемой должности». Эту характе-

ристику утвердил командующий войсками Украинского военного округа, герой гражданской войны Иона Эммануилович Якир.

В 1926 году Георгий Николаевич Микушев переводится в штаб Украинского военного округа и занимает должность помощника начальника отдела. Его мечта — поступить в военную академию. А пока для этого нет возможности, и он, чтобы не терять времени, поступает заочно в... горный институт. Командование отмечает все возрастающую тягу Микушева к знаниям и в 1928 году направляет его на КУКС (курсы усовершенствования командного состава) «Выстрел», находившиеся под Москвой.

Эти курсы, организованные по инициативе В. И. Ленина, являлись важным учебным заведением по переподготовке командного состава Красной Армии. На них повышали свои теоретические знания многие видные военачальники.

В 1930 году Микушев возвращается на прежнюю должность в штаб Украинского военного округа. Тогда же он поступил в военную академию на заочное отделение. Командование считает, что Микушева целесообразнее использовать непосредственно на командной работе в войсках, и в феврале 1931 года его назначают на должность помощника начальника штаба в легендарную 25-ю Чапаевскую Краснознаменную стрелковую дивизию, прославившуюся своими боевыми делами в период гражданской войны, когда ею командовал Василий Иванович Чапаев, а политкомиссаром был Дмитрий Андреевич Фурманов.

25-я стрелковая дивизия и после гражданской войны свято сохраняла свои славные традиции, была на хорошем счету в армии. Поэтому в 1932 году командование особенно обеспокоилось положением дел в 75-м полку дивизии. Командир полка явно не соответствовал должности. Боевая подготовка велась недостаточно энергично, а командир с этим мирился. Требовалось принять срочные меры. В декабре 1932 года командиром 75-го (впоследствии 263-го) Свердловского стрелкового полка назначается Георгий Николаевич Микушев. Так открылась новая страница его биографии.

Минул год. Обстановка в полку совершенно изменилась. Вот аттестация того периода на Микушева: «Политическая, тактическая, физическая и огневая подготовка полка за учебный год дала отличные показатели. Требовательность повышена. Дисциплина правильная и крепкая. Оружие в хорошем состоянии. Военно-хозяйственному имуществу т. Микушев

лично уделяет много внимания. Сам хороший воспитатель, командир умело организует занятия с начсоставом и поучительно проводит их. Тактически вырос. Полк выводит на первое место в дивизии».

Еще через год 75-й Свердловский полк под командованием Микушева стал ведущим в Чапаевской дивизии по физической и строевой подготовке. С такими показателями полк встретил «маневры на высшем уровне» — Киевские маневры в сентябре 1935 года, когда впервые в Европе было широко на практике проверено достижение военно-теоретической мысли Красной Армии — новая теория глубокого боя и глубокой операции с участием крупных войсковых соединений на обширной территории. Руководил маневрами командующий Киевским военным округом И. Э. Якир. Войска «синих» возглавлял командующий Харьковским военным округом И. Н. Дубовой, «красных» — его заместитель С. А. Туровский. На маневрах присутствовали К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Я. Б. Гамарник и другие советские военные руководители, а также многочисленные представители иностранных армий, которым была предоставлена возможность наглядно убедиться в мощи Красной Армии и ее умении вести современные боевые операции.

В ходе «боев» за Киев нападающая «синяя» сторона выбросила восточнее Киева невиданный в истории воздушный десант. Умелыми действиями нейтрализовав десант, «красные», в свою очередь, обрушили на «синих» удар мощной мотомеханизированной группы. «Бои» продолжались с 12 по 15 сентября.

В ходе Киевских маневров 25-я стрелковая дивизия действовала на стороне «красных», обеспечивая их левый фланг юго-западнее Фастова. Как и другие командиры, Микушев извлек из маневров многое, что необходимо для планирования и проведения современных военных операций, и этот опыт очень пригодился ему в дальнейшем.

Несмотря на частую смену начсостава, Микушев добивался сколоченности штаба, лично занимался тактической и огневой подготовкой кадровых командиров. Он многое делал и по подготовке командных кадров запаса.

О личной жизни Георгия Николаевича тех лет мы узнали по некоторым письмам, сохранившимся у родных в Кунгуре. Получив однажды от матери посылку, он писал в Кунгур: «Полученное особенно вкусно, потому что готовили милые пальчики мамочки». Он мечтал о том, чтобы жить вместе с матерью. 1 января 1932 года Георгий Николаевич писал на родину:

«...Вот уже скоро месяц, как я на новом месте, в Полтаве... Семья моя пока в Харькове, а я здесь — еще не нашел квартиру. Обещают на днях квартиру из двух комнат. Тогда перетащусь окончательно.

Как только окончательно устроюсь здесь, сейчас же вам напишу. Женя настаивает, чтобы я написал вам о том, чтобы вы понемногу готовились приехать к нам...

Я думаю, что вас Николай (племянник Микушева. — В. В.) сможет проводить до Москвы, там сделаете пересадку с Ярославского на Курский вокзал, доедете до Харькова, а в Харькове снова пересадка и через 4 часа будете в Полтаве.

Вот такие проекты у нас существуют. Вы над этим вопросом подумайте и напишите — все же вместе жить будет легче.

Сейчас живу в гостинице в отдельном номере. Жить на две семьи страшно трудно. Женя настаивает: «скорей да скорей ищи квартиру», да и она, бедняжка, там ни то, ни се, и с продуктами тяжеловато».

Переезд матери и сестры не состоялся. Парасковья Андреевна не захотела покинуть Кунгур. Анне Николаевне тоже не хотелось оставлять любимую работу в библиотеке. Тогда Георгий Николаевич увеличил им материальную помощь. Мать и сестра отказывались. Они заявляли, что деньги нужны ему самому, семья должна встать на ноги, кое-что приобрести. Ответ был немного обиженным: «Зачем вы так пишете? Вы не знаете, с каким чувством счастья и удовлетворения я посылаю эти деньги для своей любимой и любящей мамочки».

Ему все время хотелось видеть мать. Вырваться в Кунгур удавалось редко. В эти приезды Георгий Николаевич старался

Г. Н. Микушев (1933 г.).

полной грудью надышаться родным кунгурским воздухом, сходить в русскую баню, отведать ни с чем не сравнимых уральских пельменей. И — вдоволь начитать художественных новинков, в изобилии доставляемых сестрой.

С годами у Микушева подобралась хорошая личная библиотека. Здесь было Собрание сочинений В. И. Ленина, много военной и художественной литературы. В семье было принято обмениваться мнениями о прочитанном.

С детских лет жила в Микушеве любовь к животным. Он имел обыкновение держать в доме собак, находил им оригинальные клички, любил лошадей. В тридцатые годы он очень привык к своему коню Чалому, не подходил к нему без ласкового слова, а перед тем, как сесть в седло, обязательно угощал чем-нибудь вкусным.

Жизнь Микушева складывалась во всем благополучно. 26 января 1936 года ему присваивается звание полковника. Он любил службу, видел ее необходимость и пользу. Особенно радовало Микушева всеобщее уважение к Красной Армии со стороны народа. С гордостью он рассказывал родным, как однажды после летних учений его часть возвращалась в город на зимние квартиры. Бойцов вышел встречать весь город, их приветствовали, буквально забрасывали цветами.

Летом 1937 года он писал в Кунгур: «Нельзя сказать, чтобы я вас баловал письмами... Это объясняется тем, что писать вообще не о чем. Все по-старому. Сейчас живем в лагерях... Ездили с Женей в Москву и Ленинград, посмотрели достопримечательности этих городов. В Москве, в частности, посмотрели метро и покатались. Вот чудо из чудес, что ни станция — то чудо. Чистота, порядок и культура на каждом шагу». Далее идет короткий рассказ о прогулке по каналу Москва — Волга, о посещении в Ленинграде Эрмитажа.

Он продолжал командовать 263-м стрелковым полком 25-й Чапаевской дивизии. В феврале 1938 года Г. Н. Микушев награждается юбилейной медалью «XX лет РККА».

4 февраля 1939 года Микушеву присваивается звание комбрига. 18—22 апреля того же года в части состоялась инспекторская проверка. В результате ее полк занял первое место в военном округе.

Сбылась давнишняя мечта Микушева. Полк, находившийся на плохом счету, постепенно вышел на первое место в соединении, а теперь признан лучшим в округе.

В мае 1939 года комбриг Микушев получил назначение на должность начальника 2-го отдела штаба Харьковского воен-

ного округа. Здесь ему пришлось поработать недолго. В августе 1939 года комбриг Георгий Николаевич Микушев назначается командиром 41-й стрелковой дивизии.

Всю жизнь Микушеву «везло» на соединения, в которых ему довелось служить. 30-ю Иркутскую Краснознаменную стрелковую дивизию М. В. Фрунзе называл боевой жемчужиной Красной Армии. По всей стране шла добрая слава о 25-й Чапаевской Краснознаменной стрелковой дивизии. Славный боевой путь прошла и 41-я стрелковая дивизия. Сформированная

Г. Н. Микушев. (20 марта 1936 г.).

в августе 1919 года из харьковских частей, она в дни борьбы с Деникиным отступила на территорию Орловской и Курской губерний. Дивизия понесла в ходе боев большие потери, нуждалась в крепком руководстве. Это было особенно необходимым в связи с подготовкой контрнаступления Южного фронта. Важная роль в нем отводилась 14-й армии под командованием И. П. Уборевича, в состав которой входила и 41-я дивизия. 27 сентября 1919 года Реввоенсовет Республики принял решение о назначении на должность начдива Роберта Петровича Эйдемана, молодого, но уже опытного военачальника Красной Армии. Небезынтересно отметить, что в октябре-ноябре 1918 года, будучи начальником одной из дивизий, Р. П. Эйдемман находился в Кунгуре.

В октябре 1919 года 41-я дивизия стойко и упорно вела бои под Орлом. В ходе контрнаступления Южного фронта дивизией командовал Ю. В. Саблин, впоследствии тоже видный военачальник.

После гражданской войны дивизия была расформирована. Вновь в полном составе она развернулась в 1939 году, а вскоре приняла участие в освободительном походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

ПОГРАНИЧНЫЙ ЩИТ

Это был особенный поход, когда сложились совершенно новые условия ведения военных операций, не предусмотренные никакими воинскими уставами.

Вступая в районы Западной Белоруссии и Западной Украины с двенадцатимиллионным населением, Красная Армия олицетворяла собой нашу социалистическую систему, на которую в течение двух десятилетий клеветали польские паны. Как пройдет эта встреча? От первых ее дней зависело очень многое. Красной Армии предстояло, преодолевая неизбежное сопротивление классового врага, показать себя тем, кем она была — другом и освободителем отторгнутого населения западных земель.

Вместе с тем освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии требовало отличной боевой выучки соединений, являлось еще одной проверкой готовности к защите рубежей страны.

17 сентября 1939 года в 5 часов 30 минут войска Украинского и Белорусского фронтов на большом протяжении перешли советско-польскую границу и быстро начали продвигаться к западным рубежам украинских и белорусских земель. В состав Украинского фронта под командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко входили 5-я армия комдива И. Г. Советникова, 6-я армия комкора Ф. И. Голикова и 12-я армия командарма 2 ранга И. В. Тюленева.

Передовые части 41-й стрелковой дивизии комбрига Микушева совершали переходы по несколько десятков километров в сутки. Следуя через районы Тернополя, Красне и Львова, дивизия вышла на установленный ей рубеж в районе города Рава-Русская и была включена в состав 6-й армии.

Этот тихий городок сильно задела события германо-польской войны. Через него бежало в Румынию реакционное польское правительство. После захвата Равы-Русской гитлеровцы начали движение на восток, но в соответствии с подписанным 28 сентября договором между СССР и Германией о демаркационной линии вынуждены были отступить из Равы-Русской. 41-я дивизия вошла в город и затем заняла рубежи вдоль западной границы протяженностью в несколько десятков километров.

Осень 1939 года была трудной для комбрига Микушева, большим для него экзаменом. Он вступил в командование вновь сформированной дивизией. Назначение его состоялось за месяц

до освободительного похода, и он не успел полностью и всесторонне ознакомиться с большим и сложным механизмом соединения. Знакомство приходилось продолжать в боевой обстановке, когда все силы комдива уходили на выполнение основной поставленной задачи. К тому же ранее Микушев дивизией никогда не командовал и сейчас ему было особенно трудно. Наконец, Микушеву предстояло показать не только командирскую зрелость, но и быть дальновидным политиком, способным установить братские отношения между бойцами дивизии и населением освобожденных районов. И со всеми выпавшими на его долю задачами он успешно справился. Постепенно, но прочно и навсегда к нему пришел авторитет, которым он пользовался и у подчиненных, и у старших над ним начальников.

С осени 1939 года по июль 1940 года Г. Н. Микушеву часто приходилось встречаться с командующим 6-й армией корпусом Ф. И. Голиковым (ныне Маршал Советского Союза). Ф. И. Голиков часто выезжал в 41-ю дивизию для проверки ее состояния, особенно боевой готовности, для изучения кадров, на занятия по командирской учебе и для организации строительства Рава-Русского укрепленного района. В свою очередь, Г. Н. Микушев видел Ф. И. Голикова во Львове, где находился штаб армии.

Вот строгая, исчерпывающая и глубокая характеристика, данная Маршалом Советского Союза Ф. И. Голиковым командиру 41-й стрелковой дивизии Г. Н. Микушеву спустя четверть века после тех встреч:

«Георгий Николаевич Микушев запомнился мне как энергичный, знающий командир стрелковой дивизии приграничного военного округа. В оперативно-тактическом отношении он был подготовлен хорошо и различные задачи за дивизию-корпус решал уверенно. Вообще он производил впечатление хорошего практика и человека, отлично знающего требования воинской службы и условия армейской жизни. Его характерными чертами являлись скромность, сдержанность, немногословие, высокая дисциплинированность и исполнительность, точность и аккуратность в выполнении всех своих служебных обязанностей, большая вдумчивость. Он никогда и нигде не выпячивал себя, не старался привлечь к себе внимание начальства, но и не тащился в хвосте, не прятался в тень или за спину других командиров дивизий и всегда был там и на том месте, где ему надлежало быть. Да и внешне он не отличался представительностью. У него не было ни высокого роста, ни басистого голоса, ни представительной фигуры. Внешне это был типичный войско-

вой командир-труженик, каких у нас тысячи, достойных большого и искреннего уважения.

Его личные качества были очень привлекательны: он был человечным и тактичным в обращении с подчиненными, мягкость, доброжелательность сочетались у него со строгой и справедливой требовательностью и принципиальностью. Эта требовательность не была ни показной, ни крикливой. Она не содержала в себе проявлений грубости, солдафонства, а базировалась на сознательное отношение подчиненных к выполнению своего воинского и гражданского долга. За все это солдаты и офицеры уважали и ценили своего комдива. Такой командир и человек действительно мог добиться высокой боевой сплоченности вверенной ему дивизии».

Первые симпатии к Микушеву проявились уже через несколько дней после прибытия его в дивизию. Это было на совещании политработников. Комбриг не произнес, вспоминает В. И. Срыбник, «ни единого лишнего слова, каждое слово имело глубокий смысл и целенаправленность. Он говорил негромко, но весомо. И каждый из нас по-особому задумывался над сказанным».

— Вы, товарищи политработники, а вместе с вами коммунисты и комсомольцы, — костяк армии, — говорил в тот день Микушев. — Ваша миссия будет выполнена лишь тогда, когда рядовой боец раскроет вам свою душу, будет идти к вам со всеми радостями и печалью. В нем, в советском бойце, — залог всех наших побед. Любите вчерашнего рабочего и крестьянина, надевшего сегодня воинскую форму. И он никогда вас и Родину не подведет.

Вскоре, вспоминает ветеран дивизии Александр Николаевич Шагов, кто-то из политработников, обмениваясь в узком кругу мнениями о новом комдиве, применил к нему крылатое выражение:

— Мал золотник, да дорог!

Через некоторое время эту краткую характеристику, данную Микушеву, можно было слышать во всех частях соединения.

В сложной обстановке начинала дивизия Микушева выполнение новых задач в районе Равы-Русской. Командирам и политработникам, коммунистам и комсомольцам, лично комдиву пришлось провести большую политическую работу среди местного населения, часть которого находилась еще в состоянии какого-то оцепенения после многолетнего хозяйничанья польских панов. Работа наталкивалась на яростное сопротивление

националистических элементов и осадников, затаенно ждавших скорого восстановления старых порядков.

Были случаи, когда вражеские агенты убивали местных активистов, сжигали их дома. В день проведения выборов в местные Советы бандиты напали на некоторые избирательные участки, били тех, кто шел на голосование. Бойцы 41-й дивизии активно поддерживали передовую часть западноукраинского крестьянства, проснувшегося для новой жизни.

В первые месяцы после освобождения Равы-Русской выходить из расположения подразделений поодиночке было опасно. Враг мог подстеречь за каждым деревом. Но Микушев не считался с опасностью — ему приходилось бывать в переделках похлеще. Отправляясь на машине в отдаленные части, он даже по ночам не брал с собой не только охрану, но и адъютанта. Когда ему говорили, что в случае необходимости, мол, два пистолета лучше, нежели один, и советовали взять хотя бы адъютанта, комдив просто отшучивался.

А разъезжать Микушеву приходилось много. Почти на пятьдесят километров растянулся оборонительный рубеж дивизии.

Наряду с повседневной боевой и политической подготовкой, дивизии предстояло немедленно приступить к выполнению еще одной первоочередной задачи — к строительству оборонительных сооружений Рава-Русского укрепленного района. Командование Киевского Особого военного округа отдало приказ бросить на эту работу все силы. Были даны твердые и конкретные задания. Ради их выполнения разрешалось даже отвлекать подразделения от боевой и политической подготовки.

Почему вопрос с оборонительным строительством в районе Равы-Русской стоял так остро?

Не было случайностью уже то, что сюда вышла именно 41-я дивизия, одно из стойких соединений округа. Не случайно командиром дивизии назначили комбрига Микушева, известного в округе высокими личными качествами. И вполне закономерно, ввиду стратегического положения района и общих задач по охране новой государственной границы, что теперь создавался здесь укрепленный район.

Посмотрим на карту западной части Украины с военной точки зрения. Сразу бросается в глаза стратегическое значение Львова, этого крупнейшего города Западной Украины, важнейшего узла железных и шоссейных дорог.

Ход событий июня 1941 года со всей очевидностью показал, какое место в планах гитлеровского командования занимал

этот древний украинский город. Захват Львова враг мог осуществить двумя путями. Во-первых, нанося прямой удар через Перемышль. Но Перемышль — это известная крепость, защищенная к тому же рекой Сан. Здесь можно надолго застрять. Во-вторых, Львов можно взять, если нанести мощный удар с северо-запада. В этом случае падет и Перемышль, оказавшийся в «мешке». Второй путь легче. Здесь нет ни крепостей, ни серьезных природных препятствий. Здесь есть только маленький городок Рава-Русская, после взятия которого моторизованные колонны врага могут примерно через двое суток оказаться под стенами Львова. Чтобы воспрепятствовать этому, надо было укрепить Рава-Русский район на всем протяжении позиций 41-й дивизии.

Все это хорошо понимали и комдив Микушев, и командующий 6-й армией комкор Ф. И. Голиков. Филипп Иванович часто приезжал в 41-ю дивизию по делам строительства укрепленного района.

Вот что вспоминает Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков о тех днях:

«Наибольшее удовлетворение мне доставляли те встречи с Г. Н. Микушевым, которые у нас были связаны с работой по созданию Рава-Русского укрепленного района. Тут нам пришлось все начинать с самого начала: с выбора на местности переднего края, с создания системы артиллерийско-пулеметного огня и с «посадки» на местности буквально каждой долговременной огневой точки — дота.

И надо сказать, что наша работа на местности была и трудной, и напряженной, и довольно нервной. Постоянно приходилось вмешиваться в работу строителей, особенно в отношении темпов и качества. Часто приходилось отменять решения о выборе места того или иного пулеметного или артиллерийского дота. То же бывало и с заграждениями.

Так вот, работать в этих условиях с Г. Н. Микушевым всегда было хорошо: он быстро схватывал предъявляемые требования и проявлял собственную творческую инициативу, так как хорошо понимал характер современного общевойскового боя, роль в нем стрелковых частей и условия, в которых они могут очутиться. Как старый пехотинец, имевший опыт первой мировой, а затем гражданской войн, он отлично понимал требования к организации системы огня всех видов оружия (стрелкового, артиллерийско-минометного), к созданию инженерных сооружений, к обеспечению противовоздушной, противотанковой и противохимической обороны укрепленного района».

На участках полков создавались батальонные оборонительные районы с полным комплексом инженерных сооружений. Чтобы не тратить время на переходы к зимним квартирам, некоторые подразделения разместились в районах работ. Одновременно шли работы по строительству дивизионных лагерей, силами Военстроя сооружались казармы, жилые дома, склады.

«Работая над созданием Рава-Русского УРа, — продолжает Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, — я знал, что в ходе первой империалистической войны в районе Равы русские войска вели ожесточенные бои с противником. Знал и искал следы этих боев на лице земли. Их обнаружилось много, главным образом в виде траншей и окопов. Вообще оказалось, что выбранный нами передний край Рава-Русского УРа в целом ряде пунктов совпал с начертанием русских оборонительных линий. Естественно, что окопы, ходы сообщения, места, где были пулеметные гнезда и блиндажи, стали мельче и расплывчатее (тем более на супесчаных участках, где росли сосновые леса), но все они легко нами узнавались».

Увлеченные этими попутными поисками, Ф. И. Голиков и Г. Н. Микушев очутились в одной из траншей на опушке сосновой рощицы. Чуть тронули песчаную стенку окопа. Сухой песок неожиданно осыпался. Показались... бутылка русской водки и солдатский ремень. Бутылка была нераспечатанной, на ней уцелела даже сургучная головка. От ремня осталась только заржавевшая пряжка и небольшой полуистлевший обрывок кожи. Более двадцати лет пролежало все это в земле.

Бутылка и пряжка... Но как часто бывает, именно такие немудреные свидетельства минувшего человеческого бытия заставляют размышлять больше, чем музейные редкости. Так оказалось и на этот раз.

Где он теперь, тот русский солдат? Жив ли? Что делал он, сидя в первую мировую в этом окопе, о чем думал? Мог ли предполагать, что на его месте через много лет будут со склоненными головами в глубокой задумчивости стоять советские комкор и комбриг? Ф. И. Голиков вспомнил, что при осмотре фортов крепости Перемышль и подступов к ним ему пришлось натолкнуться на осыпавшиеся братские могилы с останками погибших здесь в боях русских воинов. Но сегодняшняя находка по-особому волновала...

Строительные работы не прекращались в любую погоду. В один из дождливых осенних дней Микушев и комиссар Антонов появились на строительстве оборонительных сооружений

в районе села Гребене. Медленно идя по раскисшему полю, Микушев остановился у одного из окопов и начал подробно расспрашивать командира отделения о секторе обстрела, задачах подразделения. Выслушав ответы, комдив сначала присел, потом лег на мокрую землю и осмотрел каждую складку местности. Не удовлетворившись этим, он в перепачканной глиной шинели прыгнул в траншею, обошел все стрелковые и пулеметные окопы, снова проверил секторы обстрела.

Вызвав А. Л. Кизиму, одного из офицеров батальона, он сказал, что две огневые точки расположены очень низко и дальше ста метров огонь вести нельзя. Кроме того, заметил он, окопы и ходы сообщения следует отрывать глубже и шире.

— Глубина и ширина окопа открыты в соответствии с уставными нормами, — ответил Кизи́ма.

— Не всегда уставные нормы являются шаблоном, — возразил комдив. — Нужно делать так, чтобы удобно было воевать. Устав предусматривает минимум, а мы с вами должны делать так, как лучше для ведения длительного боя. Чем глубже окоп, чем глубже солдат сидит в земле, тем уверенней чувствует себя в бою.

Бракуя уже готовые огневые точки, Микушев не разрешал уничтожать их:

— В бою все пригодится. Не пригодны быть для основных позиций, — будут запасными или даже ложными...

41-я стрелковая дивизия представляла собой сложный военный механизм. Она включала три стрелковых (102-й, 139-й и 244-й) полка, 132-й пушечный артиллерийский полк, 249-й гаубичный артиллерийский полк, отдельный саперный батальон, отдельный батальон связи, отдельный разведывательный батальон. Она имела все необходимые тыловые подразделения, в том числе дивизионный госпиталь и полевой автохлебозавод.

Бывший начальник военно-технического снабжения дивизии Андрей Степанович Стецюра отмечает, что части боевой техникой были укомплектованы удовлетворительно. Гаубичный артиллерийский полк располагал необходимым числом тягачей. Стрелковые полки и специальные части имели транспортные и специальные автомашины. В 1940 году в полном составе развернулись автобатальон, авторемонтная рота, авторемонтные походные мастерские. «Четкая организация военно-технической работы в соединении, — подчеркивает А. С. Стецюра, — результаты заботы командира дивизии Микушева».

41-я дивизия являлась вполне боеспособным соединением. Она имела опытных командиров. Гордостью дивизии были командир 249-го гаубичного артиллерийского полка подполковник Константин Васильевич Путчев, награжденный в 1939 году орденом Ленина за отличную подготовку своей части, и командир 139-го стрелкового полка майор Николай Петрович Коркин, получивший два ордена за участие в боях на Халхин-Голе.

Прекрасным помощником Микушева во всех начинаниях стал его давний товарищ, комиссар дивизии полковой комиссар Александр Матвеевич Антонов, участник гражданской войны. Микушев и Антонов были разными по характеру людьми. Комдив отличался спокойствием, комиссар же был горяч. Но оба душой болели за дело и во всем находили общий язык.

В марте 1940 года в дивизию прибыл новый начальник штаба полковник Николай Владимирович Еремин, тоже участник гражданской войны, коммунист с 1919 года. В 1938 году Н. В. Еремин окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и добился перевода из центрального армейского аппарата в войска, чтобы полнее применить на практике полученные в академии знания.

Впоследствии, в 1959 году, когда слава 41-й дивизии только начинала восстанавливаться, Н. В. Еремин, будучи уже генерал-майором, вспомнил добрым словом в одной из своих серьезных военно-исторических статей комдива Георгия Николаевича Микушева. Он писал: «У нас с самого начала установились с ним правильные служебные и добрые товарищеские отношения. Широко эрудированный в военной области, с чудесным даром чувства нового, он, безусловно, являлся одним из подготовленных и передовых командиров. В его лице я видел военачальника с большим жизненным опытом и боевой практикой первой мировой и гражданской войн... Принципиальность и требовательность в сочетании с большой силой воли составляли основу его характера. Начальствующий состав относился к комбригу с должным уважением, ценя в нем подлинно заслуженный авторитет и положительные качества пусть строгого, но всегда справедливого командира. Лично я восхищался его горячей любовью к военному делу и той неподдельной привязанностью, которую он проявлял к своей дивизии».

Вступив в должность, Н. В. Еремин с энтузиазмом взялся за работу. Сложившийся в течение года костяк штаба мог практически осуществлять управление войсками. Тем не менее

начальник штаба, как и комдив, пришел к выводу, что работу штаба необходимо совершенствовать.

Недостатки были не виной, а скорее бедой работников штаба и других командиров, преданных своему делу, но не умеющих еще во всех деталях спланировать бой с учетом всех его современных требований. В целом работники штаба отличались хорошей военной подготовкой, а «недостатки, — отмечает Н. В. Еремин, — постепенно устранялись под неослабным руководством командира дивизии и помогавшего ему в этом штаба. Командный состав знал основные положения наших уставов, умело применял их в обучении войск, все смелее начинал проявлять разумное творчество в решении вопросов, возникших в связи с богатым насыщением наших частей новой и разнообразной боевой техникой».

Забываясь об укреплении единоначалия, роли и авторитета командиров, партия и правительство в 1940 году приняли ряд важных решений. В частности, 7 мая 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены генеральские и адмиральские звания для высшего начальствующего состава Красной Армии.

10 мая командование 6-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 41-я дивизия, представило Г. Н. Микушева к присвоению генеральского звания. В аттестации на него говорилось:

«Партии и социалистической Родине предан. Политически и морально устойчив. Постоянно работает над повышением идейно-теоретического уровня. Общее и политическое развитие хорошее. С партийной организацией связан, в партийной работе принимает активное участие. Умело нацеливает партийную организацию на решение вопросов боевого совершенствования войск. Частями руководит конкретно. Много бывает в частях. Лично дисциплинирован и подтянут. К подчиненным требователен. Твердой рукой насаждает большевистский порядок в частях дивизии.

В работе живой, энергичный, за дело болеет и работает с душой, с огоньком. Настойчивый. Принятые решения доводит до конца. В военном отношении подготовлен хорошо. Быстро и умело ориентируется в обстановке. Опыт штабной и командирской работы имеет.

Хороший методист и организатор. Марш дивизии в Западной Украине провел хорошо. Физически развит хорошо. Здоров. Товарищеские взаимоотношения хорошие. Авторитет хороший.

Достоин присвоения военного звания «генерал-майор».

Эту характеристику одобрил командующий 6-й армией комкор Ф. И. Голиков.

В июне 1940 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Георгию Николаевичу Микушеву вместе с другими, ныне прославленными советскими военачальниками было присвоено звание генерал-майора. Он стал одним из первых генералов Красной Армии.

Присвоение генеральского звания еще выше подняло авторитет Микушева в дивизии. В то время не так уж много генералов было командирами дивизий. И весь личный состав соединения по достоинству оценил этот факт. Если их комдиву присвоено генеральское звание — значит, за дело, по заслугам. Значит, командование считает 41-ю дивизию особенно важным соединением.

Тактическая, стрелковая и строевая подготовка дивизии продолжалась с еще большей целеустремленностью. И всему тон задавал генерал Микушев. Его постоянным девизом были слова: «Учиться всему тому, что необходимо в бою» и «Делай, как я!».

«Мы даже удивлялись, когда этот неутомимый человек отдыхает», — пишет бывший командир роты 244-го стрелкового полка Сергей Иванович Мазуренко.

Читая и перечитывая воспоминания ветеранов дивизии о своем комдиве, обращаешь внимание на одну деталь. Все ветераны, в один голос, говоря о лучших командирских качествах и неутомимости Микушева, взволнованно рассказывают о необыкновенной человечности комдива, огромной его любви к солдату. Где бы ни появлялся Микушев (а появлялся он всюду), о чем бы он ни говорил (а он передавал непосредственно

Генерал-майор Н. В. Еремнин, бывший начальник штаба 41-й стрелковой дивизии (1967 г.).

солдатам весь свой опыт) — всегда рядом со строгой требовательностью шло уважение к солдату.

Микушев постоянно присутствовал на тактических занятиях частей и подразделений, чтобы потом лично сделать обстоятельный разбор. Крепко, на всю жизнь запомнил эти разборы бывший командир огневого взвода полковой батареи 76-миллиметровых пушек 244-го стрелкового полка Дмитрий Иванович Рудь. Он вспоминает о выходах в поле, на которых чаще всего решались тактические задачи наступательного характера. Генерал заботился и об одиночной подготовке, и о сколачивании рот, батальонов, полков, учил командиров стрелковых частей и подразделений организации взаимодействия с танками, артиллерией. При этом артиллеристов он обычно ставил в пример пехоте. Их расчеты действовали слаженно, команды подавались и исполнялись четко. Такой четкости недоставало стрелковым ротам, взводам и отделениям. Это может, — замечал Микушев, — привести в бою к напрасным потерям живой силы, а ведь главное в том, чтобы сохранить ее. Уставные требования, — продолжал он, — надо строго выполнять, какими бы незначительными они ни казались. Вот, например, требуется, чтобы боец, передвигаясь по пересеченной местности, не поднимался с того же места, где вынужденно залег, а отползал на два-три метра в сторону, прежде чем сделать новую перебежку. Кажется, пустяковое требование и не всякий захочет его выполнить. Но ведь этот «пустяк» не позволит противнику вести прицельный огонь, сохранит нам бойца, а значит, даст лишний шанс для нашей победы.

Проводились тактические занятия и оборонительного характера. На них Микушев учил, что оборона должна быть круговой, противотанковой, непреодолимой для противника. Снова и снова он подчеркивал, что и в обороне необходимо четкое взаимодействие подразделений, умелое использование артиллерийского, минометного и пулеметного огня для поражения вклинившегося в оборону противника и для поддержки контратаки своих подразделений.

Генерал Микушев с полным основанием ставил артиллеристов в пример другим. Они и в самом деле добились замечательных результатов. В 1940 году огневого взвода полковой батареи 76-миллиметровых пушек лейтенанта Епифанова и его заместителя по политчасти младшего политрука Бабенко на соревнованиях мелких подразделений занял второе место в Красной Армии. Микушев поставил задачу, чтобы в 1941 году этот взвод занял на соревнованиях по боевой и политиче-

ской подготовке первое место в армии. И действительно, взвод, командиром которого стал к этому времени Д. И. Рудь, к июню 1941 года успел занять первые места на корпусных, армейских и окружных соревнованиях.

Очень любил генерал пулеметчиков. И они любили его. «Как сейчас, — вспоминает бывший командир пулеметной роты 139-го стрелкового полка Иван Антонович Терещенко, — перед моими глазами стоит генерал, среднего роста, стройный, подвижной, с легкими следами оспы на лице, и внимательно слушает мой доклад о результатах боевых стрельб по открытым подвижным целям». Это было

не первое посещение генералом пулеметной роты. Он здесь бывал часто, хорошо знал жизнь ее бойцов и командиров. Особенно он ценил командира пулеметного взвода, сибиряка богатыря Сашу Алтухова. Этому сержанту ничего не стоило одному, без чьей-либо помощи перенести станковый пулемет. Но богатыря Сашу не устраивал обычный солдатский рацион. Чтобы насытиться, Саша должен был съесть два котелка супа и полбуханки хлеба. Узнав об этом, генерал Микушев установил для сержанта особую «диету», отдав распоряжение кормить его по потребности. И потом иногда шутил при встрече с пулеметчиками:

— Ну как, товарищ Алтухов, «камера» сегодня заполнена?

Сам прекрасный строевик, генерал Микушев добивался подтянутости, боевого вида от подчиненных.

«Не любил генерал, — вспоминает С. И. Мазуренко, — неопрятности, разгильдяйства, расхлябанности, требовал, чтобы бойцы и командиры были всегда подтянуты, замечал даже,

Полковник А. М. Антонов, бывший комиссар 41-й стрелковой дивизии.

у кого грязное обмундирование, подворотничок у гимнастерки несвежий. Генерал учил, чтобы командир на службе был командиром для подчиненных, вне службы — старшим товарищем для них».

Комдив не проходил мимо любых мелочей, для него в службе все было важным. Как-то в двадцатиградусный мороз артиллеристы ехали со склада с боеприпасами. За старшего у них был Д. И. Рудь. На полпути он дал команду ездовым опустить наушники шапок-ушанок. Вскоре упражку Д. И. Рудя обогнала машина генерала и остановилась. Спросив, из какого подразделения артиллеристы, Микушев приказал доложить командиру батареи, что во время следования из Седлиски в Гребене среди ездовых не было порядка. И уехал. Д. И. Рудь внимательно оглядел подчиненных и понял, что возмутило генерала. Оказывается, у одного ездового наушники были просто распушены, а не завязаны под подбородком, как требуется по уставу.

Встречая пополнение, Микушев не огорчался, что новобранцы не имели ни малейшей строевой выправки, что шинели под поясными ремнями у них собирались в складки, словно мехи гармошки. Он лишь кратко бросал: «Будут орлами!»

Оборонительные работы, боевая и политическая подготовка были в разгаре, когда стало известно, что в дивизии состоится инспекторский смотр, который проведет лично Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Выбор дивизии для проверки не был случаен. Здесь еще раз сказалось особое внимание, которое командование обращало на Рава-Русский укрепленный район и 41-ю дивизию. Проверка должна была состояться по самому большому счету. «Нас предупредили, — писал генерал-майор Н. В. Еремин, — что проверять и оценивать боевую и политическую подготовку дивизии будут в установленном порядке и никаких скидок в связи с работами не дадут. Правда, нам разрешили немедленно прекратить оборонительные работы и в оставшиеся до инспекторского смотра считанные недели заниматься боевой подготовкой».

Начались ответственные дни. Генерал Микушев установил еженедельное проведение в лагере «торжественной зари», обязательным моментом которой было прохождение всех частей торжественным маршем под сводный оркестр. Во время построения частей на «зарю» штабные командиры осматривали и проверяли состояние оружия, снаряжения и обмундирования у всех находящихся в строю бойцов и командиров.

Инспекторский смотр состоялся с 22 по 24 сентября 1940 года. В дивизию Микушева прибыли Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба генерал армии, а позже Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, заместитель Народного Комиссара Обороны армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко, командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии, а ныне Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генералы из Наркомата Обороны и штаба Киевского Особого военного округа.

Лейтенант Д. И. Рудь, бывший командир взвода 244-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии (1945 г.).

Ход проверки подробно освещают воспоминания ветерана дивизии Николая Николаевича Горновского, написанные на основании личных впечатлений и статей, опубликованных в газете «Красная Звезда». Вот что он сообщил.

...На проверке предстояло практически отработать наступление дивизии с преодолением предполья и первой позиции обороняющегося «противника». Учения проходили на армейском полигоне.

Из Москвы прибыли посредники — слушатели академии. На помощь дивизии явились химики и саперные подразделения. При выходе на учения личный состав дивизии получил новое обмундирование, все положенное по штатам вооружение, боевые патроны и гранаты.

Наступление развивалось в обстановке, максимально приближенной к боевой. Когда дивизия преодолела полосу препятствий, вся дивизионная артиллерия, минометные подразделения и приданный корпусной артиллерийский полк открыли огонь по переднему краю «противника» боевыми снарядами. Артподготовка длилась полтора часа. Над головами залегших воинов со свистом летели осколки.

Только кончилась артподготовка, прилетели бомбардировщики, продолжая сокрушать оборону «противника». Затем артиллерия возобновила мощный огневой вал и под его прикрытием пехота пошла в атаку в сопровождении танков. Каждый боец стрелял и бросал гранаты по учебным целям.

Когда был дан отбой, всю дивизию провели через оборонительный рубеж «противника». Это имело важное моральное значение. Все смогли наглядно убедиться, что длительная артиллерийская подготовка и налет авиации смешали с землей укрепления полосы обороны «противника».

После учений состоялся разбор в присутствии всего старшего и среднего командного состава дивизии. В трехчасовом выступлении Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко детально разобрал ход учений и дал в целом положительную оценку действиям дивизии Микушева.

Выступивший на разборе командир дивизиона 249-го гаубичного артиллерийского полка дивизии капитан М. С. Шульдинер сказал:

— За полтора часа артподготовки вверенный мне дивизион выпустил два вагона снарядов. За 15 лет моей службы в артиллерии я не израсходовал столько выстрелов!

Исходя из этих слов легко представить мощь артиллерийского залпа дивизии, если учесть, что в каждом из двух ее артполков было по три дивизиона. Но ведь еще действовали полковая артиллерия, минометы и корпусной артиллерийский полк!

Разбор учений с младшим командным составом проводил генерал армии К. А. Мерецков, с рядовым составом — видные генералы из Москвы.

Особенно высокую оценку получили действия артиллерии. Это было заслугой начальника артиллерии дивизии полковника Сергея Сергеевича Варенцова. После учений С. С. Варенцов был награжден золотыми часами, а вскоре переведен на должность начальника артиллерии 6-го стрелкового корпуса.

Конечно, инспекторский смотр на высшем уровне, проведенный без малейших скидок, вскрыл и недостатки в боевой подготовке дивизии. На них заострялось внимание в аттестации Г. Н. Микушева за 1940 год. Иначе и нельзя было, хотя недостатки зависели не только от командования дивизии. Ведь три месяца личный состав занимался оборонительными работами!

Согласно замечаниям, предстояло повысить обученность

стрелковых частей, продолжать совершенствовать подготовку штаба дивизии, улучшить состояние караульной службы и т. д. За штаб генерал Микушев был спокоен, ибо Н. В. Еремин отлично знал свое дело. Артиллерию дивизии возглавил П. К. Борисов, которого С. С. Варенцов характеризует как мужественного и храброго командира. Хуже обстояло дело со строевой подготовкой. В дивизии на должности заместителя командира по строевой части долго не было опытного человека. Только 8 марта 1941 года на должность заместителя командира дивизии по строевой части прибыл полковник Павел Никифорович Шалимов.

Представляя П. Н. Шалимова штабным офицерам, генерал сказал:

— Это мой заместитель, которого я долго ждал!

В течение недели П. Н. Шалимов ознакомился с планом боевой и политической подготовки частей. Комдив ежедневно консультировал его, вводил в курс всех событий, давал характеристики командному и политическому составу. Он делал все, чтобы заместитель быстрее изучил жизнь соединения.

Через неделю П. Н. Шалимов уже выезжал непосредственно в части, на месте изучал состояние боевой подготовки, ознакомился с командным и политическим составом, проверял работу офицеров. Возвращаясь из частей, П. Н. Шалимов докладывал генералу о результатах ознакомления и своих решениях. Эти решения Микушев встречал с одобрением. В свою очередь, П. Н. Шалимов был удовлетворен результатами своей работы, тем, что нашел общий язык и понимание со стороны командира дивизии и начальника штаба.

Требовательность полковника П. Н. Шалимова понрави-

Старший батальонный комиссар Н. А. Катасонов, бывший начальник политотдела 41-й стрелковой дивизии.

лась генералу. Всем были известны симпатии генерала к командиру 139-го стрелкового полка майору Н. П. Коркину. Он ценил деловые качества майора. Но вот полковник побывал в этой части и на совещании командно-политического состава сделал серьезные замечания в его адрес. Генерал поднялся и сказал:

— Выводы своего заместителя утверждаю!

Если по отдельным вопросам командование и предъявляло претензии к дивизии Микушева, то ему никогда не бросался упрек в недостаточном внимании к партийно-политической работе. Опытный политработник комиссар дивизии Александр Матвеевич Антонов и начальник политотдела старший батальонный комиссар Николай Афанасьевич Катасонов были прекрасными коммунистами — организаторами и воспитателями. Генерал Микушев доверял им и всегда полагался на них полностью.

Тем не менее комдив считал своей прямой обязанностью повседневно направлять партийно-политическую работу, постоянно встречался с политработниками, передавал им свой многолетний опыт. «Он всегда требовал, — вспоминает ветеран дивизии, бывший начальник Дома Красной Армии В. И. Срыбник, — чтобы политический отдел и штаб дивизии умело координировали свою повседневную работу. Отличный знаток военного дела и кристальной чистоты коммунист, Георгий Николаевич хорошо понимал, что только налаженная партийно-политическая работа, подчинение ее интересам боевой подготовки, тесный контакт политотдела со штабом дивизии сделают соединение боееспособным, готовым выполнить любую поставленную задачу. Микушев всегда подчеркивал, что каждый день дивизии, все будни армейские должны быть пронизаны партийностью наивысшего накала».

— Накал, накал, во всем накал партийный, — учил комдив политработников. — Не гнушайтесь почаще встречаться с бойцами. Помогайте им хорошо разбираться во всем и особенно в международной обстановке. Пусть бойцы знают правду.

Генерал Микушев открыто говорил о предстоящих испытаниях, о том, что недалек тот час, когда будет проверена сила двух систем, двух идеологий — коммунистической и фашистской. Задолго до начала войны генерал отдал распоряжение создать небольшую подвижную агитбригаду из участников художественной самодеятельности, лекторов и фотографа. В случае войны бригада должна была сразу же начать работу непосредственно в расположении частей.

Если тактичность вообще являлась характерной чертой Микушева, то особенно она давала себя знать в партполитработе. Будучи единоначальником, он никогда не подчеркивал этого, не подменял в работе комиссара и начальника политотдела.

Большую силу в соединении представляла дивизионная газета, которую редактировал Н. Н. Горновский. Редактор часто приходил к комдиву за указаниями, интересовался, кто идет впереди, кого необходимо «подстегнуть». Микушев и здесь ничего не диктовал, а просто советовал. Но каждый его совет редактору был проникнут партийным подходом к делу, отличался дальновидностью. Генерал подсказал Горновскому, что не следует из-за одного разгильдяя или небольшой неудачи обрушиваться на командира:

— Критикуйте конкретного виновника, а комполка или батальона и без вашей ругачки все поймет и примет нужные меры...

В другой раз, просматривая в дивизионной газете отчет о двусторонних учениях, генерал обратил внимание Горновского на необъективную оценку действий сторон. Предпочтение в газете отдавалось «красной» стороне, а действия «синих» показывались нарочито, как безынициативные, неумелые. Они «не могли» как следует ни маскироваться, ни использовать местность, ни проявить в ходе «боя» хитрость и т. п. Микушев заметил, что нельзя приучать личный состав вести бой со слабым противником. Горновский заметил в свое оправдание, что принижающая оценка «синих» — общее явление в газетах

Гвардии майор В. И. Срыбник, бывший начальник Дома Красной Армии 41-й стрелковой дивизии (1957 г.).

и, например, помещенный в дивизионке отчет о тактических занятиях перепечатан из газеты Киевского Особого военного округа.

— Ну что же, — ответил генерал, — хоть и окружная напечатала, а все равно неправильно, и вы должны это понять.

Однажды в беседе кто-то из офицеров высказал мысль, будто политическая работа не так уж тесно связана с психологией солдата. Генерал посмотрел на говорившего и внятно отрезал:

— Любая лекция, любая беседа, любой пустячный на первый взгляд разговор, если он без психологического анализа, — чепуха. — И добавил, уже улыбаясь: — Не стоило бы тогда и огород городить.

«Как начальник дивизионного Дома Красной Армии, — вспоминает В. И. Срыбник, — я часто обращался к генералу по различным вопросам. Не раз у меня возникала мысль попросить комдива выступить с какой-нибудь лекцией перед личным составом. Но мысль эта была очень нерешительной, потому что я знал о большой занятости генерала. Георгий Николаевич будто угадывал мое желание. Я замечал чуть иронические искринки в его глазах. Он незаметно тушил их и говорил: «А что, товарищ Срыбник, не подойдет ли такая тема для лекции? Если годится — прошу поручить». И столько такта и понимания было в его словах, не навязанных, а идущих от души, что только приходилось удивляться: как такой занятой человек, ответственный за судьбу тысяч людей, мог найти время и дать понять, что это-то и нужно было сделать».

Слова В. И. Срыбника подтверждает и другой работник Дома Красной Армии — Алексей Иванович Бондаренко. Он вспоминает, что генерал прочитал, например, для командного состава дивизии цикл лекций на военно-исторические темы, в том числе лекции о Суворове, Кутузове, Фрунзе, Чапаеве, Щорсе, Котовском, Железнякове. Как правило, лекции читались без заранее написанного текста. Генерал обладал превосходной памятью, знал, что именно в данный момент нужно рассказать. Под руками генерала были только указка и карта. Конечно, для таких выступлений нужна была не только тщательная и долгая подготовка, но и большая эрудиция.

Как-то А. И. Бондаренко готовил для начальника Дома Красной Армии сведения о состоянии библиотечного фонда, составе читателей, круге литературных интересов офицерского состава. И оказалось, что больше всех читал сам комдив. Он

брал книги русских, советских и зарубежных писателей, много военно-художественной литературы, но чаще всего — военно-исторические произведения. Он постоянно обогащал свою память знаниями, чтобы передать их другим.

Очевидно, что от любви к книге шла и забота генерала о библиотеке Дома Красной Армии. А. И. Бондаренко вспоминает, что генерал интересовался, как расходуются средства на пополнение библиотечного фонда. Узнав, что отпущенные деньги лежали в кассе, потребовал употребить их по назначению.

Блестяще прошла лекция генерала о М. В. Фрунзе. Рассказав о жизненном пути пролетарского полководца, особенно о его деятельности на Украине и в Крыму, Микушев настойчиво подчеркивал незыблемость партийных принципов строительства армии, которые лежали в основе деятельности Фрунзе.

— Руководящая роль партии, — говорил комдив, — была и всегда будет основой нашего военного строительства. Партия руководила и будет руководить всей нашей военной политикой. Без руководства партии мы не могли бы и мечтать о мощи нашего государства, о сплоченности и дисциплинированности Красной Армии.

Больших знаний, умения связать прошлое с настоящим, умения логически перейти от частного к общему, от отдельных фактов к глубоким выводам потребовала лекция Микушева об истории русской армии, о тех ее прогрессивных боевых традициях, которые следует знать. Боевым призывом, подготовленным всем ходом лекции, прозвучали заключительные слова генерала:

— Русская пехота издревле в боях славилась смелостью, стойкостью и выносливостью. Русский солдат отлично стрелял. Никакая пехота в мире не могла сравниться с русским пехотинцем в штыковом бою. Да и русский кавалерист всегда был отличным всадником, смелым и бесстрашным в бою, умел виртуозно действовать клинком и пикой. А русские артиллеристы завоевали себе славу метким огнем. Не было им равных в стрельбе прямой наводкой, где требуется бесстрашие и ловкость. Русский солдат был носителем славных суворовских традиций. «Сам погибай, а товарища выручай», «Не отставай в бою», — эти девизы были правилом для рядового солдата...

Отличала Микушева одна черта, которая на первый взгляд может показаться несколько удивительной. Он чрезвычайно серьезно, даже ревниво относился к солдатской художествен-

ной самодеятельности, ко всему, что относилось к духовной, культурной жизни бойцов. «Генерал не мог без волнения, — вспоминает его дочь Л. Г. Остапенко, — слушать вальс «На сопках Маньчжурии», украинские песни «Взял бы я бандуру» и «Закувала та сиза зозуля», «Турецкий марш» Моцарта. Когда генерал приходил вечерами в Дом Красной Армии, музыканты, зная его «слабинку», всегда исполняли «Турецкий марш», а комдив не считал зазорным подняться в оркестр и исполнить марш на барабане, вспоминая свое юношеское пристрастие. Часто он приходил на репетиции коллектива художественной самодеятельности незамеченным и просиживал где-нибудь в уголке допоздна».

И еще он любил танец маленьких лебедей из «Лебединого озера» Чайковского. Он говорил: «Порой чувствую такую усталость, что идешь, а ноги подкашиваются. Но стоит услышать эту чудесную музыку, и я чувствую, как уходит усталость, появляется прилив бодрости и свежести».

Что это? Странность, простительная большому человеку, стремление дать разрядку постоянно напряженным нервам, развлечься? Ничего подобного. Внимание к солдатской художественной самодеятельности было частью партийной работы Микушева. Он считал, что идеологическое воспитание солдат должны вести не только политработники.

Изучая материалы о генерале Микушеве, порой задаешься вопросом: где же в нем кончается общественное, служебное и начинается сугубо личное? Микушев всегда был только один — цельный. Большой командир, опытный политработник и самый простой человек жили в нем одновременно, действуя всегда в одном направлении — в интересах того дела, которое ему доверила партия. Очень хорошо говорит об этом В. И. Срыбник:

«Однажды, докладывая генералу Микушеву о развитии художественной самодеятельности, я нерешительно пожаловался, что-де не хватает у нас хороших солистов, ярких голосов. Георгий Николаевич, казалось, пропустил мои слова мимо ушей. Он доверительно склонился ко мне:

— Вот что, товарищ начальник Дома Красной Армии. Есть во мне такая, знаете, струнка тщеславия, что ли. Грешен, батенька.

И уже шепотом, но отчетливо закончил мысль:

— Хочется, ой как хочется показать нашу самодеятельность в масштабе округа. Чтобы ни у кого такой не было. Как?

Я, конечно, тоже был «за». Но одно дело — желание, а другое....

Комдив, уходя, хитро улыбнулся:

— А таланты все-таки у нас есть, товарищ Срыбник. Я вам представлю случай познакомиться с ними.

Сидят слева направо: генерал-лейтенант А. К. Сивков, генерал-лейтенант И. К. Смирнов, генерал-майор Г. Н. Микушев. Стоят: генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин, генерал-лейтенант В. И. Кузнецов (1940 г.).

В будничных заботах проходило время. Я уже и позабыл о разговоре с командиром дивизии. Как-то мне было приказано явиться в район полевых учений и наладить работу лекторской группы. Первым выступил с докладом генерал Микушев. Он рассказал о международной обстановке, напомнил об историческом прошлом нашего народа. Он говорил о разгроме тевтонцев Александром Невским, о походе Наполеона на Россию, о героях гражданской войны, о нашей пролетарской дивизии. В конце Георгий Николаевич посуровел, у глаз собрались жесткие морщинки, будто говорившие о том, что этот человек прожил нелегкую жизнь, и твердо произнес:

— Но вы перед своими предками-героями должны чувст-

воват себя исполинами. Перед вами огромная задача. Придет час, и народы мира будут прославлять ваши подвиги в веках.

Мы все хорошо понимали, о чем говорит наш старший товарищ и учитель. И доньше в моих ушах звучит негромкий, но твердый голос Микушева:

— Всегда помните, что вы — сыны пролетарской революции. В этом и честь, и обязанность, и ответственность не только перед своей Родиной.

А когда над полем сгустились сумерки, зажглись огоньки костров и вокруг них собрались усталые бойцы, генерал Микушев пригласил меня пройтись:

— Подышим-ка, товарищ Срыбник, ночной прохладой, а?

Мы шли на огни костров, а где-то за кордоном, на той стороне слышались неясные шумы, заглушавшие легкий шелест весенней травы под нашими ногами. Генерал был задумчив. Его мысли были о чужом стане. Что там делается, что готовится?

Откуда-то из темноты, вначале нерешительно, а затем сильней и сильней, на всю степную ширь вырвалась песня. Высоко взлетел одинокий голос, за ним тотчас вступили другие, и песня, еще минуту назад скованная, теперь, казалось, заполнила всю округу. Генерал остановился и не спеша размял папироску. Он слушал, и лицо его светлело, разглаживались морщинки:

— Вот вам, товарищ Срыбник, и ответ на все ваши треволения. — Легко вздохнув, Микушев пошел дальше. — Талантами советский народ богат, их нужно раскопать.

Лирическая мелодия вдруг стихла. Но, еще не войдя в круг, освещенный костром, мы были властно остановлены силой новой песни. Я уже не помню, какая это была песня. Но одна из революционных, потому что она заставила меня подобраться, выпрямиться и будто посмотреть на себя со стороны. Я искоса глянул на комдива и поразился перемене, происшедшей в выражении его лица. Оно стало строгим, очень суровым, будто высеченным из гранита. Но оно было и прекрасным суровой красотой солдата, воина. Когда песня кончилась, генерал сказал:

— Какова должна быть идея нашей самодеятельности? — И сам же ответил:

— Нужно воспитывать у солдата готовность к выполнению большой миссии. Воспитывать в духе любви к Родине, к ее революционным традициям. В этом и только в этом дух наше-

го времени, сила нашего народа. Там, — генерал махнул рукой в сторону государственной границы, — такого нет и никогда не будет. Поэтому ОН, — генерал сделал ударение на последнем слове и после паузы закончил мысль, — ОН в конечном итоге проиграет раз и навсегда. И мы будем не только свидетелями этого, но и активными участниками. Ну, а самодеятельность у нас в дивизии должна быть отличной!»

...И генерал сам следил за тем, чтобы командиры частей регулярно отпускали бойцов на репетиции. Это было нелегко. Каждый человек требовался для оборонительных работ, для боевой учебы. Случалось, что командиры частей пытались незаметно попритереть самодеятельных артистов, но Микушев непременно дознавался об этом и настаивал на своем. Понимая беспокойство командиров за боевую подготовку, он не приказывал, а дружески говорил тому или иному командиру полка:

— Что вы, батенька, не любите самодеятельности? Или не понимаете ее важности? А вот такой-то людей регулярно отпускает на репетиции, в два раза больше, чем вы, и боевая подготовка у него выше! А вы говорите, людей нет.

Его собеседник смущался, а генерал, слегка посмеиваясь, продолжал:

— Вот погодите, он себя еще покажет!

Особенно Микушев ратовал за разучивание строевых песен.

— Песня строевая — великая сила, — любил повторять он. — В песне — скрытая энергия солдата.

Дивизионный смотр самодеятельности прошел успешно. Генерал остался доволен:

— Самодеятельность — это часть большой политики, составное звено в идейном воспитании бойца. Он поет песню — хорошо! Он поет революционную песню — во сто крат хорошо! С нею победа — и не иначе.

На смотре был командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковник М. П. Кирпонос. Он дал высокую оценку политической направленности репертуара самодеятельных артистов.

Никогда заранее нельзя было сказать, где и в какое время появится комдив. Он мог глубокой ночью прийти в казарму. Мог совершенно неожиданно заглянуть в солдатскую кухню. Горе было поварам, если комдив, сняв пробу, считал, что обед приготовлен невкусно. Он приходил в столовую, чтобы посмот-

реть, есть ли на обеденных столах горчица и перец, проверял правильность закладки продуктов в котел, внимательно просматривал меню и требовал его разнообразия.

Запросто, как старший товарищ, заходил Георгий Николаевич в квартиры офицеров, интересовался их семейной жизнью, обращал внимание на порядок в комнатах, а потом очень тактично делал замечания, приводил в пример лучшие семьи.

Сам прекрасный семьянин, он терпеливо и очень тактично решал семейные конфликты и неурядицы у других. Жены офицеров в случае домашних неприятностей приходили к генералу как к отцу. Случалось, что звонили и по телефону, и эти звонки никогда не оставались без внимания.

Строгий к подчиненным, Георгий Николаевич в каждом из них видел человека, оценивал в совокупности его достоинства и недостатки.

«Шел май 1940 года, — вспоминает Н. Н. Горновский. — Вызывают меня к нему в кабинет... Микушев обращается ко мне:

— Ну что, редактор, устал, наверное, отдохнуть надо?

— Да нет, — отвечаю, — вроде, все в порядке.

— Да где там в порядке: похудел, осунулся... Вот что, надо вам съездить в Крым, отдохнуть. О путевке я позабочусь.

А я никого не просил, никуда за путевкой не обращался. Знал, что летом попасть в Крым — проблема. Генерал добавляет:

— Поедет с вами один капитан из разведбата. Он вернулся с финского фронта, нервы никуда не годятся... Так вот, посмотрите за ним».

Микушев был лишен и тени ханжества, этакого наигранного, показного пуританства. Некоторые командиры, устав на жаре, скрывали свою любовь к безобидному пиву. Появляясь в обед в офицерской столовой, они старались вытянуть свою кружку украдкой. Чтобы не терять дорогого времени, генерал тоже всегда обедал в офицерской столовой и, проходя в общий зал, не стесняясь, заказывал себе пиво. Бывало, что в иной день пива оказывалось мало, и официантки, приберегая его для генерала, отвечали офицерам:

— Осталось только для комдива, он еще не обедал.

И не было случая, чтобы кто-то обиделся на такие слова.

К счастью для работников столовой, Микушев не знал об этом неписаном правиле, иначе они не избежали бы взбучки.

Такие прецеденты уже были. Когда однажды в магазин военторга привезли дефицитные товары, на квартире Микушева раздался звонок. К телефону подошла Евгения Васильевна и ей предложили самые заманчивые вещи. Она, конечно, отказалась, ибо Георгий Николаевич предупредил жену, чтобы она никогда не пользовалась никакими исключениями. Работникам военторга было сделано внушение о недопустимости подобной «заботы».

Редакция дивизионной газеты 41-й стрелковой дивизии.
Второй слева — редактор Н. Н. Горновский.

В другой раз, узнав о присвоении Георгию Николаевичу генеральского звания, местные жители преподнесли ему в подарок много яблок. Микушев с благодарностью, так, чтобы не обидеть людей, все же отослал яблоки обратно. Одно дело, — говорил он потом жене, — простое поздравление, а другое — поздравление с подношением.

Семейная жизнь генерала проходила легко и спокойно. Как и раньше, он оставался простым и гостеприимным. Многие из сослуживцев запросто приходили на квартиру Георгия Николаевича, выезжали с ним на воскресные пикники. В домашней обстановке частенько называли его дедом. Он даже гордился таким обращением.

Да, Георгий Николаевич действительно был уже дедом.

В семье генерала воспитывалась его внучка Светлана. Ей Георгий Николаевич отдавал все свободное время.

Бывало, что комдив возвращался с занятий совершенно без сил. Не понимая этого, трехлетняя Светлана подбегала к нему:

— Деда, давай играть!

Георгий Николаевич забывал про усталость. Он подхватывал внуку на руки, неистощимо придумывал для нее все новые игры. А когда появился внук, его в честь деда назвали Георгием.

Но времени на личную жизнь, на отдых оставалось все меньше. Все чаще и чаще комдив допоздна находился в частях соединения. Он чувствовал — близится гроза. Так подсказывал многолетний военный опыт, весь ход развития событий.

Шли последние предвоенные месяцы.

В марте 1941 года Высшая аттестационная комиссия Народного Комиссариата Обороны под председательством Маршала Советского Союза С. М. Буденного постановила, что генерал Г. Н. Микушев занимаемой должности командира дивизии соответствует.

К этому времени относится начало знакомства комдива с генерал-майором Иваном Христофоровичем Баграмяном, ныне Маршалом Советского Союза.

«Это был 43-летний генерал, — вспоминает о Микушеве Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. — Стройная фигура, густые, светлые, волнистые волосы, широкий лоб, выразительные черты лица и большие светлые глаза, открыто и прямо смотревшие на собеседника, — весь его внешний облик как-то сразу приковывал к себе внимание и вызывал симпатию.

Как командир дивизии он был на хорошем счету в округе, считался не только волевым, но и очень образованным командиром. Это был живой, энергичный и жизнерадостный человек, по-товарищески относившийся к своим подчиненным...»

А вот воспоминания генерал-майора в отставке Н. В. Еремина, дополняющие его опубликованные высказывания о Г. Н. Микушеве:

«За полуторагодовой период совместной службы с генералом Г. Н. Микушевым я знал его как простого и скромного человека военной профессии. В быту, во внеслужебное время (если можно себе представить такое при службе на границе)

это был общительный и доступный человек. Он охотно обменивался мнениями по международным и общеполитическим вопросам и, конечно, свободно по военно-теоретическим проблемам и вопросам войсковой практики. Он любил острое, меткое слово, уместную хорошую шутку... Георгий Николаевич органически впитал в себя все лучшие черты советской военной школы воспитания и обучения. Он не боялся брать на себя ответственность и не прятался за спины других, особенно подчиненных. Георгий Николаевич вступил в войну грамотным и вполне зрелым командиром, достойным своего высокого звания

Г. Н. Микушев (1940 г.)

генерала. Это подтверждается всем ходом его командования 41-й стрелковой дивизией с первых дней Великой Отечественной войны.

Я считаю большой заслугой Георгия Николаевича то, что именно его стараниями, заботой и под его руководством начальствующий состав дивизии сумел сохранить боевую готовность частей и подразделений, избежать паники и более организованно вступить в бой с превосходящими силами вероломно и внезапно напавших на нашу страну гитлеровцев. Это он выпестовал постоянную боеготовность кадровой приграничной дивизии. Георгий Николаевич ценил штабную культуру и учил штаб, поднимал и оберегал его авторитет.

Мне вспоминаются наши совместные поездки мирного времени в корпус и армию на командирские занятия по оперативно-тактической подготовке. Обычно Георгий Николаевич, выполняя на занятиях роль командира дивизии или корпуса, всегда очень быстро, логически и разумно производил оценку обстановки, сжато и ясно формулировал свое решение, четко отда-

вал боевые приказы, умело организуя взаимодействие родов войск. Отличная военная подготовка, особенно тактическая, и резко выраженные при этом волевые качества выгодно отличали его в нашей учебной группе.

Генерал Микушев обладал редкой способностью с первого взгляда верно определять уровень боевой выучки, подготовленности как отдельных солдат и офицеров, так и подразделений и частей в целом. Это результат большого жизненного и профессионально-военного опыта, это индивидуальная особенность зрелого командира, обогащенного многолетней практикой. Отсюда простота обращения Георгия Николаевича с рядовым солдатом и офицером, его большая забота о солдатах, об их повседневных нуждах в мирное и военное время».

И, наконец, последнее высказывание, относящееся к довоенному периоду жизни Микушева. Оно принадлежит командиру роты С. И. Мазуренко:

«Я не знаю, кто по социальному происхождению генерал Микушев. Но, зная его лично, я думаю, что он выходец из семьи рабочих и сам был рабочим... На службе он был командиром для подчиненных. Вне службы он был товарищем, другом, братом».

...Изматывающий труд в Рава-Русском укрепленном районе дал себя знать. Георгий Николаевич чувствовал страшную усталость. Сказывалось и то, что в 1940 году он не использовал очередной отпуск. Надо было отдохнуть. Генерал не стал ждать, как обычно, лета. Он пошел в отпуск в апреле 1941 года, чтобы к началу лета со свежими силами вернуться в дивизию.

Командование дивизией принял полковник П. Н. Шалимов. Ему и начальнику штаба полковнику Н. В. Еремину пришлось много поработать, чтобы подготовить летние лагеря и вывести туда части, отправить на сборы артиллеристов. В дождливый день 1 мая состоялся последний парад дивизии. Принимал парад П. Н. Шалимов, командовал парадом Н. В. Еремин. В последний раз лагерь дивизии посетили командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковник М. П. Кирпонос и командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко.

В начале июня генерал-майор Микушев вернулся в дивизию и остался доволен проделанной без него работой. Тем не менее все увидели какую-то особую напряженность генерала. Он чего-то ждал.

А 22 июня становилось все ближе...

Ветераны... Сотни писем от них. Пишут люди, каждый из которых — сама история.

Они начинали свой путь 22 июня. Им обязан жизнью каждый сегодня живущий. Но ни один из ветеранов не упомянул о личных заслугах, ничего не требовал и ни на что не жаловался. Только между строк можно было увидеть, какие это замечательные люди. Железные люди.

Письма, письма... По-солдатски строгие и психологически возвышенные, грамотные и не очень грамотные, отпечатанные на машинке и написанные на листах в косую линейку, короткие и подробные. О себе — ничего. О генерале Микушеве — все, что сохранила память. Вспоминают генералы и солдаты, политработники и военные хозяйственники, те, кто ныне продолжает трудиться, и те, кого старые раны вынудили оставить работу.

Самые разные почерки, самые разные судьбы. Но главное — у всех есть нечто общее. Это — великий патриотизм.

И еще одна черта объединяет письма ветеранов. Каждый вспоминает о тех, кто уже никогда ничего не расскажет. О павших. А таких воинов в прославленной дивизии большинство.

Поиск еще далеко не закончен. Многие пали безвестными. Некоторые ветераны живут в различных областях страны, не имея связи с фронтовыми друзьями, и никому не напоминали о боевом прошлом. Но стоит ветерану получить хотя бы коротенькую весточку — тоненькую нить, связывающую его с прошлым, как он немедленно откликается, спрашивает о судьбе однополчан, шлет воспоминания.

И подчас оказывается, что герои живут буквально рядом с нами. После опубликования статьи о Микушеве в газете Уральского военного округа «Красный боец» пришло письмо из города Нижней Салды Свердловской области. Писал бывший боец 132-го артиллерийского полка А. Н. Панов: «Листая газету, я сразу узнал на снимке своего комдива и с чувством волнения каждую строку перечитывал по нескольку раз... Конечно, очень многое вспомнилось о дивизии...»

Иногда ветераны были еще ближе. Через несколько дней после появления статьи о Микушеве в пермской областной газете «Звезда» я получил письмо из... соседнего Ординского района. Откликнулся В. Я. Шипунов, проживающий в селе Красный Ясыл: «Я участник тех первых боев, о которых рас-

сказывается в статье, и двадцать пять лет разыскиваю соратников того периода войны...»

Благодаря помощи В. Я. Шипунова удалось восстановить совершенно забытую, но очень важную страницу обороны Равы-Русской.

Порою поиски затягивались. Как-то, просматривая каталог новых книг, я узнал, что в 1965 году во Львове вышел сборник очерков «На западной границе». Выписал его. И сразу в глаза бросился очерк Василия Грабовского «На Рава-Русском направлении». В основном он рассказывал о действиях пограничников. Упоминались здравствующие герои тех дней, в частности бывший офицер-пограничник, ныне подполковник запаса, заместитель директора львовской фирмы «Октябрь» А. И. Яблонский и бывший командир пулеметной роты 41-й стрелковой дивизии И. А. Терещенко, ныне помощник машиниста экскаватора в углеразрезе поселка Димитрово Александровского района Кировоградской области.

Конечно, адреса точносью не отличались, но пренебрегать ими ни в коем случае не следовало. Написал обоим. Правда, краткий адрес «Углеразрез» мало обнадеживал, но что поделаешь...

Первым откликнулся А. И. Яблонский, сообщивший ряд важных деталей. И. А. Терещенко молчал. Оставалось предположить, что письмо не нашло его. И вот, когда надежды стали рассеиваться, пришел ответ:

«Ваше письмо мне принесли из конторы угольного разреза, так как вот уже девятый месяц я не работаю ввиду тяжелого увечья, полученного в момент аварии автобуса, которым я ехал в ночную смену на работу 26 сентября 1965 года. У меня перелом левой руки, из сустава выбито предплечье, сломаны плечевая полка и ключица, вдавлена лопатка на три сантиметра внутрь, сломаны все ребра слева и одно справа, в теменной части пробит череп, получил сильное сотрясение мозга. Однако, после двенадцатисуточного бессознательного состояния, здоровое сердце помогло мне победить смерть и остаться в живых. Это третий случай, когда я остаюсь чуть теплый. Два первых — фронтовые...»

Какое несчастье... Но И. А. Терещенко не жалуется. Перечисляя свои раны, он просто объясняет, почему не ответил на мое письмо немедленно. Больше о себе лично — ни слова. Дрожая от слабости рука выводит строчки воспоминаний о генерале Микушеве, о друзьях по пулеметной роте, особенно — павших. Сообщив массу ценных сведений, Иван Антонович

еще извиняется: «Пока все. Ввиду частой потери сознания устал. Больше не могу...»

До земли надо поклониться таким людям. Лежа при смерти, испытывая тяжкие страдания от ран, часто теряя сознание, ветеран 41-й дивизии считает своим долгом рассказать все о любимом комдиве и боевых побратимах. И потом, почувствовав себя немного лучше, И. А. Терещенко шлет новое письмо.

Вот какие люди встретили врага на западной границе...

Лейтенант И. А. Терещенко, бывший командир пулеметной роты 139-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии.

Многочисленные факты доказывают, что 41-я стрелковая дивизия генерал-майора Георгия Николаевича Микушева до-

стойно встретила врага. Война не застала ее врасплох. Комдив Г. Н. Микушев, его заместитель П. Н. Шалимов, начальник штаба Н. В. Еремин, комиссар дивизии А. М. Антонов, начальник политотдела Н. А. Катасонов, командиры полков и подразделений были опытными военными специалистами. Весь личный состав дивизии был способен к выполнению любых задач, к схватке с врагом. Оборона Рава-Русского укрепленного района, несмотря на отдельные недостатки, была крепкой.

Еще не разорвался первый снаряд. Еще есть время оценить соотношение сил в районе Равы-Русской в июне 1941 года, очень неравное соотношение.

Полоса обороны 41-й дивизии составила по фронту около 50 километров. Правым соседом 41-й дивизии являлась 3-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора М. Ф. Малеева, левым — 97-я стрелковая дивизия под командованием полковника П. М. Захарова. Во втором эшелоне 6-го стрелкового корпуса располагалась недавно сформированная 159-я стрелковая дивизия полковника И. А. Машенко.

Уже по протяженности полосы обороны видно, сколь сложная задача стояла перед дивизией Микушева. В этих условиях было особенно важно правильно определить, где необходимо сосредоточить главные силы дивизии, не оголяя, вместе с тем, других участков обороны. Микушев сосредоточил основные силы на прикрытии шоссе Томашув — Рава-Русская — Львов. Это было правильное решение. Сюда предстояло выйти 102-му и 244-му стрелковым полкам. 139-му стрелковому полку надлежало выйти юго-западнее, в район Верхраты.

По огневой мощи советская стрелковая дивизия превосходила немецкую пехотную дивизию. Наше соединение из штатного стрелкового оружия могло сделать 297 460 выстрелов в минуту, а немецкое — 250 730 выстрелов. Однако по численному составу немецкая пехотная дивизия имела превосходство. Она насчитывала 16 859 человек при 299 орудиях. Советская дивизия насчитывала 14 500 человек при 300 орудиях.

Но это — штатный состав. Практически 41-я стрелковая дивизия имела большой некомплект личного состава. Отдельные роты насчитывали только по 60—70 бойцов, многие из которых служили в армии первый год. Следовательно, численный перевес немецкой дивизии становился еще более явным, соответственно изменялось в пользу гитлеровцев и соотношение огневой мощи.

41-я дивизия была не одна. Ее поддерживал постоянный гарнизон Рава-Русского укрепленного района под командованием полковника Е. В. Сысоева в составе 35-го и 140-го отдельных пулеметных батальонов. Границу защищал 91-й пограничный отряд майора Я. Д. Малого (ныне генерал-майор). Хорошо подготовленные пограничники и гарнизон укрепрайона являлись серьезной силой. Однако, к сожалению, как вспоминает Н. В. Еремин, не проводились практические совместные занятия подразделений дивизии, пограничников и гарнизона УРа. Это, конечно, отрицательно влияло на отработку их взаимодействия.

Летом 1941 года строительство оборонительных сооружений шло полным ходом. Темпы строительства резко усилились после того, как в марте 1941 года Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко указал командующему войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковнику М. П. Кирпоносу, что оборудование Рава-Русского и Струмиловского укрепленных районов является важнейшим правительственным заданием на 1941 год. К началу июня в предполье этих укрепрай-

онов закончилось строительство 18 батальонных пунктов и трех отдельных опорных пунктов. Оборудованы они еще не были, но значительная часть вооружения и аппаратуры уже поступила на склады.

Раньше других закончилось строительство и оборудование дота «Комсомолец» — мощного железобетонного сооружения, которое прикрывало главное направление — дорогу Томашув — Рава-Русская. Примерно за месяц до начала войны комендант укрепрайона Е. В. Сысоев ознакомил командование 41-й дивизии с этим сооружением. Здесь оборудование было смонтировано полностью и установлена вся необходимая аппаратура. Вскоре закончилось оснащение дота «Медведь».

1 июня в район Любыча-Крулевска прибыла 5-я особая фортификационная рота из состава соседней 5-й армии. Рота немедленно приступила к строительству оборонительных сооружений, в частности дотов. Сроки указывались очень сжатые. Военные строители работали по трое суток без сна и отдыха.

Итак, одна не полностью укомплектованная дивизия на 50-километровом рубеже, немногочисленный отряд пограничников, два отдельных пулеметных батальона при необорудованных дотах и рота фортификаторов — вот и все силы, способные защищать Рава-Русский укрепленный район.

Кто стоял против них?

На границе с Украиной и Молдавией была сосредоточена мощная немецкая группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, начавшего службу в кайзеровской армии еще в марте 1892 года. За полвека армейской жизни Рундштедт накопил большой военный опыт. На его счету была и активная поддержка Гитлера в период борьбы нацистов за власть.

В состав группы армий «Юг», занимавшей рубеж протяженностью до 780 километров, входили 6-я, 11-я и 17-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии, 1-я танковая группа и венгерский корпус. Их поддерживали 4-й воздушный флот и румынская авиация.

На Львовском направлении главный удар наносился в стык Рава-Русского и Перемышльского укрепленных районов, причем Рава-Русскую гитлеровцы планировали взять в первый же день войны и, двигаясь по шоссе, еще через двое суток взять Львов.

Характеристику состава гитлеровских войск на Рава-Русском направлении дают материалы, составленные работниками

Министерства Национальной обороны Германской Демократической Республики.

Здесь были сосредоточены соединения 17-й армии генерал-полковника фон Штюльпнагеля, 6-й армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, 1-й танковой группы генерал-полковника (впоследствии генерал-фельдмаршала) фон Клейста. Все эти генералы считались элитой гитлеровского вермахта, имели за плечами по несколько десятков лет военной службы. Фон Штюльпнагель находился в кайзеровской армии с 1904 года и до назначения главнокомандующим 17-й армии занимал пост обер-квартирмейстера генерального штаба вермахта. Фон Рейхенау служил в кайзеровской армии с 1903 года. Он принадлежал к числу тех высших офицеров, которые во время мирового экономического кризиса особенно активно поддерживали нацистов и активно способствовали установлению фашистской диктатуры. Это Рейхенау написал текст присяги армии на верность Гитлеру после смерти Гинденбурга. С 1935 года Рейхенау командовал 7-м армейским корпусом, с 1938 года — IV военным округом (Лейпциг). При нападении на Польшу он возглавлял 10-ю армию, при захвате Франции и Бельгии — 6-ю армию. Фон Клейст начал службу в вермахте еще в 1899 году. Во время вторжения в Польшу он командовал 1-м танковым корпусом, во время франко-бельгийской кампании — танковой группой «Клейст».

Непосредственно перед линией обороны 41-й стрелковой дивизии находились 24-я, 71-я, 295-я, 296-я немецкие пехотные дивизии 4-го армейского корпуса (командующий — генерал пехоты фон Шведлер) 17-й армии и 262-я пехотная дивизия 44-го армейского корпуса (командующий — генерал-лейтенант фон Кох) 6-й армии. 5 дивизий, полностью укомплектованных и отлично вооруженных! Это более чем пятикратное превосходство!

Но непосредственно за этими соединениями располагался еще 14-й армейский моторизованный корпус генерала пехоты фон Витерсгейма, который также намечалось ввести в действие. Он включал отборные гитлеровские соединения: 1-ю танковую дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 5-ю танковую дивизию СС «Викинг» и 9-ю танковую дивизию. Это был мощный наступательный кулак.

Гитлеровские войска превосходили 41-ю стрелковую дивизию не только численностью и техническим оснащением. Они имели большой опыт ведения современных операций на фронтах второй мировой войны.

Сформированная в 1935—1936 годах 24-я пехотная дивизия генерал-майора фон Теттау участвовала в войне 1939 года против Польши и в войне 1940 года на Западе. 71-я пехотная дивизия генерал-майора фон Гартмана после формирования в 1939 году также участвовала в западных походах. Точно такую же историю имела 262-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Тейзена. Меньший опыт имели 295-я и 296-я пехотные дивизии под командованием генерал-майора Гейтнера и генерал-майора Штеммермана. Они принадлежали к числу сравнительно новых гитлеровских формирований.

Что касается 9-й танковой дивизии, то она участвовала во всех гитлеровских походах. В марте 1939 года дивизия была в Чехословакии, в сентябре того же года воевала в Польше, в мае-июне 1940 года воевала на Западе и в апреле 1941 года — на Балканах. Особое место в гитлеровском вермахте принадлежало 5-й танковой дивизии СС «Викинг» под командованием бригаденфюрера СС Штейнера и 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера СС Дитриха. В заключение следует сказать, что пехотные и танковые соединения вермахта поддерживались многочисленной авиацией.

И все эти силы должны были обрушиться на Рава-Русский укрепрайон, на одну дивизию! Кажется, о каком сопротивлении тут может идти речь? Именно так считало гитлеровское командование.

Конечно, генерал Микушев и не предполагал, что на его дивизию навалится такая огромная сила. Но он чувствовал приближение решающего дня и готовился к нему.

Угроза нападения возрастала с каждым днем. Начальник разведывательного отделения штаба дивизии капитан Усыченко ежедневно докладывал начальнику штаба Н. В. Еремину о результатах наблюдения передовых постов на границе. Эти сообщения вызывали тревогу. Подобные сведения поступали в штаб дивизии и из штаба погранотряда. Данные сходились и свидетельствовали, что около самой государственной границы в лесах и населенных пунктах сосредоточивается все больше немецких войск и боевой техники. Участились нарушения немецкой авиацией нашего воздушного пространства. Самолеты появлялись над расположением дивизии на высоте не более 200—300 метров. Слухи о близкой войне стали распространяться и среди местного населения. Зашевелилась вражеская агентура.

Стремясь повысить боеготовность дивизии, Микушев часто

объявлял учебно-боевые тревоги с последующим проведением тактических учений, особенно для подразделений, которые находились на оборонительном рубеже. Однако в начале июня сложилась такая обстановка, в которой трудно было поддерживать постоянную боеготовность дивизии.

Дело в том, что с наступлением лета дивизия, как и полагалось, вышла в лагеря. Однако вскоре оба артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы были вызваны для сборов на корпусные и армейские полигоны вдалеке от границы. Вслед за ними отправились на сборы специальные подразделения стрелковых полков. Часть стрелковых подразделений снова убыла на строительные работы. В лагерях остались только штабы частей и ослабленные стрелковые подразделения.

На состоянии боеготовности сказывались и другие причины. «Накануне войны, — комментирует в своих воспоминаниях генерал-майор Н. В. Еремин события тех дней, — все вышестоящие штабы все время давали нам строгие официальные указания ни на какие провокации не идти и каких-либо ответных боевых действий не начинать. Это приказ, а для военного он закон. И в то же время командиры и начальники по всем объективным данным видели, что не сегодня-завтра разразится война. В такой обстановке нужно было найти правильную линию поведения. Ведь вместо большой войны могла быть действительно военная провокация на отдельных участках государственной границы. Какую же ответственность должен был нести командир, который своими войсками начал бы ответные военные действия? Пусть каждый поставит себя на его место в то время».

В довершение всего, перед самой войной сообщение ТАСС категорически и авторитетно утверждало, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Это было сказано 14 июня.

А примерно 19 июня генерал-майор Микушев своей властью приказал командирам частей вернуть весь личный состав и технику со сборов и полигонов, со всех строительных работ и полностью сосредоточить дивизию в лагерях. Это было чрезвычайно ответственное и смелое решение, принятое в сложной и напряженной обстановке человеком, который всегда отли-

чался высокой дисциплинированностью и исполнительностью. Это было, пожалуй, самое важное решение Микушева за всю его жизнь, решение настоящего коммуниста-военачальника, дальновидного и умеющего правильно ориентироваться в весьма сложной обстановке.

Сообщив о принятом решении начальнику штаба Н. В. Еремину, комдив тут же приказал ему установить прямую телефонную связь с комендатурой погранучастка.

Вот что писал об этом разговоре Н. В. Еремин в своей статье «Первые дни боев на Рава-Русском направлении», опубликованной в 1959 году:

«А как же корпус и армия? Это с их ведома? — невольно спросил я, так как знал, что через штаб никаких указаний на этот счет не приходило.

— Об этом не будем говорить. Вы сами понимаете, каково наше положение, — явно уклоняясь от прямого ответа, сказал командир дивизии. Я больше с ним не разговаривал об этом, однако предполагал, что он, вероятно, получил на сей счет указания, о которых ему было, по-видимому, неудобно или еще рано говорить даже со мной. А может быть, все это он делал тогда по собственной инициативе? Если так, то надо отдать должное его прозорливости, а главное, решительности, с какой он в то время... предпринял ряд мер в целях сохранения боеготовности дивизии. К сожалению, для меня этот вопрос так и остался неясным. Разразившаяся война все это сразу отодвинула назад, и новые события и заботы невольно захлестнули нас. Впоследствии мне так и не удалось это выяснить...»

После 1959 года Н. В. Еремин не прекращает поиски ответа на интересующий его вопрос и все более укрепляется в мнении, что решение о сосредоточении дивизии в лагерях было принято генералом Микушевым только по личной инициативе.

Уже в самое последнее время, еще раз комментируя те события, Н. В. Еремин утверждает, что решение это принято Микушевым самостоятельно.

Характерно, что Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, отлично зная Микушева, также считает его способным на самостоятельное принятие столь ответственного решения. Оценивая факты, Ф. И. Голиков делает вывод, что Микушев «мог действовать по собственному решению, будучи твердо убежденным в его целесообразности».

Готовность дивизии к отпору отмечает и Маршал Советско-

го Союза И. Х. Баграмян. Дивизия Микушева, подчеркивает он, «мужественно и организованно приняла первый удар превосходящих сил фашистов».

В субботу, 21 июня, весь личный состав частей прибыл в лагерь. За несколько часов до войны 41-я дивизия была приведена в состояние боеготовности.

В пять часов вечера Микушев начал совещание с командирами частей и их заместителями по политчасти. Были заслушаны краткие доклады о размещении, устройстве и состоянии частей. Командиры доложили также, что основная масса бойцов обеспокоена слухами о близкой войне. Личный состав недоумевал, почему немецкие самолеты беспрепятственно летают над советской территорией, почему по ним не открывается огонь.

Комдив внимательно слушал откровенные доклады. Он хорошо понимал состояние бойцов и командиров. Затем генерал поднялся и дал ряд обычных указаний об устранении замеченных им недостатков в несении лагерной службы. Но вот глос его изменился:

— Я полагаю, что вы понимаете общее положение в свете сообщения ТАСС и в то же время по-серьезному оцениваете нашу конкретную обстановку. Мы с вами находимся в приграничной дивизии, и наша задача заключается в защите государственных интересов здесь, непосредственно на границе. Эта задача известна нам не сегодня и не вчера, а с момента прибытия дивизии на границу. И тем более эта задача с нас не снимается сейчас, когда в пограничной зоне, как вам известно, создалась довольно-таки неясная и тревожная обстановка. Среди местного населения продолжают упорно держаться слухи о скорой войне. Вы сами видите, как немецкие самолеты нарушают границу и летают над нашей территорией. На нашем участке у самой границы за последние дни немцы сосредоточили крупные силы.

Георгий Николаевич сделал паузу и задумчиво продолжал:

— Я воевал в первую мировую войну и очень хорошо познал коварство кайзеровской армии. Ну, а фашисты, пожалуй, будут еще похлеще. Мы с вами должны быть готовы к самому худшему с их стороны. Думаю, что вы меня понимаете.

И уже тоном приказа:

— Начальник штаба дивизии остается в лагерях до утра. Командиры частей тоже. Начсоставу сегодня отпуска сокра-

тить до минимума — лучше всего быть в лагерях. Командирам частей лично и особо тщательно проверить готовность дежурных подразделений, выделяемых по известному вам плану. — Генерал имел в виду усиленные передовые отряды стрелковых полков, предусмотренные мобилизационным планом на случай войны.

Истекали последние часы 21 июня...

Такова была обстановка по эту сторону границы. А что происходило за кордоном, где уже давно генерал Микушев слышал тревожный шум?

22 июня 1966 года, в день 25-летия начала Великой Отечественной войны, киевская газета «Радянська Украина» опубликовала очерк «Первый отпор», посвященный дивизии Микушева.

Вот что в нем рассказывается о событиях последнего предвоенного месяца на той стороне:

«В ставку командующего группой армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта пришла шифровка. В ней сообщалось, что из Берлина прибывает главнокомандующий сухопутными силами Германии генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич и начальник генштаба генерал Франц Гальдер. На тайное совещание должны были прибыть командующие армиями и другие высшие военные чины.

24 мая 1941 года в штабе 17-й армии, которой командовал генерал-полковник Штюльпнагель, состоялось распределение сил. 17-й армии надлежало действовать вдоль шоссе Томашув — Рава-Русская, овладеть Равой и создать условия для успешного наступления на восток.

В начале июня Браухич провел еще одно специальное совещание. Особенно подробный разговор состоялся с командующим 17-й армией. Карандаш фельдмаршала остановился на карте около точки с надписью «Рава-Русская».

— Для овладения этим населенным пунктом выделяются три отборные дивизии, — сказал главнокомандующий сухопутными силами. — За сколько часов рассчитываете выполнить боевой приказ? Сорока восьми достаточно?

— Думаю, двадцати четырех вполне хватит.

— Меня радует ваш ответ! Данные разведки обработаны и изучены?

— Да!

— С каким соединением противника вам придется иметь дело?

— На Рава-Русском направлении — с 41-й стрелковой дивизией. Командует ею генерал-майор Микушев, опытный военный специалист. Однако соотношение сил в нашу пользу...

— Хорошо. Вручаю вам этот пакет. Вскрыть его в штабе армии в 3 часа 22 июня.

Вечером 21 июня из штаба группы армий «Юг» в 17-ю армию пришел приказ занять исходные рубежи и в назначенный час вскрыть засургученный конверт. Его, как и предусматривалось инструкцией, вскрыли в три часа. Командующий прочитал: «Сказание о героях. Вотан, Некар 15».

Это был сигнал для нападения на Советский Союз».

Нельзя сказать достоверно, насколько дословно изложена в этом отрывке беседа гитлеровских генералов. Браухича и Штюльпнагеля давно уже нет в живых. Вероятнее всего, этим беседам придана определенная художественная окраска, вполне допустимая в очерке. Возможно, Браухич и Штюльпнагель упоминали о Микушеве не в таких именно словах. Но из других данных, совершенно достоверных, явствует одно — гитлеровское командование знало о генерал-майоре Микушеве и считало лично его очень серьезным противником. Действительно и то, что большие надежды немецкие генералы возлагали именно на подавляющий численный перевес своих войск в районе Равы-Русской.

...Часы уже пробили полночь. Началось 22 июня 1941 года. Счет времени пошел на минуты.

ПЯТЬ ДНЕЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ВСЕЙ ЖИЗНЬЮ

22
июня

02 часа. Начальника штаба 41-й дивизии полковника Н. В. Еремина, который по приказу комдива остался на ночь в лагере, разбудил дежурный по штабу. Дежурный был взволнован:

— Товарищ полковник, вас срочно просит к телефону комендант погранучастка. У него очень важное и срочное сообщение.

В самом деле, случилось что-то чрезвычайное, коль пограничники, ни разу еще не звонившие в такое позднее время, попросили к телефону начальника штаба.

Еремин вышел из лагерного домика. Вокруг стояла полная тишина темной и теплой ночи. Лагерь спал. Поэтому особенно тревожно прозвучал по телефону голос коменданта погранучастка:

— Товарищ полковник, заставы моего участка на всем его протяжении по государственной границе отмечают необычное поведение немцев. С их стороны слышно, что идет передвижение войск и боевой техники. Наши секреты обнаружили, что еще с наступлением сумерек к границе начала подходить и накапливаться пехота, устанавливая пулеметы и орудия в нашу сторону. Такого положения мы еще ни разу не наблюдали, и я решил доложить вам. Будут ли какие-либо указания?

Сообщение тревожное. Как хорошо, что генерал Микушев заранее распорядился установить прямую телефонную связь с комендатурой погранучастка!

— Да, положение, действительно, тревожное, — отозвался Еремин. — Судя по данным, которые вы имеете, немцы затевают что-то серьезное и поэтому надо быть, как никогда, на чеку. Продолжайте непрерывное наблюдение и будьте в полной боеготовности. В случае каких-либо активных действий со стороны немцев немедленно звоните мне.

Дав необходимые указания дежурному по штабу, Еремин возвратился в лагерный домик и, не раздеваясь, прилег. Чувствовалась многочасовая усталость.

03 часа 30 минут. Только что задремавшего Еремина снова разбудил дежурный:

— Товарищ полковник, вставайте, послушайте, что это за шум? Никак самолеты летят?

Полковник вскочил, вышел из домика. Чуть-чуть рассветало, но небо оставалось еще темным. Слышалось, как то нарастал, то утихал глухой гул. Возникая на западе, он катился волной к востоку. Так могли гудеть только самолеты. И только тяжелые бомбардировщики.

Еремин быстро направился в палатку связи со штабом армии, чтобы вызвать по аппарату СТ ответственного дежурного. К аппарату никто не подходил.

03 часа 40 минут. На квартире заместителя командира дивизии П. Н. Шалимова раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку.

— Слышите?

Полковник узнал голос командира дивизии Микушева.

— Слышу разрывы снарядов или бомб! — быстро ориентируясь в обстановке, отозвался Шалимов.

— Собирайтесь, поедem срочно на моей машине в лагерь дивизии! — сказал Микушев.

Шалимов моментально оделся, поцеловал спящую дочку Людочку и вышел на улицу. Машина уже подошла. Микушев выглядел бодрым, подтянутым и очень сосредоточенным. Было похоже, что он в эту ночь вообще не ложился спать. На большой скорости машина помчалась к лагерю.

03 часа 50 минут. Еремин все ждал у аппарата. Наконец долго молчавший аппарат застучал и начальник штаба донес дежурному по штабу армии о перелете границы немецкой авиацией и поведении немцев на участке дивизии.

«По самолетам огня не открывать. Ведите наблюдение. Я немедленно доложу начальнику штаба. Ждите указаний», — появился ответ на телеграфной ленте.

В этот момент Еремина снова срочно вызвали к телефону из погранучастка. Докладывал комендант:

— Товарищ полковник, немцы на всем фронте моего участка открыли огонь и перешли государственную границу. Мои заставы ведут бой.

— Это началась война, держитесь во что бы то ни стало! — крикнул Еремин в трубку. — Наши части броском выдвинутся на свои рубежи!

04 часа. На расположение 5-й особой фортификационной роты, находившейся в 600 метрах от границы в районе Любыча-Крулевска, обрушился мощный минометный огонь.

Рота была менее других подготовлена к боевым действиям. Командный состав по случаю воскресенья находился в Раве-Русской и Любыче-Крулевской. В роте из состава оставались только сержанты и заместитель политрука.

Удар потряс палатки и разбудил спавших бойцов. Первым из палатки выскочил дежурный по роте В. Я. Шипунов. В руках он все еще держал недочитанный томик Фридриха Шиллера.

Мины рвались между палаток. Все вокруг горело. В небе слышался гул множества самолетов, идущих на малой высоте вглубь советской территории.

— Гасить палатки! — дал первую команду Шипунов, сразу сообразив, что на фоне разгорающегося пламени лагерь становится еще более отчетливой целью.

Полетели в сторону веревки и колья. Палатки упали на землю.

Заместитель политрука, сержанты и дежурный по роте

собрали бойцов в ближней лощине. Оставалось ждать, когда кончится налет.

04 часа 05 минут. В штабе 91-го погранотряда собрались командиры-пограничники: начальник отряда майор Малый, его заместитель по политчасти Никаноров, старшие лейтенанты Яблонский и Шудра, лейтенант Макаров, младший лейтенант Степанян. Они принимали донесения с застав. Везде шли бои. Пограничники твердо решили не отступить ни на шаг до подхода частей 41-й дивизии. Но положение с первой же минуты стало трудным.

Многочисленный враг особенно наседал на участке второй комендатуры, прикрывавшей главное направление к Раве-Русской. Комендант второй комендатуры капитан Кудряшов доносил: «На всем участке фашисты перешли границу. Пехота наступает под прикрытием артиллерии и танков. С трудом сдерживаем врага».

Майор Малый приказал коменданту остановить противника любой ценой. На помощь капитану Кудряшову отправилась маневренная группа. На другие заставы была выделена часть резервных подразделений.

04 часа 10 минут. Лагерь 41-й дивизии уже поднялся по боевой тревоге. К этому времени полковник Еремин по телефону связался с начальниками штабов частей и отдал приказ немедленно броском выслать усиленные передовые отряды на оборонительные рубежи. Срочно были вскрыты мобилизационные пакеты с боевыми предписаниями дивизии и частям.

А мимо штаба уже двигались колонны передовых отрядов полков. Никакой суеты. Снаряжение подгоняется на ходу. Каждый боец в отдельности и все они вместе понимают серьезность положения.

04 часа 15 минут. В лагерь прибыли командир дивизии генерал-майор Микушев и его заместитель полковник Шалимов. На оборонительные рубежи уходили последние передовые отряды.

Еремин кратко доложил Микушеву о своих решениях и их исполнении.

— Правильно действовали, полковник, — сказал комдив. — Теперь наша задача — немедленно выдвинуть полки на их участки и занять оборонительный рубеж, чтобы упредить выход к нему немцев. Не ждать полного построения частей. Надо выдвигаться по мере готовности подразделений.

И вот по лагерной линейке мимо генерала в походных ко-

лоннах проходят подразделения стрелковых полков. Кто-то из строя, нарушая устав, спрашивает:

— Товарищ генерал, что это, очередная провокация?

И, наверное, в первый раз за всю службу комдив прощает нарушение устава.

— Нет, — говорит он, — это война, и мы будем бить фашистов всей силой своего оружия!

04 часа 20 минут. На всем протяжении границы пограничники майора Малого и передовые подразделения дивизии продолжали отбивать атаки гитлеровцев. Они выполняли свой долг с честью. Не ограничиваясь обороной, комендант второго участка капитан Кудряшов лично повел бойцов в контратаку.

Когда враг вклинился в оборону четырнадцатой заставы, младший лейтенант Сысоев забросал его гранатами. Фашисты пустили в ход артиллерию, выкатив орудия на прямую наводку. Застава была окружена, но бойцы, прорвав окружение, отошли в лес, а затем контратакой вернули заставу.

Насмерть стояли пограничники десятой заставы лейтенанта Кузнецова. Они верили, что к ним, как и на другие заставы, скоро придут на помощь бойцы 41-й дивизии.

04 часа 30 минут. К сосредоточенным в долине красноармейцам фортификационной роты прибежал пограничник с приказом направиться к складу оружия и боеприпасов, расположенному в двух километрах от границы у Любыча-Крулевской. По дороге к бойцам присоединились командир роты и командир второго взвода. Командир роты приказал Шипуну привести в роту два отделения, оставшиеся в дотах у самой границы, и вручил ему на время свой наган. Под непрерывным обстрелом Шипунов вывел отделения из недостроенных дотов, где амбразуры были заложены мешками с песком, и привел бойцов в роту.

04 часа 40 минут. Все части дивизии вышли по направлению к оборонительному рубежу. Но они были обеспечены боеприпасами, снаряжением и другими видами довольствия по нормам мирного времени. Со всей остротой встал вопрос о дообеспечении частей. Как это сделать? Все необходимое есть, но оно на складах «НЗ», открыть которые можно только по разрешению Военного Совета округа. Неужели тратить дорогие минуты на согласование?

— Как вы думаете? — обратился генерал к полковнику Шалимову.

— Надо все необходимое срочно взять из складов «НЗ»! — коротко отозвался заместитель.

И Микушев принимает на свою ответственность еще одно важное решение — вскрыть склады неприкосновенного запаса, дообеспечить дивизию вооружением, боеприпасами, амуницией, обмундированием, снаряжением, походными кухнями, повозками.

После этого генерал отправляется в расположение 102-го стрелкового полка подполковника Гата Гарифовича Чумарина, которому предстояло выйти на главную оборонительную позицию по правую сторону шоссе Томашув — Рава-Русская.

04 часа 50 минут. Начальник штаба полковник Еремин произвел расчет времени. Выходило, что если гитлеровцам удастся сломить сопротивление пограничников и двигаться дальше беспрепятственно, то даже передовые отряды дивизии смогут встретиться с противником лишь на линии заранее подготовленного оборонительного рубежа. На выдвижение, развертывание и занятие позиций главными силами времени при таком обороте событий уже не оставалось. Значит, сейчас многое зависит от пограничников, их умелых действий, упорства в обороне, и, это было совершенно ясно, — самопожертвования.

Тем временем в районе высоты 305 развертывался командный пункт штаба дивизии, занимались специально подготовленные на высоте блиндажи. Начальник связи дивизии капитан Гусак получил распоряжение установить проводную связь командного пункта с частями, лагерем и Равой-Русской. Следом за уходящими частями связисты уже тянули кабель. Принимались меры по организации тыла.

А полки дивизии преодолевали последние километры до рубежа, где с каждой минутой нарастала артиллерийская и пулеметная стрельба.

08 часов. Гитлеровцы подводили к погранзаставам все новые силы. В километре от границы, заняв окопы, оборонялись сорок бойцов под руководством коменданта погранучастка капитана Строкова. Вскоре на них наседали уже два батальона врага. Пограничники были вынуждены отойти в три двухэтажных кирпичных здания комендатуры. Никто из находившихся на участке не остался в стороне от боя. Повар Якимюк залез на чердак со снайперской винтовкой и, устроившись у слухового окна, брал на прицел гитлеровских офицеров. Сын помощника начальника штаба комендатуры двенадцатилетний Шура Голубев подносил бойцам боеприпасы, фляжки с водой, делал перевязки раненым. Некоторые из пограничников Строкова вступили в бой полуодетыми. Шура отыскал и при-

нес бойцам их гимнастерки и сапоги. Когда пограничники начали выбывать из строя, Шура тоже взял винтовку. Командатура держалась до подхода двух танкеток 41-й дивизии.

Только десять бойцов было на заставе лейтенанта Морина. Их окружили. Не оставалось никакой надежды на прорыв. Пограничники один за другим выбывали из строя. И все-таки застава оборонялась несколько часов.

Постепенно приблизившись, фашисты подожгли деревянное здание заставы. Но и тогда винтовочный огонь из окон не прекратился. Несколько оставшихся в живых пограничников погибли в пламени с пением «Интернационала».

На одном из участков находился младший лейтенант отдельного разведывательного батальона дивизии Василий Калашников. Собрав сразу же после нападения около двадцати бойцов караульного взвода, он совместно с пограничниками держал оборону деревни Вржбица до тех пор, пока семья командного состава не ушли в город. Затем, приказав бойцам отходить, он остался у телефона и доносил в лагерь дивизии о составе и продвижении противника. Калашников отступил лишь тогда, когда гитлеровцы начали уже занимать деревню. Некоторые семьи не успели уйти. Гитлеровцы убили жену младшего лейтенанта Грищенко, больную жену младшего лейтенанта Синезенко и семьи еще некоторых пограничников, не пощадив даже детей.

10 часов 30 минут. На лагерной линейке появились группы растерянных людей. Это спасались семьи военнослужащих. Полураздетые женщины и дети шли из ближних деревень в Раву-Русскую. Многие из них босые, с непокрытыми головами.

Но вот на линейке показалась еще одна большая группа. Раздались крики:

— Пленных везут!

— Смотрите, как их много!

Действительно, красноармейцы в колонне по четыре конвоировали около пятидесяти гитлеровцев в серо-стальных мундирах со свастиками. Гитлеровцы выглядели понуро.

В это время у штаба вновь появился генерал Микушев, вернувшийся с рубежа.

— Ага, пленные, — удовлетворенно заметил комдив на ходу. — Где захватили их?

— Сейчас установим, товарищ генерал, — отозвался командир разведывательного отделения штаба дивизии капитан Усыченко.

Один из красноармейцев-конвоиров, увидев комдива, радостно сказал:

— Товарищ генерал, вот захватили первых пленных. Ведem пятьдесят человек, а побили в пять раз больше. Эти не выдержали штыковой атаки и сдались.

— Да, против русского штыка никто не устоит, — подчеркнул Микушев. — Это только начало, даром им ничего не пройдет!

11 часов. Из частей начали поступать боевые донесения. Постепенно выяснилось, что обстановка на всем фронте дивизии складывается благоприятно. Части дивизии, совершив марш-бросок, на ходу развернулись, с боем заняли заранее подготовленную линию обороны и закрепились на ней.

Есть первый успех! Военный и, что очень важно, моральный.

Решительность, инициатива генерала Микушева принесли многообещающий результат. Лично проявленное им мужество, твердость, сознание ответственности момента позволили частям дивизии с первых же часов войны показать все результаты боевой подготовки. Многие теперь вспоминали, как были полезны практические занятия в предвоенные месяцы. Но отличная выучка — это еще не все. Сказалось и знание местности, умение использовать особенности ее рельефа. Бойцам были знакомы каждая ложбинка, каждый бугорок. Сама земля помогала им бить врага.

Уверенные, смелые действия частей и подразделений привели гитлеровцев в замешательство. Они не думали встретить такой сильный отпор. Ведь все их разведывательные данные говорили о том, что советские войска не ожидают нападения и не готовы к сопротивлению. Это придало гитлеровцам самоуверенность. Тем сильнее оказалось их разочарование.

Большая группа пленных была взята в лесном бою близ шоссе бойцами 244-го стрелкового полка майора Еченко, которые окружили подразделение пехоты противника. У убитого гитлеровского офицера нашли карту. Она свидетельствовала, что противник по данным разведки довольно хорошо знает расположение частей 41-й дивизии. На карте указывались сроки выполнения боевых задач, в частности, Раву-Русскую гитлеровцы планировали взять в первый же день войны.

Успешно действовали не только стрелковые подразделения 244-го полка. Быстро развернулась к бою у Любыча-Крулевской полковая батарея 76-миллиметровых пушек. По ней тут же открыл огонь немецкий пулемет. Небольшая оплошность

дорого стоила расчету четвертого орудия. Здесь первой же очередью были ранены три человека. Оказалось, что помощник правильного Артавенко в горячке боя поднял у орудия только верхний откидной щиток. Нижний щиток остался в закрепленном походном положении. Это заметил немецкий пулеметчик и дал очередь. Среди раненых оказался и сам Артавенко. Он словно был наказан за оплошность. Горький урок показал, что в бою важна каждая мелочь. С этой минуты бойцы исключительно точно стали выполнять заранее отработанные обязанности.

Чуть не попав под новую очередь, командир огневого взвода Д. И. Рудь прыгнул за придорожное дерево и сориентировался. Пулемет бил из-за противотанкового рва. Один немецкий солдат стоял на опушке леса у сосны. Второй солдат, положив ему на плечо ствол ручного пулемета, вел огонь по позиции батареи, а третий гитлеровец стоял наготове с боеприпасами. Рудь быстро скомандовал исходные установки наводчику первого орудия Нефедову. Раздался первый артиллерийский выстрел на участке. Вражеский пулеметный расчет был полностью уничтожен.

Сноровисто действовала минометная рота младшего лейтенанта Штерлиха. Ни одной мины не выпустил зря наводчик Григорий Байда. После первого боя он подошел к командиру роты и заявил о желании стать коммунистом.

12 часов. Стряхнув оцепенение после первых неудач, гитлеровское командование на всем рубеже обороны 41-й дивизии бросило в бой новые силы. Вводились в действие одна часть за другой. Значительно усилилась танковая, артиллерийская и авиационная поддержка немецкой пехоты. Несколько вражеских самолетов было подбито огнем 37-миллиметровых зениток и крупнокалиберных пулеметов. Но появлялись все новые и новые самолеты.

После каждого огневого налета пехота гитлеровцев поднималась в атаку на полуразрушенный рубеж дивизии. И снова безуспешно. Бойцы 41-й не отступали ни на шаг.

13 часов. Генералу Микушеву доложили о готовности проводной связи его командного пункта на высоте 305 с частями дивизии. Комдив немедленно выехал туда с оперативной группой. За ним следовал полковник Еремин со вторым эшелоном штаба.

Несмотря на непрерывные атаки врага, Микушев и Еремин чувствовали, что положение дивизии прочное. На многих

участках контратаками подразделений дивизии фашисты были отброшены к государственной границе.

По приказанию коменданта укрепрайона полковника Сыроева специальные подразделения пулеметных батальонов заняли дот «Комсомолец» на главной дороге и несколько недостроенных дотов на ухнувском и верхратском направлениях. Это значительно укрепило оборону дивизии.

Штаб дивизии работал четко. Он поддерживал бесперебойную связь со штабом армии, информировал его об обстановке. Но в ответ не было ни указаний, ни информации о положении на других участках фронта. Несмотря на перебои связи, удалось информировать о ходе боев и штаб корпуса.

Вскоре на командный пункт к Микушеву явился командир 209-го корпусного артиллерийского полка подполковник Винарский. Он прибыл в распоряжение Микушева по приказу командира 6-го стрелкового корпуса. Мощные 152-миллиметровые орудия полка на тракторной тяге значительно увеличили огневые возможности дивизии.

14 часов. Бойцы 5-й особой фортификационной роты после отхода от границы сосредоточились, получили винтовки, патроны, по одной гранате и немедленно заняли оборону на кладбище у Любыче-Крулевской. Они сразу же оказались под сильным обстрелом. Жертв, однако, не было. Вскоре налет кончился. Гитлеровцы снова поднялись в атаку и прорвали оборону. Рота бросилась ликвидировать прорыв. Тут военные строители впервые увидели фашистов. Враги появились из перелеска и кинулись вперед, непрерывно стреляя из автоматов. До бойцов донеслись истошные крики:

— Рус, капут!

— Ой, мама!— крикнул кто-то в цепи строителей.

Другой боец резко оборвал его.

И сразу стрельба заглушила все голоса. Потеряв около пятнадцати человек убитыми, гитлеровцы побежали обратно.

15 часов. Генерал Микушев на несколько минут прибыл в Дом Красной Армии и объявил о мобилизации всех мужчин, ранее уволенных в запас и работающих в ДКА по вольному найму. Затем четко, пункт за пунктом, генерал приказал заместителю начальника ДКА старшему политруку Соловьеву выдать мобилизованным обмундирование из костюмерной, прикрепив знаки различий, выдать оружие, сдать в штаб дивизии паспорта и военные билеты, выдать всему личному составу ДКА внеочередное денежное довольствие, остальные

деньги передать в финотдел дивизии, сдать в штаб секретные документы, всю остальную документацию сжечь.

Соловьев доложил генералу, что с пяти часов утра в ДКА прибывают семьи командного состава, и просил указаний на этот счет. Все так же коротко и ясно, не раздумывая ни секунды, Микушев приказал:

— Поручаю вам организовать выгрузку кирпича из эшелона, который находится на военстройплощадке, с наступлением темноты произвести посадку семей и отправить на восток. Об исполнении доложить мне лично.

В этот момент кабинет заполнился женщинами и детьми. Послышались крики, плач, началась неразбериха.

Ровным негромким голосом Микушев попросил женщин успокоиться. Его слова подействовали отрезвляюще. Наступила тишина. Комдив заговорил. Он не умолчал о тяжести боев и о жертвах.

— Но, — продолжал он, — ведь вы знаете, что мы не наступаем, мы зарылись в землю, а коль это так, то с нашей стороны меньше потерь. Как только стемнеет, отправим вас в тыл, к старой границе, но не дальше, так что с собой захватите только необходимые вещи, возьмите двухдневный запас продуктов. Мы предполагаем, что за двое суток оттесним противника далеко на запад. Счастливого пути!

Микушев сел в машину и снова отправился на фронт.

Соловьев еще раз призвал женщин к спокойствию и заверил, что сразу же с наступлением темноты начнется разгрузка вагонов. Днем это делать опасно — в любой момент город может подвергнуться бомбардировке. И вдруг его оборвала жена политрука Антонина Семеновна Мальцева:

— Товарищи женщины! Слушайте меня! Наши мужья в эту минуту героически защищают каждую пядь земли, они проливают кровь, гибнут в бою за нас и наших детей. — Она повернулась к Соловьеву. — Мы все перед вами извиняемся, что нарушим указание генерала. Я призываю всех сейчас же, сию минуту отправиться на стройплощадку и приступить к выгрузке кирпича из вагонов. Возможно, эти вагоны не доставятся нам после выгрузки, быть может, они потребуются для раненых.

— Пойдем! — закричали женщины.

Когда люди стали выходить во двор, Мальцева подошла к Соловьеву:

— Вы военный человек, а мы невоенные, но вы коммунист

и я коммунистка. Сейчас мы одинаково несем полную ответственность перед генералом.

К заходу солнца женщины, не обращая внимания на близкие разрывы снарядов, разгрузили 25 вагонов. На исходе суток около 500 женщин и детей сели в вагоны, прицепленные к санитарному поезду. Состав двинулся в сторону Львова.

23
июня

Закончились первые сутки войны. Хотя с наступлением темноты бои постепенно затихли и на фронте раздавались только одиночные орудийные выстрелы и пулеметные очереди, напряжение чувствовалось во всем.

Активизировалась вражеская агентура. В тылу дивизии, особенно в районе самого города, начали действовать ракетчики, пуская в воздух множество разноцветных ракет. Кое-где слышались автоматные очереди. В течение дня для поддержки своей агентуры, распространения паники и совершения одиночных нападений немцы сбросили в тыл дивизии несколько диверсионных групп по 20—25 человек. Всем этим гитлеровцы пытались создать видимость полного окружения Равы-Русской. Борьба с агентурой врага и его парашютистами была поручена пограничникам майора Малого.

Наступила глубокая ночь, шли первые часы 23 июня, но никто из командного состава не смыкал глаз. Генерал Микушев, полковой комиссар Антонов, полковники Еремин и Борисов детально проанализировали итоги суток.

Было совершенно ясно, что части дивизии при сравнительно небольших потерях нанесли противнику серьезное поражение и прочно удерживают заранее подготовленный оборонительный рубеж. Только на левом фланге образовался разрыв в несколько километров между 139-м стрелковым полком майора Коркина и действовавшим отдельно от этого полка усиленным 1-м батальоном старшего лейтенанта Верниковского.

А где находятся и что делают соседние соединения? Этот вопрос в горячке боя был как-то упущен из виду. Ведя успешные действия, командование дивизии полагало, что 97-я, 159-я стрелковая и 3-я кавалерийская дивизии тоже отразили атаки противника и занимают свои рубежи. В самом деле, о чем беспокоиться? Ведь если над 41-й дивизией возникла бы угроза с флангов, то командование армии и корпуса сообщило бы об этом.

Только к исходу 22 июня через штаб корпуса удалось вы-

яснить, что 97-я дивизия вела бой в тяжелых и невыгодных условиях. Более подробных сведений о положении соседей командование дивизии так и не получило. А положение это было хуже, чем предполагали Микушев и его соратники.

Сейчас на основании хранящихся в архиве Министерства Обороны СССР боевых донесений и оперсводок штаба Юго-Западного фронта, оперативных сводок штаба 6-й армии можно установить то, чего не знал Микушев 23 июня и в последующие дни.

Комментируя эти сводки и донесения, Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков отмечает, что в них, несмотря на предельную сжатость и скупость сведений, мы находим официальное и документальное подтверждение упорной обороны Рава-Русского УРа нашими частями с 22 по 27 июня. Они оплают жгучим, огненным дыханием тех тяжелых военных дней.

Первое боевое донесение штаба Юго-Западного фронта, сделанное в 15 часов 10 минут 22 июня: «На 11.00 Рава-Русский УР отразил атаку противника... На фронте 41-й стрелковой дивизии до одной пехотной дивизии противника».

В 18 часов оперативная сводка штаба 6-й армии сообщает: «41-я стрелковая дивизия, отразив наступление до двух пехотных полков в районе Любыча-Крулевска, совместно с частями 6-го УРа занимает фронт Жычки, Тенятыска, Дебы, высота 390, Монастыр, Брусно Старе. Перед фронтом до пехотной дивизии с батальоном танков».

При чтении этих документов возникает вопрос: почему оба они указывают, что против 41-й дивизии наступает одна пехотная дивизия гитлеровцев, тогда как в действительности наступление вели пять дивизий?

Дело, очевидно, в том, что сводки эти составлялись по данным, представленным штабом 41-й дивизии. Микушев и Еремин, организовав успешное отражение атак врага, и не предполагали, что одержали победу над значительно превосходящими силами противника. Уже 22 июня дивизия вела бои с частями пяти немецких пехотных соединений. Но Микушев и Еремин не располагали еще точными данными о численности противника.

Итак, дивизия Микушева держится крепко. А вот сведения о соседях на левом фланге из утренней оперсводки штаба фронта 23 июня: «6-я армия, удерживая центром Рава-Русский УР, отошла левофланговой 97-й стрелковой дивизией на фронт Кровицы, Краковец... По непроверенным данным,

истекшей ночью 491-й стрелковый полк 159-й стрелковой дивизии окружен у Пархач...»

Микушев еще не знает этого и верит в прочность позиций соседей на левом фланге. Все внимание он сосредоточивает на своей линии обороны, стараясь не оставить без внимания ни одного участка.

В 8 часов утра, проведя авиаразведку и интенсивную минометно-артиллерийскую подготовку, гитлеровцы повели наступление на расположение 102-го и 244-го стрелковых полков, направив крупные силы вдоль шоссе на Раву-Русскую, как раз в стык полков.

Одним из первых увидел противника со своего наблюдательного пункта командир батареи 76-миллиметровых пушек 244-го полка лейтенант Епифанов. Командир первого огневого взвода лейтенант Рудь быстро подготовил батарею к бою. Вскоре противник приблизился на дистанцию прямой наводки. Все шесть орудий дали залп, но гитлеровцы миновали насыпи противотанкового рва и двинулись дальше.

Батарея открыла беглый огонь, уничтожив два бронированных вездехода с 20-миллиметровыми автоматическими пушками и шесть автомашин с 37-миллиметровыми противотанковыми пушками на прицепе. Но, не считаясь с потерями, противник продолжал преодолевать противотанковый ров и вклиниваться в оборону.

Появились танки. Под их прикрытием пошла в атаку пехота фашистов. Сильный удар пришелся по позициям пулеметной роты 139-го стрелкового полка. Прямым попаданием снаряда был убит лейтенант Васильченко и разбит пулемет. Образовалась брешь, в которую немедленно хлынули вражеские автоматчики. Командир взвода Алтухов моментально перенес пулеметный огонь и закрыл брешь. Метким огнем ему удалось остановить немецкий танк. Заметив пулемет Алтухова, на него развернулся другой танк, пытаясь проутюжить огневую точку. Но в этот момент командир роты Терещенко связкой гранат подбил танк. Вскоре на участке пулеметной роты неподвижно стояли пять танков врага. Атака гитлеровцев захлебнулась.

Генерал Микушев, обходя передний край обороны на этом участке, подошел к Алтухову:

— Как дела, товарищ «диетчик»? Молодцевато угощаешь гадов, Саша!

— А мы, пулеметчики, и не скупимся на угощение!

Вскоре атака возобновилась. Враг снова двинулся по шоссе, угрожая прорывом. В это время дот «Комсомолец» открыл

мощный фланкирующий огонь по шоссе. И снова враг в замешательстве остановился.

Не в силах сломить сопротивление дивизии лобовыми атаками, гитлеровцы обрушили на ее позиции массированный бомбовой удар. Девятки пикировщиков «Ю-87» с завыванием сирен начали штурмовку позиций полков, артиллерии, командного пункта дивизии и дивизионного обменного пункта. Бомбардировка отличалась особой силой и длительностью. Дивизия понесла большие потери, но никто из бойцов не покинул рубеж.

Один из главных ударов авиация нанесла по позициям зенитно-артиллерийского дивизиона. Зенитчики лейтенанта Цехновского под непрерывной бомбежкой и пулеметным огнем сбили три «Юнкерса». Тут же на батарею налетели истребители. Один из них сразу рухнул на землю, но очередь другого лейтенант Цехновский был смертельно ранен. Зенитчики не растерялись. Младший сержант Никонов сбил еще один самолет. Умирающий лейтенант Цехновский сказал:

— Стрелять по фашистам так, как сегодня стреляли! — и объявил батарее благодарность. Собравшись с последними силами, он свой значок отличника-артиллериста передал Никонову.

Ко второй половине дня положение на фронте дивизии было полностью восстановлено.

Быстро ориентируясь в обстановке, Микушев принимает смелое решение. По его приказу, не ослабляя внимания к обороне, 102-й и 244-й полки подтянули к переднему краю вторые эшелоны и резервы. Внезапно для противника по его скоплениям нанесла мощный огневой удар артиллерия полков и дивизии, а также корпусной артполк. Вслед за этим два полка перешли в контратаку.

Приказ контратаковать врага был встречен бойцами с энтузиазмом. Среди них пошли разговоры, что на поддержку подходит танковый корпус.

Двигаясь по местам утреннего боя, красноармейцы видели, насколько ощутимые потери понес враг от артиллерийского огня. Всюду валялись трупы гитлеровцев, на поле боя осталось много брошенной ими техники.

Выбив противника со всей территории и преследуя его за границу, наша пехота углубилась на вражескую территорию до трех километров и достигла траншей фашистов.

Наступление прекратилось. И все-таки бойцы были безмерно рады: они — на территории противника! Эх, подоспели

бы сейчас наши танки да хотя бы несколько бомбардировщиков — и можно бы развить успех контратаки!

Танковый корпус не пришел. Его никто и не обещал, не мог обещать. Просто бойцы хотели выдать желаемое за действительность. Не появилась и авиация. Ее на этом участке фронта тоже не было.

Когда наступила темнота, наша пехота и артиллерия вернулись на свои исходные позиции.

Второй день войны на этом участке фронта не принес фашистам никакого успеха. Рубеж 41-я дивизия по-прежнему удерживала прочно. Тревожило лишь донесение майора Коркина о том, что связь с батальоном старшего лейтенанта Верниковского на левом фланге потеряна, а этот батальон находился на стыке 41-й и 97-й дивизий.

Почему потерялась связь? Это стало ясно лишь после сообщения из штаба корпуса. Оказалось, что за 23 июня противник еще дальше отгеснил 97-ю дивизию, занял важное по своему значению местечко Немиров и, прорвавшись, продолжает наносить удары по находящейся во втором эшелоне 159-й дивизии в районе Немирова. Оставалось сделать вывод, что, не имея больше поддержки с левого фланга, батальон старшего лейтенанта Верниковского окружен, но продолжает вести бой. Значит, в любой момент противник мог ударить в тыл всей 41-й дивизии с юга, в случае дальнейшего отхода 97-й дивизии, вообще окружить Рава-Русский укрепрайон.

Что делать? Ведь по дороге на Немиров 41-я дивизия не имеет никаких сил. Неужели снимать части с главного рубежа? Нельзя. Там на счету каждый боец. Оценив обстановку, Микушев и Еремин решили вывести в резерв лишь отдельный разведывательный батальон, чтобы в случае необходимости прикрыть им свой тыл. Одновременно Микушев решил срочно перенести командный пункт дивизии с высоты 305 на высоту 344, южнее Равы-Русской, поскольку из показаний пленных летчиков и найденной при них схемы выяснилось, что немцы точно знают о расположении командного пункта на высоте 305, как и о других важных объектах обороны дивизии.

Оперсводка штаба 6-й армии по итогам за 23 июня отмечает: «41-я стрелковая дивизия ведет бой на рубеже Корне, южная окраина Тенятыска, Вэрэсица, Верхрата. Части 6-го УРа упорно обороняют опорные пункты на всем фронте УРа. Контратака 206-го стрелкового полка 97-й дивизии результата не дала. 159-я дивизия с утра 24 июня готовилась перейти в наступление при поддержке танков».

Контратака дивизии Микушева, проведенная 23 июня, была важным событием не только для 6-й армии. В сводке за этот день, опубликованной 24 июня в печати и переданной по всесоюзному радио, говорилось: «На Шауляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратакой наших войск был разбит и отброшен за госграницу». О защитниках Равы-Русской узнала вся страна.

24
июня

Утром гитлеровцы начали атаки сразу с двух направлений. Продолжая натиск на шоссе, они в то же время двинулись южнее, по направлению к Верхрате. Наступление велось при поддержке авиации, танков, артиллерии.

Весь личный состав 41-й дивизии действовал отважно. Несмотря на тяжелые потери, красноармейцы неоднократно поднимались в контратаки, отбрасывали врага, захватывали пленных.

Главный удар пришелся по позициям 102-го стрелкового полка подполковника Чумарина. Его бойцы не пропустили вперед ни одного вражеского солдата. Гитлеровцы, вклинившиеся в оборону полка, немедленно уничтожались в рукопашных схватках, которые происходили в окопах и ходах сообщения. Как и всегда, подполковник Чумарин был примером для своих бойцов. Прекрасный командир, любимец дивизии, «честный и правдивый при неудачах, без гонора и бахвальства при удачах», как его характеризует А. Л. Кизима, Чумарин, когда враг особенно наседал, появлялся на самых опасных участках обороны, всоудушевлял красноармейцев, а в наиболее критические моменты сам ложился за станковый пулемет и вел непревзойденный по меткости огонь. Земля буквально покрывалась вражескими трупами.

В ходе боя 24 июня гитлеровцы разбросали с самолетов листовки с призывом прекратить сопротивление и сложить оружие. Наглое предложение врага до глубины души возмутило бойцов. Понимая их состояние, подполковник Чумарин приказал надеть листовки на штыки и в удобный момент лично повел полк в контратаку. Враг снова (в который уже раз!) был отброшен за противотанковый ров.

В это же время в районе Верхраты тяжелый бой с превосходящими силами противника вел 139-й стрелковый полк майора Коркина. В самый разгар боя майор получил ранение. На

какой-то миг руководство полком ослабло. А тут как раз фашисты усилили натиск и под прикрытием ураганного огня пошли в атаку. Одно из подразделений полка, выбитое со своей позиции, начало в беспорядке отходить.

Вражеская пехота бросилась в прорыв. В случае ее успеха могла создаться опасность окружения полка и выхода крупных сил противника в тыл дивизии. Это сразу же понял батальонный комиссар, секретарь дивизионной партийной комиссии Михаил Архипович Власовец. Он только что вместе с политруком Селявой прибыл в расположение полка по заданию полкового комиссара Антонова. Власовец собрал бойцов и штыковой атакой вернул оставленную позицию.

Положение было восстановлено, однако вскоре гитлеровцы опять начали наступление. Здесь мог выручить только рукопашный бой. Тогда Власовец поднялся во весь рост и с пистолетом в руке бросился на врага. За ним последовали остальные. Красноармеец Ларин, действуя рядом с Власовцем, ударами приклада свалил наповал четырех гитлеровцев.

Бойцы вели рукопашную с такой яростью, что гитлеровцы в панике бежали, бросая оружие.

Под конец контратаки в непосредственной близости от Власовца разорвался снаряд. Когда политрук Селява подбежал к батальонному комиссару, тот был уже мертв.

Узнав, что командир 139-го полка тяжело ранен, генерал Микушев направил туда своего заместителя полковника Шалимова, приказав ему:

— Немедленно выехать в полк и принять командование!

Шалимов не медлил ни минуты. Прибыв в полк, он увидел сидящего под сосной майора Коркина с забинтованной головой. Коркин чувствовал себя плохо, но все-таки нашел силы доложить о боевой обстановке.

— Прибыл вас заменить, а вы поедете в госпиталь, — категорически заявил Шалимов.

Коркин отказался передать командование полком. Шалимов доложил об этом комдиву по телефону. Подумав, Микушев сказал:

— Если Коркин может командовать, пусть остается, а вы возвращайтесь на КП.

И майор продолжал руководить боем полка.

С наступлением темноты, после трехдневных боев в окружении, выдержав все, к основным силам 139-го полка присоединился 1-й стрелковый батальон Верниковского.

Кончались третьи сутки войны. Кончались в основном на

тех же позициях, где был принят первый бой. Итоги суток подводились уже на новом командном пункте дивизии на высоте 344. Оценка была единодушной: положение дивизии устойчивое, но левый фланг оказывается под все большей угрозой.

Танковая контратака в районе Немирова успеха не принесла. Запланированное наступление 159-й дивизии сорвалось. Когда она готовилась к бою, гитлеровцы при поддержке танков и авиации сами вновь начали наступление. 159-я дивизия отходила на восток, и к 18 часам 24 июня положение ее было неясно.

Оперативная сводка штаба 6-й армии отмечала: «41-я стрелковая дивизия — Мосты Мале, Тенятыска, южная окраина Любыча-Крулевска, Дебы, Грушка, Межыглоде, Хорой, отметка 270... 97-я стрелковая дивизия под угрозой окружения отошла на рубеж Нагачув, Коханувка, р. Ретычин, Верховина. Левый фланг дивизии обеспечивает сводный батальон под командой Рихтира...»

Терпя неудачи на фронте 41-й дивизии, гитлеровцы решили усилить диверсионные действия, подорвать боеспособность защитников Равы-Русской. Возобновилась заброска диверсионных групп в форме милиционеров и красноармейцев. Борьбу с ними возглавили пограничники, старшие лейтенанты Шудра и Яблонский. В одном из костелов они захватили за передатчиком ксендза, сообщавшего гитлеровцам шпионские сведения. После короткой схватки пограничники уничтожили прятавшихся в подвале пятерых диверсантов с радиопередатчиком и большим запасом ракет.

Над всем районом боевых действий фашисты разбрасывали листовки с призывом сдать. Листовки утверждали, что «непобедимая германская армия разбила войска Красной Армии, заняла Минск, Львов, Киев, Одессу и другие советские города, успешно продвигается к Москве». Чтобы усилить психологическое воздействие на участников обороны Равы-Русской, со второго дня войны гитлеровцы установили перед фронтом дивизии мощные громкоговорители. Через них неслись призывы сдать не только личному составу дивизии, но и самому генерал-майору Микушеву.

Конечно, бойцы не поддавались вражеской пропаганде, но их моральное состояние было тяжелым. Почему так неутешительны сводки Совинформбюро? Они, бойцы 41-й, стоят на смерть и будут стоять до последнего, но почему к ним не идет помощь? Что может противопоставить дивизия многочисленным танкам и авиации противника?

Относительно тех вражеских радиопередач Н. В. Еремин пишет, что «по-видимому, еще в мирное время собрав данные о командире дивизии, гитлеровцы обращались по радио непосредственно к нему, называя его по званию и имени, предлагая капитулировать, расточая при этом целый ряд обещаний и заверений». Они, вспоминает Н. В. Еремин в другой раз, «плели всякую пропагандистскую чепуху, обещая золотые горы и реки, полные вина».

Ясно, что не от хорошей жизни гитлеровцы так налегали на пропаганду. «Даже враги,—отмечал Орест Мальцев в очерке «Герои одной стрелковой дивизии»,—вынуждены были признать, что столкнулись неожиданно для себя с таким противником, которого они не встречали нигде в другой, захваченной ими, стране. Энскую дивизию в своей радиосводке немецкое командование назвало «железной дивизией», которая не сдается, находясь даже, казалось бы, в безвыходном положении, а дерется до последнего человека».

Гитлеровские солдаты называли 41-ю «черной дивизией», несущей им смерть. Натолкнувшись на стойкое сопротивление, они не решались идти в атаки без артподготовки и танков, перед боем пытались придать себе смелость большими дозами шнапса.

А. С. Стецюра слышал, как на допросе пленные фашисты говорили:

— Мы надеялись границу перейти очень легко, но пришлось очень туго.

Одного пьяного гитлеровца захватили в плен бойцы роты С. И. Мазуренко. Пленный сразу же стал канючить: «Гитлер виноват, что мы стреляем по вашим солдатам, а вы по нашим». Пленный заявил также, что гитлеровские солдаты и офицеры боятся красноармейцев в рукопашном бою.

Подводя итоги 24 июня, Микушев решил и в дальнейшем, несмотря ни на что, придерживаться тактики активной обороны. А положение все более обострялось.

Особенно враг угрожал 139-му полку на левом фланге дивизии, но и на шоссе наблюдалось сосредоточение сил противника. Вечером линию фронта перешел житель из Любычи-Крулевской и рассказал о подходе немецких моторизованных частей. Все улицы и переулки села, дворы, сады и огороды были забиты боевой техникой. Значит, натиск на шоссе будет продолжаться. Кроме того, разведка наблюдала движение тяжелой артиллерии и других частей по направлению к Верхрате на участке 139-го полка, в командование которым после

ранения майора Коркина вступил начальник 1-го отделения штаба дивизии майор Соколов.

Микушев решил сорвать планы завтрашнего наступления гитлеровцев.

25
июня

Наступила ночь. Лагерь врага стих.

И вдруг на скопление гитлеровских мотострелковых частей в Любыче-Крулевской обрушился точный артиллерийский огонь. Он продолжался всего десять минут, однако враг понес такие потери, что оказался небоеспособным. Свежие моторизованные части пришлось теперь отвести в тыл.

Этого и хотел Микушев. Он без опасения снял с участка один батальон 244-го полка и под покровом темноты бросил его на юг, по направлению к Верхрате. На рассвете батальон ударил во фланг и тыл гитлеровцев, сосредоточившихся у Верхраты. Не успел враг опомниться, как в лоб ему ударили подразделения 139-го полка. Полная неожиданность удара парализовала фашистов. Красноармейцы уничтожили более батальона пехоты, два дивизиона тяжелой артиллерии и захватили много трофеев. Уцелевшие гитлеровцы в панике бежали. Батальон 244-го полка вернулся на свой прежний рубеж и подготовился к дневному бою. Однако потери гитлеровцев оказались настолько ощутимы, что днем 25 июня их наступление не возобновилось ни по шоссе, ни в районе Верхраты.

Были выиграны еще одни сутки, четвертые.

Тем временем положение на левом фланге ухудшалось. Днем 25 июня прервалась проводная связь с армией и корпусом. Посланные туда офицеры связи не возвратились. Никакой помощи не поступало. На поиски 97-й и 159-й дивизий выехал полковой комиссар Антонов и встретил разрозненные подразделения этих дивизий, отходившие к Рава-Русской. Это означало, что оборона соседей больше не существует и враг начинает окружать 41-ю дивизию с юга.

26
июня

Оперсводка штаба 6-й армии сообщала о состоянии на 10 часов утра 26 июня: «41-я стрелковая дивизия прикрывает Рава-Русское направление... 159-я стрелковая дивизия приводит себя в порядок в районе Добросин...»

В это время гитлеровцы уже наседали со всех сторон. Но,

не сумев сломить оборону 41-й дивизии на главном оборонительном рубеже, основные усилия они сосредоточили на юге, в районе прорыва. Они отбросили остатки разрозненных подразделений 159-й дивизии и превосходящими силами обрушились на левофланговый 139-й полк.

В 12 часов дня генерал Микушев послал своего заместителя полковника Шалимова найти штаб армии, доложить обстановку на фронте дивизии и получить приказ на дальнейшие действия.

Во второй половине дня противник оттеснил 139-й полк вдоль железной дороги Любачув—Рава-Русская, захватил поселок Потылич на дороге Немиров—Рава-Русская и поставил 139-й полк под угрозу окружения. Развивая наступление, враг двинулся на Клебаны, расположенные в четырех километрах южнее Равы-Русской и всего в трех километрах от командного пункта дивизии на высоте 344. Вражеская артиллерия начала обстрел города, вспыхнули пожары.

В этой обстановке Микушев утвердил решение командира 139-го полка майора Соколова об отводе полка на оборонительный рубеж под городом. Полк был спасен от окружения, и общий рубеж обороны сохранен.

Вечером бой завязался на окраине города. Одновременно фашисты открыли огонь по командному пункту дивизии. Микушев решил срочно перенести КП в лес у деревни Пистуны, примерно в пяти километрах восточнее города.

Сгушались сумерки, Микушев нервничал. Ему было ясно, что, несмотря на прочное положение 102-го и 244-го полков, обстановка безнадежна. С минуты на минуту противник мог перерезать шоссе и железную дорогу, ведущие на Львов, и лишит дивизию последнего пути отхода. Проводная связь между новым командным пунктом и главным рубежом отсутствовала, с соседями — тоже. Но если Микушеву было, по крайней мере, ясно, что левый фланг дивизии не обеспечивается, то о 3-й кавалерийской дивизии, действовавшей на правом фланге, все эти дни генерал не знал фактически ничего.

Оставалось надеяться только на полковника Шалимова, уехавшего искать штаб армии. Но ведь Шалимов не знает о переносе командного пункта к Пистунам! Он вернется на высоту 344, а там, вероятно, уже враг. Чтобы предупредить Шалимова, на шоссе были посланы маяки.

Издерганные, напряженные, Микушев и Еремин стояли у бронемашин рядом с палаткой комдива. Зная твердый ха-

рактер генерала, Еремин все-таки предложил ему немедленно начать отвод дивизии.

— Отходить без приказа? Нет, не могу, — отрезал Микушев. И он был прав.

— А ставить дивизию под угрозу окружения и уничтожения разве мы можем? — резонно возразил Еремин. И он тоже был прав.

В этот момент из темноты появился полковник Шалимов и доложил о приказе командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Музыченко начать немедленный отход по Львовскому шоссе. Вместе с тем полковник Шалимов привез предписание об откомандировании его к месту нового назначения.

А остатки 97-й дивизии все отступали. Некоторые бойцы и командиры, попав в окружение, дрались до последнего патрона и, чтобы не сдаваться в плен, покончили с собой. Связь между штабом армии и 159-й дивизией потерялась. Где ее части и есть ли они — никто не знал. Как стало ясно позднее, к этому времени 159-я дивизия уже не существовала как боеспособное соединение.

Дорога́ была каждая минута. Генерал Микушев и полковник Еремин срочно подготовили боевые распоряжения полкам об отходе. Не успели старшие лейтенанты Старжинский и Грабак отправиться с предписаниями в полки, как на расположение командного пункта обрушился автоматный огонь. Трассирующие пули пересекали поляну и молодой лес со всех сторон. Быстро оценив обстановку и заметив, откуда ведется огонь, полковник Еремин с криком «Вперед, в атаку, ура!» первым бросился на врага. За ним последовали офицеры штаба, многочисленные связисты, разведчики и саперы. Вражеские автоматчики-диверсанты разбежались. Офицеры связи на бронемашине отправились в полки.

Генерал Микушев и полковой комиссар Антонов после нападения диверсантов на командный пункт отправились в Раву-Русскую, чтобы сколотить группу прорыва из всех, кого можно было собрать. В состав группы Микушев включил и 150 бойцов соседних соединений, которые потеряли свои части. Эти бойцы выстроились на улице под командой одного из офицеров штаба.

— Всем до единого идти на прорыв! — приказал Микушев. — Выйти или умереть!

Тут внимание красноармейцев привлекли появившиеся на улице люди. Это тащили двух переодетых диверсантов-парашютистов.

Гитлеровцы-фанатики отказались отвечать на вопросы. Они твердили, что верны Гитлеру, что положение русских безнадежно и никто из кольца не выйдет.

Эти выкрики были встречены красноармейцами, верными присяге, в суровом молчании. Только на троих из выстроенной команды слова фашистов произвели впечатление. Эти трое бросили винтовки и с воем наотрез отказались выполнять приказ генерала.

Тогда генерал-майор Микушев приказал поставить изменников рядом с гитлеровскими диверсантами. Их расстреляли.

Это произвело на бойцов огромное впечатление. Они, привыкшие всегда и во всем верить своему командиру, увидели, что Микушев приравнивал изменников к врагу и назначил всем одинаковую кару.

Через город двинулись поредевшие части дивизии. Они отходили к Добросину. Но отходили не все. Для прикрытия дивизии остались гарнизоны дотов и пограничники. Таков был приказ.

Находившийся все время на главном оборонительном рубеже Д. И. Рудь ныне вспоминает: «Я знал, что в дотах есть живые люди, а когда мы отошли на шестой день утром, то, по моему мнению, они остались наверняка в дотах».

Да, они остались. Остались, чтобы задержать врага, спасти других и умереть самим. Доты, хотя и не оборудованные до конца, были сделаны прочно. Шаровая установка амбразурных коробов выдерживала прямые попадания снарядов. Доты держались, хотя по их амбразурам гитлеровцы стреляли прямой наводкой, применяли огнеметные танки.

О судьбе последних защитников Рава-Русского укрепрайона двадцать пять лет ничего не было известно. Только 21 июня 1966 года, в канун 25-летия начала Отечественной войны, в газете «Правда» была опубликована статья подполковника А. Крупенникова «Герои приграничных боев», рассказавшая о подвигах бойцов нескольких укрепрайонов. И в ней, в частности, на основании отчетной карты главного командования сухопутных войск гитлеровской Германии сказано, что гарнизоны дотов и пограничники вели бои до 30 июня, еще четыре дня после отхода 41-й дивизии. Их действия сковали 296-ю пехотную дивизию противника.

Оперсводка штаба 6-й армии на 7 часов утра 27 июня: «41-я стрелковая дивизия... после отхода с рубежа Рава-Рус-

ская с утра занимает рубеж Бесяды, Добросин. Противник при отходе частей 41-й стрелковой дивизии и 3-й кавалерийской дивизии на новые оборонительные рубежи активности не проявил. Части 3-й кавалерийской дивизии отошли без боя».

Дивизия Микушева отошла непобежденной и в полном порядке. Она с честью выполнила боевую задачу. Выполнила дорогой ценой. На полях боев осталась половина бойцов дивизии. Каждый из них дорого отдал свою жизнь. Из пяти наступавших на укрепрайон гитлеровских дивизий три понесли тяжелые потери и одна утратила боеспособность. В последние дни обороны дивизия Микушева, кроме пехотных соединений врага, сдерживала натиск передовых частей 14-го моторизованного корпуса в составе 5-й танковой дивизии СС «Викинг», 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 9-й танковой дивизии, нанеся им серьезный урон.

Но 41-я дивизия, ведя активную оборону на важном направлении, причинила врагу не только огромный урон в живой силе и технике. Она сорвала все тщательно выверенные сроки гитлеровского наступления на Львов и Киев. Вместо 22 июня фашисты вошли в Раву-Русскую только 27 июня.

Под Равой-Русской поблек миф о непобедимости тех самых соединений врага, которые в течение двух лет маршировали по Франции, Польше, Бельгии, Балканам, Чехословакии. Дивизия Микушева подорвала престиж генералов вермахта. Характерно, что даже через десятилетия они не сказали правду о событиях под Равой-Русской.

Тем не менее их заявления довольно любопытны. Вот высказывания гитлеровских генералов, опубликованные вскоре после войны.

Генерал-лейтенант фон Типпельскирх: «17-я армия уже после первоначальных успехов у границ западнее рубежа Львов, Рава-Русская встретила сильного противника, оборонявшегося на хорошо укрепленных позициях...»

Генерал-майор Бутлар: «После ожесточенных боев, длившихся несколько дней, немцам удалось прорвать сильно укрепленную оборону противника западнее линии Львов, Рава-Русская и, форсировав реку Стырь, оттеснить оказывавшие упорное сопротивление и постоянно переходящие в контратаки войска противника на восток...»

Бывший командир 97-й легкой пехотной дивизии генерал-майор Фреттер-Пико в своих воспоминаниях утверждает, что только действия этой дивизии в районе Магерова создали угрозу окружения Равы-Русской. Но вместе с тем он ссылается

на заявление командующего 4-м армейским корпусом генерала Шведлера о том, что соединения корпуса так и не смогли добиться успеха непосредственно в районе Равы-Русской.

Как видим, западногерманские военные историки сходятся в одном: сопротивление было упорным, советские войска, в частности под Равой-Русской, вели активную оборону, переходили в контратаки. Но в остальном исследователи противоречат один другому. Типпельскирх утверждает, что оборона была взломана сразу же. Мы знаем, что под Равой-Русской это «сразу же» растянулось на пять суток. Бутлар оценивает события иначе. Да, признает он, бои на оборонительном рубеже длились несколько дней, но только потому, что русские имели большие силы, подготовленные позиции и много танков. Мы же видели, что 41-я дивизия уступала противнику по численности более чем в пять раз, располагала только двумя полностью оборудованными дотами и несколькими разведывательными танкетками.

Но численному и техническому превосходству гитлеровцев дивизия Микушева противопоставила массовый героизм, верность Родине, отличную боевую выучку.

Генерал Микушев достойно выдержал главный экзамен своей жизни.

«Чем сильнее и опаснее были удары противника, — вспоминает А. И. Бондаренко, — тем старательнее выискивал Микушев возможности для контратаки... Он глубоко и всесторонне изучал положение противника... Микушев часто бывал в подразделениях, в батальонах, в полках, а в минуты затишья занимался солдатскими делами. Он узнавал у солдат, питались ли они сегодня, была ли пища горячей и вкусной, имеется ли достаточно боеприпасов».

«Бои были трудные, кровопролитные, — развивает эту мысль В. И. Срыбник, — и поэтому генерал много времени находился в боевых порядках. Там его и называли железным комдивом. Назвали за несгибаемую волю, военный талант, бесстрашие. На его лице никогда нельзя было увидеть ни малейшей тени страха или смятения. Он был бесстрашным командиром».

Генерал Микушев стал поистине легендарным еще при жизни. Среди бойцов, — замечает А. Н. Шагов, — ходили рассказы о героизме Микушева. Эти рассказы передавались из уст в уста, из подразделения в подразделение, обрастая все новыми подробностями подвигов железного комдива.

В ходе боев четко действовали все звенья аппарата дивизи-

зии. На высоте положения оказался штаб дивизии, руководимый полковником Н. В. Ереминым. «Разработанные Ереминым планы боевых действий дивизии, — говорит бывший помощник начальника первого отделения штаба дивизии А. Л. Кизима, — были глубоко продуманными и ясными для исполнителей, выполнимыми в любых условиях военной обстановки». Конечно, Кизима умолчал о том, что сам он тоже показал себя отважным офицером. А ведь 6 июля 1941 года о его подвиге при выполнении боевого задания писала газета «Красная Звезда». Газета сообщала, что Кизима под вражеским огнем доставил боевой приказ к резерву.

Слаженно работал партийно-политический аппарат дивизии во главе с полковым комиссаром А. М. Антоновым. Политработники все время находились на переднем крае, воодушевляя бойцов не только словом, но и личным примером. Так, полковой комиссар лично водил подразделения в контратаки. Отправившись узнать о положении левофланговой соседней дивизии, он повел отступавший полк этого соединения в контратаку. Не щадили себя политработники дивизии Т. А. Кляцкий, П. И. Мироненко, П. И. Богданов, В. И. Гаркуша и другие.

Хорошо действовали службы медико-санитарная, военнотехнического и продовольственно-фуражного снабжения. Недостаток транспорта был возмещен умелым его использованием. Недостатка в горючем и смазочных материалах не ощущалось. Сложнее было с боеприпасами. Склады в районе Рава-Русской быстро опустели. Другой ближайший склад находился в 24 километрах от передовой. Машины туда пройти не могли — диверсионные группы фашистов то и дело появлялись на дороге, подвергая обстрелу транспорт.

Но бойцы не растерялись. Они стали подвозить боеприпасы на тракторе с бронированной кабиной. В кабине тракториста был установлен на турели танковый пулемет и сидевший рядом с водителем боец во время движения прочесывал кустарники и опушки леса, откуда стреляли вражеские автоматчики.

Не перечить подвиги, совершенные бойцами дивизии Микушева за дни обороны Рава-Русского укрепрайона. Вот лишь несколько слов о некоторых из них.

В противотанковом орудийном расчете младшего сержанта Гончарова остался в строю лишь сам командир орудия. В это время на оборонявшихся двинулись шесть танков противника. Сделав только шесть выстрелов, Гончаров подбил все танки.

Красноармеец Чернов охранял склад с боеприпасами, когда на окраине села появился враг. Чернов установил два пулемета и сдерживал целую роту гитлеровцев до тех пор, пока все боеприпасы не были переправлены в безопасное место.

Группа фашистских диверсантов, переодетых в советскую военную форму, обманом заставила подойти возвращавшегося из разведки красноармейца Моисеенко. Разгадав хитрость, боец первым кинулся на врага, заколол трех фашистов и двух взял в плен.

Высокую оценку действиям «железной дивизии» Микушева в первые дни войны дает Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян: «Части 41-й дивизии совместно с гарнизоном Раву-Русского укрепленного района упорной обороной и непрерывными контратаками надолго сковали врага, причем генерал Микушев с первых же дней войны проявил исключительную личную храбрость, появляясь в нужную минуту там, где складывалось критическое положение. Дивизия Микушева отошла лишь по приказу, когда она оказалась обойденной с флангов и отрезанной».

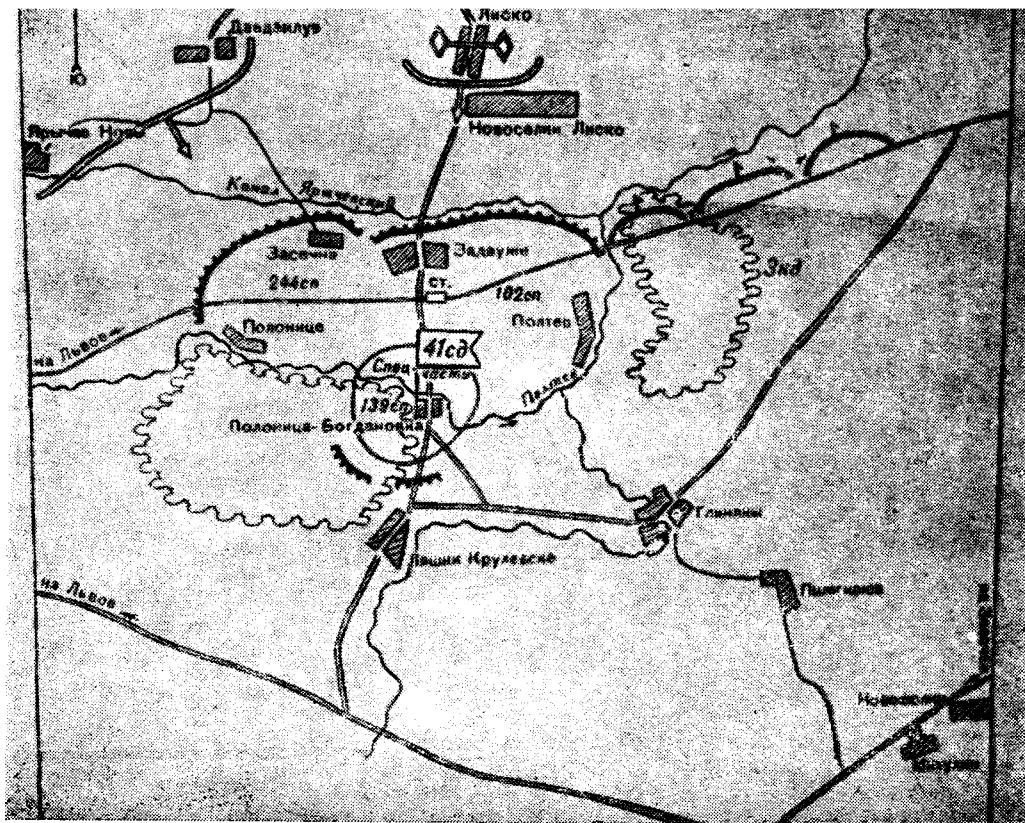
ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

Итак, 41-я стрелковая дивизия покинула Раву-Русскую 27 июня. Успех гитлеровской группировкой был достигнут за счет прорывов на стыке укрепленных районов и на Ровенском направлении. Захватив Ровно, враг создал угрозу глубокого охвата главных сил Юго-Западного фронта с севера. В этой обстановке Ставка Главного Командования разрешила отвести войска фронта со Львовского выступа на старую государственную границу по линии Коростень, Новоград-Волинский, Проскуров. 30 июня, на неделю позднее намеченного срока, гитлеровцы заняли Львов.

Но 27 июня приказ об обороне Львова еще находился в силе и, выполняя его, дивизия Микушева продолжала бои на Львовском направлении.

27, 28, 29 июня... Жолква, Куликув, Ярычев Новы... Шестой, седьмой, восьмой день непрерывных боев... Дивизия не получает никаких подкреплений. Более того, из-под командования Микушева выводится приданный дивизии ранее 209-й корпусной артиллерийский полк.

В полдень 30 июня в дивизию прибыл офицер связи из штаба 6-го корпуса и передал приказ на оборону в районе

Положение частей 41-й стрелковой дивизии к исходу 30 июня 1941 г.

Задвуже, в 25 километрах восточнее Львова. Назывался рубеж обороны: Новоселки Лиско, Засечна, Полонице. Указывалось, что справа будет обороняться 3-я кавалерийская дивизия, слева — 97-я стрелковая дивизия. И все. О положении в районе Львова не говорилось ничего.

Генерал Микушев в точности выполнил приказ.

С утра 1 июля гитлеровцы начали наступление на всем фронте 41-й дивизии. Атаки были отбиты. Но почему так тихо на флангах? Неужели противник ведет наступление только в районе Задвуже?

Посланный для связи к правому соседу офицер через несколько часов вернулся. Оказалось, что на правом фланге никого нет! 3-я кавалерийская дивизия еще ночью снялась с позиций и ушла в неизвестном направлении, даже не предупредив штаб 41-й дивизии!

Не лучше оказалось и положение на левом фланге. Посланный ночью в штаб корпуса офицер связи вернулся с самыми тяжелыми вестями. Хотя штаб корпуса должен был находиться в районе Туркоцин, его на месте не оказалось. Не было на левом фланге и 97-й дивизии. Там, где должен был проходить рубеж обороны этой дивизии, отступали отдельные группы бойцов различных частей. Никто из встретившихся бойцов не знал, где проходит линия фронта.

В этих трагических условиях Микушев решил продолжать оборону. Вынужденно ослабив главный рубеж, он выдвинул для прикрытия правого фланга 139-й полк. На обеспечение левого фланга сил уже не оставалось. Здесь можно было надеяться только на лесисто-болотистую местность. В крайнем случае, рубеж на левом фланге могли занять потрепанные специальные части, выйдя из Полоницы-Богдановки.

139-й полк и штаб дивизии двинулись на новый рубеж в районе Митулин, Новоселки. Но стоило им подойти к шоссе Львов — Золочев, как с северо-востока обрушился артиллерийский огонь. С востока, со стороны Золочева, показались мотоциклисты противника. Из засады по колонне ударила противотанковая пушка.

В эти минуты обстановка прояснилась. И не в лучшую сторону. Стало очевидным, что дивизию окружают и вслед за передовыми частями вот-вот появятся главные силы гитлеровцев. Разведка подтвердила опасения. В тылу дивизии, в районе Золочева, двигались немецкие танки, бронемашины и мотопехота.

Генерал Микушев, указав место штабу, остался в 139-м

полку, чтобы в случае необходимости лично организовать оборону, и выслал в Задвуже офицеров связи с приказом на отход.

Вечерело. Уже в сумерках Микушев вернулся в штаб. Он был озабочен. Увы, Еремин и Антонов не могли сообщить ему ничего утешительного. Связи со штабами корпуса и армии по-прежнему нет. Это во-первых. Во-вторых, вечером было передано по радио сообщение Совинформбюро о том, что сегодня, 1 июля, осуществляя планомерный отход, согласно приказу, советские войска оставили Львов.

Микушев с горечью обратился к Антонову и Еремину:

— Какая ирония судьбы! Мы с начала войны ведем бои на Львовском направлении и находимся в каких-нибудь 25 километрах от Львова, но не знаем, что город уже захвачен противником. И печальнее всего то, что узнали об этом не от своего непосредственного командования, а из сводки Совинформбюро. В чем дело? Отчего такая неразбериха в управлении войсками?

Волнуясь, Микушев в который уже раз вытащил неизменный «Казбек» и продолжал:

— Мы понесли очень тяжелые потери. Однако, как пограничные войска прикрытия, худо ли, хорошо ли, а свое дело сделали. Люди мужественно выстояли против первых ударов врага. Наши потери, а вместе с ними и трудности, продолжают расти с каждым часом. И все же не это тревожит меня. Главное для нас сейчас — знать, что надо делать дальше...

— Я считаю, — с обычной для него горячностью заявил полковой комиссар Антонов, — что в создавшейся обстановке части дивизии должны немедленно оторваться от противника и отходить к своим войскам. Одни мы здесь фронта не удержим. Ведь не только на флангах, но, по-видимому, и в тылу у нас уже гуляет противник. А что войска начали не частный, а общий отход на Львовском направлении, видно из вечернего сообщения Совинформбюро. Заметьте, в нем недаром говорится, что наши войска не как-нибудь, а согласно приказу, осуществляя планомерный отход, оставили Львов...

Комиссара поддержал начальник штаба Еремин:

— В Золочеве противник. Поэтому нам нужно отходить не на восток, а на юго-восток в общем направлении на Зборов. Поскольку связь с частями поддерживается лишь подвижными средствами, то самым верным действием с нашей стороны будет отправиться непосредственно в части, и чем скорее, тем лучше.

Выслушав Антонова и Еремина, генерал твердо сказал:

— Что ж, товарищи, ваши соображения и предложения считаю вполне разумными и приемлемыми. Так и будем действовать. Мы с Антоновым поедem в полки. С собой возьмем несколько офицеров. Штабу с дивизионными спецчастями, не задерживаясь здесь, выступить и двигаться на Жуков, Поможаны в общем направлении на Зборов, куда будут направляться остальные части дивизии.

В заключение Микушев еще раз напомнил Еремину о необходимости продолжать усилия по установлению связи с корпусом и армией.

Генерал и полковой комиссар отправились в полки, действовавшие на главном рубеже.

Тем временем со стороны Львовского шоссе, обогнув лесисто-болотистую местность, в районе Ляшки Крулевске появились мотоциклисты противника, пехота и артиллерия. Двигались они в северном направлении. Этим маневром гитлеровские войска завершали окружение дивизии.

Было ясно, что дивизия попала в чрезвычайное положение. Как никогда, все решали минуты. Хотя обычно враг и не предпринимал активных ночных действий, надеяться сейчас на его пассивность не приходилось. За ночь он мог окружить дивизию кольцом намного превосходящих сил и тогда... оставалось только погибнуть. Значит, надо прорвать окружение сейчас же, в ночные часы.

Прибыв в район Задвуже, Микушев обратился к бойцам с самой короткой за все время командования речью:

— Друзья! Сосредоточим все силы и вырвемcя из кольца, будем драться до последней капли крови во имя нашей Родины. Не посраим нашу дивизию!

Поздно вечером части прикрытия завязали бой с противником у Ляшки Крулевске. Надеясь на них, 244-й и 102-й полки покинули позиции и двинулись к Глинянам. Противник пытался задержать их отход активными действиями на главном рубеже. Едва основные части дивизии сосредоточились в Глинянах, как в Пшегнуове, что в трех километрах от Глинян, преграждая путь отхода, появились вражеские автоматчики. Еще немного, и враг мог отрезать от главных сил находящийся правее 139-й полк. Части дивизии с ходу отбили нападение и вышли на шоссе.

Незадолго до этого танки и бронемшины противника смяли прикрытие 139-го полка, выдвинутое ранее на шоссе. Пришлось вступить в ночной бой, чтобы не дать противнику окон-

чательно оседлать шоссе, обеспечить отход всех частей и подразделений.

Лишь 2 июля дивизия оторвалась от преследования врага и начала отступление. Это были тягостные, горькие дни. Порою потрепанные и перемешанные подразделения теряли управление и отступали самостоятельно. Их надо было своевременно найти и привести в порядок. Хотя дивизия располагала своим транспортом и машинами, отставшими от других частей, основная масса бойцов двигалась в пешем порядке. Вместе с нею отступали разрозненные подразделения, мелкие группы и одиночные бойцы других соединений. Они примкнули к полкам 41-й дивизии, сохранившим твердое управление, железную дисциплину и порядок. И без того озабоченные командиры подразделений дивизии сначала не обращали внимания на бойцов других частей. Тогда генерал Микушев отдал приказ собирать всех, кого можно собрать, вливать в состав дивизии всех, кто верен присяге. Ни один советский воин не должен оставаться в тылу врага, чтобы погибнуть или попасть в плен! Его место — в общем строю!

Только в районе Проскурова (ныне Хмельницкий) генерал Микушев узнал о действиях 6-го стрелкового корпуса. В дивизию прибыл начальник разведывательного отдела штаба корпуса майор З. С. Альшиц. Но ничего утешительного он сказать не мог. Штаб корпуса едва избежал окружения под Львовом и надолго потерял связь со штабом армии. Лишь постепенно ему удалось установить связь со своими войсками. Оказалось, что остатки 97-й и 159-й дивизий отходили отдельными разрозненными группами и были небоеспособны. Относительно 41-й дивизии в штабе корпуса думали, что она окружена, а ее остатки рассеяны и пленены. Майор Альшиц был удивлен, увидев дивизию Микушева хотя и поредевшей, но вполне стойкой и боеспособной. После отъезда Альшица связь с корпусом снова оборвалась.

Какими качествами должен обладать командир, чтобы в этих условиях спасти дивизию! Тут мало чувства ответственности и верности долгу. Надо еще обладать военным и организаторским талантом, опытом, личным мужеством, умением в любую минуту видеть и предвидеть все, бесконечно верить в людей и располагать их ответным доверием.

Генерал Микушев смело полагался на штаб и политотдел, зная, что Антонов и Еремин решат любую боевую задачу так же, как выполнил бы ее он сам.

Комдив стремился быть непосредственно в боевых поряд-

ках, считая, что только там он может увидеть незаметные для других условия для развития успеха или укрепления обороны.

Стремление генерала чаще бывать на передовой вызывало даже тревогу. Порою Антонов и Еремин вынуждены были вмешиваться и советовали генералу учитывать опасность пребывания на переднем крае. Микушев принимал советы, но вскоре «забывал» их. Впрочем, и на командных пунктах безопасность не гарантировалась. Быстро меняющаяся обстановка то и дело ставила КП дивизии под удар прорвавшихся частей противника.

Несколько раз боевое прикрытие командного пункта обеспечивали подразделения 244-го стрелкового полка. И почти всегда им приходилось отбивать атаки врага в непосредственной близости от командного пункта. При отходе из Равы-Русской, например, батарея 76-миллиметровых пушек Д. И. Рудя прямой наводкой подавила неподалеку от командного пункта четыре пулеметные точки и уничтожила бронетранспортер. В другой раз к штабу дивизии неожиданно прорвалась группа мотоциклистов. За считанные минуты комдив организовал оборону силами штабных офицеров и лично руководил отражением атаки. Враг наседал в течение нескольких часов. Были моменты, когда генерал Микушев, как рядовой боец, лежал в цепи и стрелял по мотоциклистам из винтовки. Штаб держал оборону до подхода резервного подразделения 139-го стрелкового полка.

На подступах к Тернополю штаб дивизии расположился у железнодорожной линии. Неожиданно в небе появился разведывательный немецкий самолет «Фокке-Вульф» и вскоре на штаб налетели бомбардировщики.

Грянули разрывы. Окутанные дымом и пылью, взлетели в воздух деревья. Возле разбитой радиостанции упал убитый штабной офицер. Связь с частями, ведущими бой, прервалась. В эту минуту залегшие офицеры штаба увидели Микушева. Он, как ни в чем не бывало, стоял у дерева. Потом поднял с земли накидку, сбитую ударом взрывной волны, и спокойно распорядился:

— Во-первых, навести порядок на КП. Все отделы и подразделения, которые непосредственно не принимают участия в руководстве войсками, все лишние машины и грузы отправить в тыл дивизии. КП остается на месте. Здесь, в лесу, быстро соорудить блиндажи, вырыть окопы, замаскировать машины и немедленно восстановить связь.

И, словно подводя черту под неожиданным эпизодом, доба-

вил, что командный пункт и штаб дивизии при любых условиях должны быть образцом организованности и порядка.

Порою дивизия шла по тылам прорвавшегося врага. То с одним, то с другим полком терялась связь. С потерей связи генерал никогда не мирился. Дивизия, говорил он, должна выйти к своим только в полном составе. Все командиры частей и подразделений имели приказ немедленно идти на выручку соседа, если он попал в беду.

Слева направо: начальник политотдела 41-й стрелковой дивизии Н. А. Катасонов, комиссар дивизии А. М. Антонов, командир дивизии Г. Н. Микушев (июль 1941 г.).

Но порой враг отсекал ту или иную часть настолько быстро, что она не успевала дать о себе знать. В таких случаях Микушев принимал все меры для поисков пропавшего полка. Он при помощи офицеров связи уточнял обстановку, устанавливал наиболее уязвимые места во вражеском кольце и с ближними подразделениями шел на выручку. Так, в один из дней отступления превосходящим силам врага удалось окружить 102-й полк подполковника Чумарина. Все усилия отважного Чумарина к успеху не привели. Разгром полка казался неизбежным. Но Микушев и здесь нашел выход. Он лично руководил

боем, бросив на выручку одно из подразделений. Полк с незначительными потерями прорвал кольцо и присоединился к дивизии.

«Скромность генерала в период отступления подкупала весь личный состав дивизии, — пишет А. Л. Кизима. — Его можно было видеть шагающим по пыльной дороге рядом с бойцами арьергарда, у солдатской кухни вместе с другими хлебающего из котелка похлебку, на привале исправляющего пулемет, или помогающего вытащить застрявшую пушку. Когда он спал — сказать трудно. Ему достаточно было вздремнуть два-три часа, и он снова целые сутки был на своем командирском посту».

Уже на подходе к Белой Церкви с машиной генерала правнялась рота С. И. Мазуренко из 244-го полка.

Микушев устало сидел позади шофера и ел копченую рыбу. Охраны с ним не было. Увидев бойцов, он подозвал командира. Мазуренко смутился. Он думал, отступление сказалось на характере генерала и сейчас последует «разгон». Но генерал выглядел, как всегда, спокойным и сосредоточенным, уверенным в себе и бойцах. Он спросил Мазуренко, известен ли роте маршрут отхода. Этот вопрос не был случайным. В те дни Микушев особенно добивался, чтобы каждое подразделение, каждый боец могли действовать самостоятельно и в случае необходимости продолжали бы отход вне состава соединения, но по заданному маршруту.

Мазуренко откровенно признался, что маршрута он не знает. Комдив развернул карту и подробно перечислил населенные пункты на пути отхода.

К машине генерала подошли несколько бойцов. Наступило молчание. Микушев внимательно смотрел на усталых красноармейцев, а они — на него.

— Ничего, ребята. Мы еще немного отступим. Силы гитлеровцев большие, и сейчас мы не устоим. Но придет время — и гитлеровские бандиты испытают на своей шкуре силу советского оружия. Он свое еще получит.

«Эти слова, — пишет мне С. И. Мазуренко, — солдаты запомнили. Слова генерала подняли дух, настроение солдат и командиров, усилили уверенность в победе. Я часто потом слышал от них:

— Ничего, ничего, мы еще немного отступим, но Он свое получит».

На пути отхода Микушев принимал в дивизию добровольцев из местных жителей, не хотевших оставаться под властью

врага. Он использовал малейшую возможность, чтобы эвакуировать на восток промышленные предприятия. Так, для эвакуации предприятий, для помощи местным военкоматам в мобилизации Микушев отправил в район Житомира группу штабных работников и специальных уполномоченных.

Тогда в рядах дивизии уже находился писатель Орест Мальцев. Предоставим ему слово и он расскажет, как попал в 41-ю. Но прежде напомним, что Мальцев работал в газете 6-й армии. Уже не в первый раз ему приходилось надевать военную форму. Еще в 1924 году, окончив 2-ю Московскую пехотную школу, он командовал разведывательным взводом 9-го стрелкового полка в Восточной Бухаре, когда там шла борьба с басмачами. Работая в газете 6-й армии, Мальцев по заданию начальника политотдела армии К. В. Герасименко начал писать книгу об освобождении Западной Украины. Война застала Мальцева в Москве. Он сразу же помчался во Львов, к месту службы.

«Штаб армии, — вспоминает О. М. Мальцев, — я застал уже в Тернополе. Дорога из Львова была запружена отступающими частями. В направлении Львова я продвигался сначала пешком, потом на пустом грузовике. Шоссе бомбили, оно все более пустело, под Львовом было уже совсем безлюдным, город казался вымершим, горел. И по оставленному Львову мчится грузовик... На «вилле Мария» я быстро взял то, за чем, собственно говоря, ехал: шинель, документы, полевую сумку, рукопись своей книги, пишущую машинку и чемодан с вещами. Все остальное и свою автомашину оставил. Обрато ехал с полным кузовом людей: вскочили те, кто не успел уйти. Чудом добрались до Тернополя.

Ночью город бомбили. Автомашину, стоявшую перед домиком, где я с политруком ночевал, разбило. А вечером этот политрук настаивал, чтобы мы остались на ночь в машине. Поблагодарив судьбу, мы шли с ним в штаб армии, помещавшийся в подвалах казарм под обрывом, и вдруг видим — со двора выскакивают грузовики, мчатся. Отход! Мы едва успеваем взобраться на один из грузовиков. Со мной пишущая машинка и полевая сумка. Чемодан с рукописью так и остался в домике поляка.

В поле на шоссе нас вновь бомбят. Пробки. Ожидания. Сойдя с грузовика и оставив в нем пишущую машинку, мы с политруком уходим вперед, рассчитывая, что позже подсядем на машину. Но в сумбуре отхода мы этого грузовика больше не видели. Таким образом, при мне только полевая сумка со-

хранилась. Вот в этой-то обстановке Герасименко и направил меня в 41-ю дивизию. Дальнейший отход я проделывал уже с дивизией в качестве работника дивизионной газеты. Но газета почти не выходила, и я в основном занимался тем, что записывал рассказы бойцов и офицеров о первых днях войны».

В творческом отношении Оресту Мальцеву повезло. Оборона Рава-Русского укрепрайона давала богатейший материал для очерков. Писателю ничего не приходилось додумывать, домысливать. Он встречался непосредственно с героями боев, запоминал мельчайшие детали. Сейчас такой материал собрать уже невозможно. Большинства из тех, с кем беседовал Мальцев, теперь нет в живых. Они погибли. Погибли, быть может, на следующий день после беседы.

Так возникли рассказы о подвигах пограничников, о разведчике Василии Калашникове, минометчике Григории Байде, батальонном комиссаре Михаиле Власовце, штабных офицерах Старжинском и Грабаке, танкисте Кротюке, экипажах броневиков Ларионова и Боровикова, артиллеристах Пучеве, Подольном и Поприенко, связистах Ильине и Малахотько, рядовом красноармейце Моисеенко, пулеметчике Чернове и многих других героях, о генерале Микушеве, полковнике Еремине, полковом комиссаре Антонове. Но лишь через полтора месяца в «Новом мире» появился очерк Мальцева (Ровинского) о мужестве и стойкости воинов 41-й дивизии.

А пока тянулись дороги отступления.

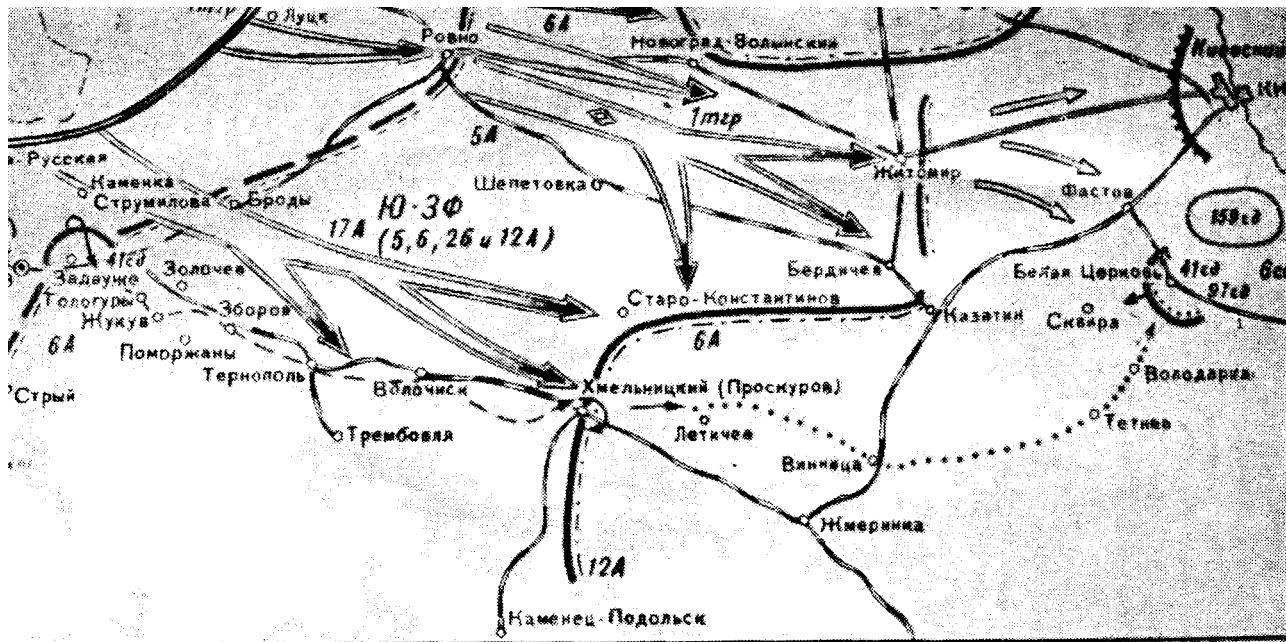

Поздним вечером 12 июля дивизия Микушева подошла к Белой Церкви. Встретившийся офицер сказал, что под городом врага нет, где-то здесь должны располагаться отошедшие части, а западнее Киева находится полевой пункт штаба Юго-Западного фронта.

Хотя эти сведения и не отличались точностью, все с облегчением вздохнули.

Тяжкий отход позади. Вышли! Выстояли!

Одна за другой под городом сосредоточивались части соединения. Около трех тысяч бойцов, более двадцати орудий разных калибров, стрелковое вооружение, автотранспорт... Мало, конечно... Меньше третьей части того, что было в первый день войны. Но самое главное — дивизия сохранила боеспособность, вышла из окружения в составе всех своих частей и подразделений!

Условные обозначения

Положение войск Юго-Западного фронта к исходу 30 июня 1941г.

Положение войск Юго-Западного фронта 9 июля 1941г.

Положение соединения 6А 14 июля 1941г.

Отход 41сд на линии фронта

Маршрут движения 41сд к Белой

Масштаб

Положение войск Юго-Западного фронта в июне — первой половине июля 1941 г.

Микушев решил не вводить дивизию в город ночью. Она вошла в Белую Церковь 13 июля утром. Город был тих, безлюден, сильно разрушен вражеской авиацией.

Не теряя времени, генерал направил полковника Еремина для установления связи со штабом фронта. Вместе с ним решил ехать полковой комиссар Антонов. Генерал одобрил его инициативу.

Утром 15 июля Еремин и Антонов нашли дом, где располагался полевой пункт управления штаба фронта и у входа столкнулись с вышедшим из дома командующим фронтом генерал-полковником М. П. Кирпоносом. Еремин представился:

— Товарищ командующий! Начальник штаба 41-й стрелковой дивизии полковник Еремин. По поручению командира дивизии прибыл для доклада о положении и состоянии дивизии.

— 41-я стрелковая дивизия генерал-майора Микушева из Равы-Русской? — с участием и удивлением переспросил командующий. — Ведь мы уже потеряли надежду на то, что вы еще существуете.

Узнав о дивизии подробней, командующий заметил:

— Да вы еще молодцы, хотя вам здорово досталось...

Из бесед с начальником оперативного отдела фронта И. Х. Баграмяном и начальником штаба фронта М. А. Пуркаевым Еремин и Антонов выяснили, наконец-то, общее положение на Юго-Западном фронте.

После ожесточенных боев противник в конце июня — начале июля прорвал оборону советских войск и захватил Новоград-Волынский, Житомир и Бердичев. 10 июля противник вышел к реке Ирпень в 15 километрах от Киева.

Началась Киевская оборонительная операция наших войск. Главнокомандующий войск Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. М. Буденный приказал войскам 5-й и 6-й армий контрударами ликвидировать прорыв и уничтожить вражескую группировку под Киевом. Хотя контрудары не увенчались полным успехом, они отвлекли значительную часть гитлеровских сил от дальнейшего продвижения к Киеву. Благодаря этому малочисленные защитники Киева устояли.

В ночь на 13 июля противник нанес удар в районе Белгородки, но снова потерпел неудачу. Тогда гитлеровское командование, понимая, что прямым ударом Киев не взять, бросило основные силы против действовавших на флангах советских 5-й, 6-й и 26-й армий.

В эти дни Военный Совет фронта принял решение вывести

6-й стрелковый корпус из состава 6-й армии и включить его во вновь сформированную 26-ю армию. Соединения корпуса получили приказ занять оборону в районе Белой Церкви. 41-я дивизия Микушева являлась наиболее стойким и боеспособным соединением в корпусе. Ведь достаточно вспомнить, в каком состоянии находились 97-я и 159-я дивизии этого корпуса.

41-я дивизия направилась в распоряжение 26-й армии. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Музыченко и член Военного Совета дивизионный комиссар Попов, в связи с передачей соединения в другую армию, писали в боевой характеристике на Г. Н. Микушева: «Части 41-й стрелковой дивизии с первых дней войны упорно сражались с германским фашизмом, отстаивая каждую пядь советской земли. Дивизия упорно дралась с превосходящими силами противника, нанося ему большие потери. Тов. Микушев в боях с противником проявлял мужество и отвагу».

Хотя и было принято решение выделить дивизии Микушева небольшое пополнение, вооружение и военное имущество, дивизия не успела ничего получить. Она сразу же заняла новые рубежи.

16 июля на Белую Церковь обрушился мощный удар танковых и моторизованных войск противника. Дивизия Микушева встретилась с 9-й танковой дивизией врага и дивизией СС «Викинг». Соединения 6-го корпуса оказали отчаянное сопротивление. Неся тяжелые потери, они цеплялись за каждый метр своей обороны, штурмуемой танками. Но силы были неравными. Противнику удалось захватить Белую Церковь. Корпус перешел в контратаку и отбросил врага. Противник немедленно нанес ответный удар. Позиции несколько раз переходили из рук в руки.

Иначе сложилось положение на стыке 6-й и 26-й армий. Оттеснив 16-й мотомеханизированный корпус 6-й армии, гитлеровцы под угрозой окружения вынудили его оставить Казатин. Связь с корпусом прервалась. Разрыв между 6-й и 26-й армиями достиг почти ста километров. Это соответственно ухудшило и положение у Белой Церкви. 17, 18 и 19 июля 41-я дивизия отбивала непрерывные атаки мотопехоты и танков. И снова, несмотря на малочисленность, усталость, недостаток техники, бойцы и командиры дивизии проявили массовый героизм.

Наводчик орудия комсомолец Пучков во время танковых атак был ранен шесть раз, но в тыл не ушел. Лишь по прика-

зу заместителя командира батареи по политчасти он собрался идти в медпункт. Только Пучков отошел на сотню метров от позиции, как на батарею вновь двинулись танки. Наводчик возвратился к своему оружию и в разгоревшемся бою уничтожил еще один танк. Враг откатился назад, а Пучков в беспмятстве упал возле орудия.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, говоря о том, что после обороны Равы-Русской «дивизия Микушева с честью выходила из самых тяжелых положений», подчеркивает, что снова «особенно отличилась она в боях в районе Белой Церкви». В эти дни дивизия еще более поредела. Незначительные пополнения не возмещали потери. Были случаи, что направляемые в дивизию маршевые роты не доходили до позиций. Они попадали в засады и вступали в бой с противником, не имея даже достаточного количества винтовок.

Потери... Отступление... Мысли об этом особенно утомляли, выматывали комдива. Он мог не спать сутками, умел найти выход из безвыходных положений, мог решительно наступать, мог сдерживать во много раз превосходящего врага. Он был подготовлен к этому всей своей жизнью, всей двадцатитрехлетней службой в армии. Но смириться с отступлением, хладнокровно относиться к потерям он не мог. Как всегда, генерал был бодр, подтянут, чисто выбрит, корректен, вежлив. И лишь немногие видели скрытую внутреннюю драму комдива.

Несмотря на всю сложность обстановки, генерал находил время для бесед с Орестом Мальцевым. Он придавал очень большое значение работе писателя над очерками о дивизии, давал советы, подсказывал новые темы. Чтобы хоть немного ствлечься от тяжелых раздумий, генерал рассказывал Мальцеву о своем участии в первой мировой войне, о семье, показывал фотографии.

«Он, — вспоминает писатель о беседах в землянке генерала, — как бы выключался из окружающего. Сидел, кинув устало руки меж колен, задумчивый и в то же время чутко настороженный».

— Будем держаться, — говорил Микушев с бесконечно усталым видом. — Не отступим за Днепр. А как ты думаешь?

— Я думаю, — выдавал Мальцев желаемое за возможное, — что скоро перейдем в наступление.

— Да, конечно. Перейдем! Непременно перейдем! — Слабая улыбка сгоняла хмурь с лица генерала. — Только бы перейти! Тогда уж нас не остановишь. Ну а ты как, все пишешь?

— Да, день и ночь.

— Так вот, сегодня у меня будет комполка майор Соколов. Поговори с ним. Ему есть что рассказать. А про танкистов Кротюка написал?

— Написал.

— Вот хорошо!... А сейчас... ну, по капельке. У меня есть маленький энзэ.

— Я не пью.

— Конечно, это слабое утешение. Но все же для солдата... такого, как я, старого солдата... Машинка устраивает?

— Да, вполне.

— Что еще нужно?

— Все есть.

— Пиши! Пиши больше обо всех. Никого нельзя забыть. И приноси мне, считаю.

Вскоре Мальцев принес генералу новые главы.

— Что же дальше делать-то? — задумался Микушев. — Знаешь, кстати, отправляю в Киев машину. Бери командировку, езжай. Недельки на две. Нечего тут прохлаждаться. Поезжай в Москву, печатай очерк.

Генерал и писатель трогательно простились. Мальцев уехал. С его отъездом Микушев потерял еще одного близкого человека. А через несколько дней — новая потеря для Микушева. Его ближайший соратник, испытанный боевой друг полковник Н. В. Еремин был отозван из дивизии и назначен начальником штаба 6-го стрелкового корпуса.

Прошло еще немного времени, и 102-й стрелковый полк, самый боеспособный полк дивизии, был выведен из ее состава и на автотранспорте фронта переброшен на Черниговское направление. Командира полка подполковника Г. Г. Чумарина еще ранее отозвали в распоряжение штаба 6-й армии.

«Мне никогда, — вспоминает А. Л. Кизима, — за время боев не приходилось видеть такого трогательного прощания, как прощание Микушева с Чумариным. Это походило на безвозвратное прощание.

— Береги себя, — сказал комдив Чумарину. — Ты в бою горяч, придержи свой пыл!

— Куда я денусь! — отшучивался Чумарин, показывая крупные зубы. — Еще встретимся!

— Вряд ли, — грустно заметил Микушев. — Впрочем, с кем черт не шутит, все может быть. Будем надеяться на лучшее».

Когда машина с Чумариным скрылась на лесной дороге, насупленный генерал забрался в свой блиндаж и, никого к

себе не пуская, провел всю ночь без сна. Кизима через дощатую перегородку слышал шаги комдива.

Думы, думы... И, конечно, неотвязные думы о семье. Как-то ей живется в эвакуации? Что с матерью, сестрами, другими родственниками в Кунгуре?

На следующий день после выхода в район Белой Церкви Георгий Николаевич написал в Кунгур большое письмо. Последнее.

Вот оно, это письмо. Шесть пожелтевших страничек в клетку, вырванных из записной книжки. Бегут торопливые неразборчивые строки, написанные карандашом:

«Здравствуйте, мои дорогие мамулька и Нюра!»

...Неожиданно вспыхнувшее пламя войны не дало возможности тотчас же вам ответить. Сейчас, пользуясь маленькой передышкой, спешу написать кое-что.

О себе. В эти четыре года мало что изменилось — разве то, что постарели малость. Женя стала совсем седая, а я изменился немного — когда мне будет и 60 лет, я буду выглядеть так же, как и сейчас.

Дорогие мои мамулька и Нюра, как бы я хотел сейчас прижать вас к сердцу, но, к сожалению, нет возможности. В случае чего — не оставьте без ласки и любви мою Женю. Она исключительный человек и жена образцовая, и достойная всякого уважения. Это образец матери и жены — **берегите ее**. На память посылаю вам свою карточку с маленькой прелестной девочкой — это моя внучка и ваша правнучка Светочка. Как бы я хотел, чтобы вы ее видели. Это исключительный ребенок... Ей четыре года, а она рассуждает лучше, чем взрослая. Она воспитывается у меня с самого дня рождения, и я ее почитаю, как если бы она была моя дочь. Вы ее, безусловно, полюбите.

Сейчас война разлучила меня с семьей. Женя живет в Нижнеднепровске у дочери, а я на фронте. Война идет жестокая. Надеюсь на победу во что бы то ни стало. Есть много кое о чем написать, но, к сожалению, абсолютно нет времени. К сожалению, не могу вам сообщить своего адреса, ибо нет постоянного места. Однако думаю, что мы поддержим связь через Женю. Сообщаю ее адрес: Нижнеднепровск, Возанцовка, Виноградная, 15, Остапенко для Микушевой.

Как хочется еще много и много писать, но нет времени.

Думаю, что в следующий раз напишу больше.

Крепко-крепко всех целую.

Как живет Лиза, что делает Вера? Где служит Коля? При-

вет его семейству. Пошлю вам триста рублей денег. Ну, пока, будьте здоровы, еще раз целую вас. Ваш сын и брат Георгий».

«В следующий раз напишу больше...»

Но больше написать не пришлось. 19 июля, оставив по приказу командования позиции к востоку от Белой Церкви, дивизия Микушева заняла оборону в районе Ржищева, на самом берегу Днепра. После трехдневных боев дивизия была выведена на левый берег Днепра, но через неделю ее перебросили южнее Киева, в район Канева, где противник готовился форсировать Днепр. Отбросив уже переправившиеся через Днепр передовые части гитлеровцев, дивизия преградила врагу путь на левый берег реки.

Через несколько дней исключительно серьезное положение создалось севернее Киева. Противник готовился форсировать Днепр и уже наводил переправы. Крупные силы гитлеровцев стояли под стенами самого Киева. 7 августа Гитлер приказал взять Киев на следующий день во что бы то ни стало. Действительно, к исходу 8 августа крупные силы врага ворвались в юго-западные пригороды Киева. Но здесь их остановило народное ополчение.

Чтобы укрепить оборону города, Ставка и командование фронта решили объединить все советские войска в районе Киева в 37-ю армию. Она была усилена двумя стрелковыми дивизиями и тремя воздушно-десантными бригадами. Одним из стрелковых соединений, включенных в состав 37-й армии, была и 41-я дивизия Микушева.

«Когда... фашисты начали обходить Киев с северо-востока, — пишет Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, — генерал Микушев во главе своей дивизии был двинут навстречу прорвавшимся вражеским войскам».

На специально поданном автотранспорте дивизия была переброшена на рубеж в 120 километрах севернее Киева. Но противник, форсировав ночью Днепр, начал продвижение к городу Остеру, чтобы выйти в район Киева с тыла.

Соединения 37-й армии получили приказ перейти в контрнаступление. Перед дивизией Микушева была поставлена задача остановить и задержать наступление противника до подхода других соединений армии. При поддержке артиллерии дивизия завязала упорные бои в районе Остера.

И здесь Микушев остался верен своей тактике активных действий. Не занимая обороны, он дал противнику встречный бой в 5—6 километрах впереди указанного для дивизии рубежа. Тем временем население Остера спешно готовило оборону

города. Сооружались окопы, опорные пункты и укрытия. Активные действия Микушева сковали противника, а подоспевшие войска 37-й армии отбросили его. К 16 августа на правом северном фланге обороны города положение было восстановлено. Провалилась вторая попытка гитлеровцев овладеть столицей Украины.

В боях под Ржищевом, Каневом, Остером генерал Микушев испытывает новый прилив энергии. Пусть самый страшный бой! Пусть многократное превосходство противника! Но только бы вновь не испытывать давящее чувство неизвестности! Только бы иметь ясную, хоть и очень трудно выполнимую задачу, только бы ощущать на флангах локоть такого же стойкого соседа! А своим бойцам он верит, как самому себе!

Вновь и вновь генерал Микушев появляется на самых опасных участках фронта.

Личным подвигом комдива было его руководство переправой дивизии на левый берег Днепра в районе Канева. Вот как рассказывает об этом В. И. Срыбник:

«Враг наседал. Бесперывно на бреющем полете проносились фашистские стервятники. Потом они улетели. Где-то в обед над боевыми порядками вновь появился самолет-разведчик фашистов...

Генерал вышел на берег Днепра. И здесь он услышал нарастающий гул. С запада из-за туч выплыла армада вражеских пикирующих бомбардировщиков «Ю-87». Армада шла на высоте примерно 1000 метров, направляясь на юг. Вдруг ведущий сделал разворот и, пикируя, сбросил бомбы на переправляющиеся войска...

Залились наши пулеметы, зенитные пушки. Выли и рвались бомбы. От пыли и дыма стало темно, будто ночью. Солдаты замешкались, заметались по берегу. И вот среди них появился комдив. Он закричал сильным голосом:

— Не бежать, товарищи, ложись! Бей по стервятникам! Зенитчики, пулеметчики, огонь! Еще огня! Так их!

Не обращая внимания на свист осколков и завывание бомб, генерал ходил между солдатами, наводя порядок, лично руководил стрельбой зенитчиков. И паника, которая впервые за дни боев готова была вспыхнуть, потухла.

Противник наседал на переправу и с фронта. Отражение его атак было поручено пулеметчикам лейтенанта Терещенко. К этому времени героическая пулеметная рота 139-го стрелкового полка понесла большие потери. Еще под Равой-Русской погиб командир взвода лейтенант Василий Васильченко. При

обороне на Киевском плацдарме был смертельно ранен другой командир взвода — младший лейтенант Владимир Попович. На переправе возле Канева оторвало руку и ногу у отважного богатыря, командира взвода Александра Алтухова.

Командир роты Терещенко, не дожидаясь санитаров, сам наложил жгуты своему другу Алтухову и заменил его у пулемета. Отражая атаки гитлеровцев, Терещенко был ранен в живот и левое плечо, но продолжал стрелять. Только под конец переправы его увезли в госпиталь.

Организованно ушли за реку штабы, спецподразделения, обозы, госпиталь. Переправилась артиллерия. За ней ушла пехота. На правом берегу оставались только отдельные пулеметные гнезда. Вместе с пулеметчиками находился генерал Микушев. Он переправился через Днепр последним.

В письмах ветераны вспоминают, как в дни самых трудных боев за Киев осунувшийся, но бодрый Микушев пришел в медсанбат. Он откровенно беседовал с ранеными, рассказал о трудном положении на фронте, о потерях дивизии. Он напомнил о днях гражданской войны, призвал защищать Киев так же стойко, как защищала Красная Армия Петроград от Юденича. Солдаты внимательно слушали комдива.

Вдруг генерал поднялся, снял фуражку, склонил перед ранеными поседевшую за последние дни голову и глухо сказал:

— Трудно нам, товарищи, очень трудно. Однако все равно победим. Но нужна ваша помощь. Кто может держать оружие, прощу вас, помогите. Там погибают наши товарищи.

На ноги вскочил молоденький солдат с перевязанной головой:

— Я могу держать оружие, товарищ генерал! Я пойду в бой!

— И мы!

— И мы пойдем! Ведите нас, товарищ комдив!

Даже тяжелораненные не захотели оставаться в медсанбате.

И тут растроганный порывом солдат генерал заплакал. Впервые солдаты видели слезы на глазах железного комдива Микушева. А он и не скрывал слез. Он плакал так же, как иногда плачут суровые отцы перед своими сыновьями...

В тот день дивизия Микушева дралась особенно яростно. Она устояла и нанесла противнику огромный урон.

Бывали бои, когда штаб дивизии не имел в своем распоря-

жении никаких резервов. Не зная об этом, командиры полков упорно просили подкреплений. Тогда генерал отвечал:

— У вас есть силы. Коммунистов и комсомольцев — вперед! Знамя полка — вперед! И — держитесь, держитесь!

Не будет преувеличением сказать, что дивизия Микушева была вдвое сильнее, чем позволяли людские и технические возможности. Огромную моральную силу дивизии давали коммунисты и комсомольцы, которыми руководил бесстрашный полковой комиссар А. М. Антонов.

«Каждый оборонительный бой, — пишет А. И. Бондаренко, — всесторонне обеспечивался партийно-политической работой. Не было такого плана политического обеспечения, над которым надолго не склонялись бы А. М. Антонов и Г. Н. Микушев. Обсуждая и решая партийные вопросы, Микушев видел перед собою массы коммунистов и комсомольцев, которых насчитывались в дивизии тысячи. И он верил, что эти тысячи наиболее активных, наисмелейших, наипреданнейших народу воинов по приказу командиров, по его приказу готовы выполнять любую задачу».

Партийная организация, по мнению Микушева, должна была отвечать за каждого солдата, за каждое подразделение и за всю дивизию в целом.

Коммунисты и комсомольцы всегда были правофланговыми в ротах первого эшелона, они входили в состав штурмовых групп, разведывательных подразделений, были неизменно там, где особенно требовались инициатива и партийная стойкость.

Чем труднее становилась обстановка, тем активнее действовал партийно-политический аппарат дивизии. Не прекращала работу партийная комиссия, которую после героической гибели М. А. Власовца возглавил его заместитель, бывший комиссар отдельного разведывательного батальона А. Н. Шагов. 15 июля, на третий день после сосредоточения в районе Белой Церкви, партийная комиссия провела заседание в окопах 102-го стрелкового полка. Шесть других заседаний также были проведены на передовой, зачастую под разрывами снарядов и бомб. Иногда члены партийной комиссии прибывали на передовую в момент атаки противника или наших контратак. Тогда А. Н. Шагов поднимал всю парткомиссию, и ее члены шли в первых рядах контратакующих. После одного из таких «заседаний» все члены парткомиссии были представлены к правительственным наградам, в том числе сам А. Н. Шагов — к ордену Красной Звезды. В ходе боев под Ржищевом, Каневом и Остером заявления о приеме в партию подали 89 человек.

Генерал Микушев глубоко верил в патриотические силы народа, опирался во время боев не только на воинов своей дивизии, но и на местное население. Есть достаточно свидетельств о том, что он был одним из тех, кто стоял у истоков партизанского движения в районе Киева. Об этом, в частности, пишут в своих воспоминаниях А. С. Стецюра и А. Л. Кизима.

Совместно с Антоновым и Катасоновым генерал помогал местным партийным организациям создавать партизанские отряды и группы. Он говорил, что такие отряды очень помогут в борьбе с гитлеровцами.

Вскоре были организованы и ушли за линию фронта первые отряды. Старые коммунисты, ветераны гражданской войны, юноши и девушки активными действиями наносили большой урон противнику, доставляли в расположение дивизии ценные документы и сведения, пленных и трофеи. Связь между дивизией и партизанами действовала хорошо. Зачастую во время контратак дивизии партизаны с тыла сковывали силы врага, отвлекали их с направления главного удара. Одна из таких контратак была проведена в лесу восточнее Выползова. Гитлеровцы потеряли около трехсот человек убитыми и ранеными. Микушев от имени командования объявил патриотам благодарность.

Упорная оборона Киева продолжалась вот уже почти два месяца. К началу сентября киевский выступ стал угрожать гитлеровским войскам группы армий «Центр», которым удалось продвинуться глубоко на восток. Командование противника стало опасаться фланговых ударов со стороны Киева и перебросило на свой правый фланг значительные силы. 8 сентября, стремясь выйти на Десну, 2-я танковая группа и 2-я армия гитлеровцев нанесли удар по киевской группировке советских войск с севера. С юга готовились начать наступление 1-я танковая группа и 17-я армия врага. Обе танковые группы намечали соединиться в районе Лубны и тем самым окружить нашу киевскую группировку. Натиск усилился и на других участках фронта.

В этой обстановке, продолжая оборонять линию Остер, Козелец, командир 41-й дивизии генерал-майор Микушев созвал ночью совещание. Оно прошло под девизом «Стоять на-смерть!».

Генерал объявил, что киевская группировка оказалась под угрозой окружения. Сейчас надо быть особенно стойкими и

организованными. Надо быть готовыми ко всем неожиданностям. Если потребуется, дивизия будет вести бой и в окружении. Спокойно и уравновешенно генерал заканчивал свое выступление словами:

— Красная Армия сильна тем, что она знает, за что борется и что защищает. Дайте только время нашей армии привести себя в порядок, и тогда погоним немцев.

Закрыв совещание, генерал оставил работников штаба и указал им, где легче всего прорвать кольцо противника, если дивизия окажется в окружении. Он сказал, когда и какие штабные документы необходимо уничтожить, если возникнет особо трудная обстановка, и назначил ответственных за это.

Хотя речь шла о самом горьком, никто из офицеров не увидел на измученном лице генерала ни тени сомнения, растерянности и тревоги. Его вера в победу передалась всем остальным.

Наступило 9 сентября 1941 года. С самого утра превосходящие силы гитлеровцев атаковали расположение 244-го и 139-го стрелковых полков в районе города Козелец.

Микушев внимательно следил за разворачиванием боя. Обстановка быстро менялась. То там, то тут возникала угроза прорыва немцев. Ослабленные в многодневных боях части оборонялись стойко.

— Прочно удерживать рубеж по реке Остер, не допустить форсирования противником реки у города Козелец! — такой приказ отдал Микушев полкам и прежде всего самому себе.

Отход с этого рубежа грозил катастрофой дивизии и прорывом фронта. Здесь гитлеровцы сразу могли выйти в тыл ближних подступов к Киеву с севера.

Было особенно важно видеть все детали боя, угадывать за ними многое. Через несколько часов генерал получил сведения о прорыве противника на участке 244-го полка в районе моста через реку Остер у города Козелец. Изучая впоследствии ход боя 9 сентября, генерал-майор Н. В. Еремин отметил, что «наиболее верным решением командира дивизии было немедленно выехать к месту прорыва и лично установить положение на передовой. Так и сделал генерал Микушев, как командир дивизии, да иначе он и поступить не мог, как храбрый и волевой командир-коммунист».

Когда генерал на своей машине прибыл на передовую в район моста, отдельные группы гитлеровцев уже переправились на левый берег. Под их прикрытием следовали главные силы врага. Для них наводилась специальная переправа.

Немногочисленные измотанные защитники рубежа под ураганным огнем с фронта и с тыла дрогнули. Выпрыгнув из машины, железный комдив кинулся в самое пекло и...

Но остановим на секунду скоротечную смену кадров событий. Свидетельствует Маршал Советского Союза Иван Христович Баграмян: «Когда фашисты отбросили передовые части Микушева от города Козелец, он лично повел их в контратаку и в разгаре боя пал смертью героя».

...и решительными мерами организовал отпор, чтобы восстановить положение.

В эти минуты казалось, что Микушев находится сразу на всех участках обороны.

Вот он на позиции противотанковой батареи младшего лейтенанта Поприенко. Командир батареи предупредил прибывшего генерала, что вражеские автоматчики просочились в оборону и находятся всего в 50 метрах от огневой позиции. Пренебрегая опасностью, генерал продвигается вперед, чтобы лично наблюдать за передвижением врага и наметить цели для артиллерии.

Вот он появляется у моста и приказывает командиру отдельного саперного батальона старшему лейтенанту Мазо заминировать мост, чтобы в любую минуту взорвать его. Но — не сейчас! Мост еще может пригодиться!

Вот Микушев появляется в расположении пулеметной роты Терещенко:

— Пошлите, лейтенант, один взвод вон на этот бугорок справа и продвиньте пару «максимок» вон туда, ближе к мосту. Подождите, куда ближе подойдут фрицы. Бейте уверенно. Ничего, побегут!

Гитлеровцы вновь и вновь безуспешно атаквали.

Спустя час генерал опять появился у пулеметчиков:

— Смотрите внимательней, пулеметчики, сейчас немцы пойдут. Пулеметы справа пусть постреливают для отвода глаз, а когда противник приблизится к мосту, бейте из всех пулеметов. Не выдержат!

Бой с нарастающей яростью продолжался. И вдруг в его ходе что-то неуловимо изменилось. Еще не все разобрались в обстановке, но Микушев сразу понял: замолчали два пулемета, выдвинутые вперед.

Он отошел от стоявшей в укрытии машины, поднял бинокль и быстро оценил обстановку. Потом короткими перебежками стал продвигаться на позицию. Пополз по-пластунски. Вот он уже у замолчавших пулеметов.

Офицеры штаба волнуются. Но генерал вскоре возвращается, усталый и запыленный:

— Неисправность. Перекос ленты.

Оказалось, что оба наводчика из кадровых солдат были убиты. Их заменили вторые номера и вели огонь, пока не случилась задержка. Молодые солдаты не смогли устранить неисправность. Чтобы не терять времени на объяснение, генерал Микушев сам устранил перекос ленты, предупредил о других возможных задержках. Пулеметчики воспрянули духом.

— Слышите, какой ведут ураганный огонь! — обратился Микушев к офицерам.

Но огонь, особенно артиллерийский, усилил и враг. На том берегу Остера поднялись атакующие цепи противника. Они приближались к мосту. В который уже раз оборона дивизии на участке 1-го батальона 244-го стрелкового полка угрожала быть прорванной.

Микушев встал и обратился к бойцам:

— А нервы у них не ахти, хлопцы! Не выдержат! Вперед! И первым пошел по мосту, все убыстряя шаги.

Вот наши бойцы уже на середине моста.

Вдруг Микушев остановился, будто споткнувшись, прижал руку к груди. Обернулся, прислушался к чему-то. Упал. Он был насмерть поражен тремя автоматными пулями в грудь и шею.

Контратака захлебнулась. Но и враг не прошел.

Снова разгорелась перестрелка.

Генерал лежал на середине моста. Рубеж теперь проходил через его тело. Он и мертвый не пускал врага вперед.

Смерть генерала потрясла бойцов. Многие плакали навзрыд и, не вытирая слез, оборонялись еще яростней.

Отчаявшись захватить мост, гитлеровцы попытались взять хотя бы тело генерала. Их встречал огонь. Бойцы не отдали комдива врагу. Он и после смерти продолжал бой.

В сумерках на мост пробрались шофер генерала и несколько разведчиков. Они вынесли тело Микушева.

...Прощание дивизии с генералом состоялось в селе Семиполки. Политический отдел дивизии обратился к личному составу с призывом отомстить врагу за смерть комдива.

Хотя положение на фронте с каждым днем ухудшалось, командование решило похоронить генерала в Киеве.

Похороны состоялись 12 сентября в киевском Ботаниче-

ском саду в присутствии представителей всех частей. Хотя Киев бомбили и он горел, на похороны собралось много горожан.

Раздается ружейный залп. Гроб опускают в могилу. На ней устанавливают простую колонку, возлагают венки и букеты живых цветов. Тогда же на фронте, зная время похорон генерала, части дивизии дали по врагу залп из всех видов оружия.

Командование дивизией принял полковой комиссар А. М. Антонов.

15 сентября соединения 1-й и 2-й немецких танковых групп встретились в районе Лохвицы, северо-восточнее Лубны. Кольцо окружения киевской группировки замкнулось. 37-я армия обороняла Киев до 19 сентября.

Окруженные прорывались из кольца по частям. Во главе больших групп вышли из окружения командующий 21-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, командующий 26-й армией генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, командиры корпусов генерал-майор К. С. Москаленко, генерал-майор П. П. Корзун, генерал-майор А. И. Лопатин и другие.

Группа штаба Юго-Западного фронта во главе с Военным Советом, насчитывающая около трех тысяч бойцов и командиров, прорывалась отдельно. Но перейти линию фронта удалось только офицерам оперативного отдела штаба фронта во главе с генерал-майором И. Х. Баграмяном и еще несколькими группам.

Группа штаба фронта в составе 800 человек была окружена в роще Шумейково. Бой продолжался до исхода 22 сентября. Здесь погибли командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного Совета, секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков и многие другие.

Киевская оборонительная операция имела важное значение в ходе войны. Она сорвала осуществление планов гитлеровского командования на молниеносную войну и отвлечением на себя крупных сил вражеской группировки «Центр» на два месяца задержала гитлеровское наступление на главном стратегическом Московском направлении.

До последней возможности среди защитников Киева держались и бойцы дивизии генерала Микушева.

Остатки 41-й стрелковой дивизии были окружены в районе Борисполя. Полковой комиссар Антонов несколько раз бросал дивизию на прорыв, но безуспешно. Тогда, уничтожив штабные документы, бойцы начали прорываться отдельными группами. Некоторым таким группам удалось выйти из окружения.

Другие присоединились к партизанам. Третьи дрались до последнего патрона.

«Я уверен, — решительно заявляет А. Л. Кизима, — что если бы генерал Микушев был жив, когда дивизия попала в окружение под Барышевкой, Яготином, дивизия была бы спасена. Он обязательно нашел бы выход, как это было уже не раз, и части вырвались бы из окружения».

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

Ровно через год после Киевской оборонительной операции 41-я стрелковая дивизия возродилась. Она была снова сформирована в 1942 году в Орловской области на базе 118-й отдельной стрелковой бригады.

После ряда сражений дивизия, взламывая оборону противника и ведя непрерывные бои с июля по сентябрь 1943 года, вышла к Десне. В ночь с 10 на 11 сентября хорошо известный нам 139-й стрелковый полк с боем форсировал Десну и захватил плацдарм на западном берегу северо-восточнее Трубчевска, нанеся противнику большие потери.

Продолжая наступление, дивизия с боями форсировала реки Сож и Березину, а 18 июля 1944 года после трехдневных наступательных боев вышла на государственную границу СССР на восточном берегу Западного Буга в районе Бендюга-Бестраки. В течение 20 июля и в ночь на 21 июля дивизия форсировала Западный Буг, а 3 и 4 августа — Вислу в районе Кампа-Хотецка.

В ходе боев 41-я стрелковая дивизия освободила 456 городов, крупных населенных пунктов и железнодорожных станций, уничтожила и вывела из строя 370 орудий противника, 58 танков и самоходных орудий, 286 минометов, 1027 пулеметов, 8 самолетов, захватила большие трофеи.

За образцовое выполнение заданий командования при прорыве гитлеровской обороны западнее Ковеля дивизия 9 августа 1944 года была награждена орденом Красного Знамени. Она получила семь благодарностей Верховного Главнокомандующего, в том числе за бои по освобождению города Хелма, за прорыв обороны врага южнее Варшавы, за участие в прорыве обороны на реке Одере и в боях по окружению и ликвидации группировки противника юго-восточнее Берлина. За последние две операции дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

Три воина дивизии получили звание Героя Советского

Союза. Это командир роты автоматчиков 244-го стрелкового полка старший лейтенант Г. Р. Ефименко и командир стрелкового отделения того же полка старший сержант Д. М. Шкода, командир орудия 177-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона старший сержант П. К. Белоконь. Ордена и медали СССР получили 15 488 воинов дивизии.

Память о генерале Микушеве жила. Ее несли в сердцах по многим фронтам Отечественной войны боевые соратники железного комдива и его ученики.

Бывший начальник артиллерии 41-й стрелковой дивизии Сергей Сергеевич Варенцов, командуя артиллерией ряда фронтов, был инициатором знаменитой артиллерийской контрподготовки в Курской битве, руководил действиями артиллерии по разгрому 4-й немецкой танковой армии под Берлином и по поддержке войск, наступавших на Прагу. «Я, — пишет С. С. Варенцов, — вполне разделяю заботу об увековечении подвигов бойцов 41-й стрелковой дивизии и ее командира генерала Г. Н. Микушева, так как дивизия и ее начальник заслужили это своей преданностью Родине и партии. Я всегда был самого высокого мнения о товарище Микушеве и слышал о нем в начальный период войны хорошие отзывы других лиц».

Командиром гвардейской воздушно-десантной дивизии закончил войну под Прагой бывший начальник штаба 41-й дивизии Николай Владимирович Еремин. За годы войны он был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени и медалями. За участие в боях по освобождению столицы Словакии города Братиславы он получил звание почетного гражданина этого города и памятную медаль. После войны генерал-майор Н. В. Еремин находился на военно-педагогической работе в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Выйдя в отставку, он занялся общественной работой, ведет сбор материалов о 41-й дивизии, возглавляет авторский коллектив по написанию истории дивизии.

В звании полковника закончил войну бывший комиссар дивизии Александр Матвеевич Антонов. Полковником, Героем Советского Союза стал Павел Петрович Пурин, начавший войну командиром дивизиона 249-го гаубичного артиллерийского полка 41-й дивизии.

Некоторые ветераны дивизии теперь уже на пенсии. Но многие, несмотря на подорванное войной здоровье, продолжают трудиться.

Помощником начальника агломерационной фабрики Южного горнообогатительного комбината работает в Кривом Роге неутомимый летописец 41-й дивизии, майор запаса Владимир Израйлевич Срыбник. В 1941 году ему не удалось выйти из окружения. Он был ранен и спасся только благодаря заботам жителей деревни Иванковки под Борисполем. В июле 1942 года он пробрался в партизанское соединение дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова и прошел здесь путь от пулеметчика до секретаря партийной организации отряда имени Кирова. Затем в рядах регулярных войск В. И. Срыбник вступил в Германию и с июля 1945 года был заместителем военного коменданта города Шмельна в Тюрингии.

Постоянно загружен работой бывший помощник начальника 1-го отделения штаба дивизии Андрей Леонтьевич Кизима, проживающий в Ленинграде. Никогда нет свободного времени и у бывшего инструктора политотдела Терентия Архиповича Кляцкого. Он работает заведующим отделом сельского хозяйства в республиканской газете «Правда Украины», редактирует воспоминания партизан одного из соединений, где самому Т. А. Кляцкому пришлось быть в годы войны подрывником и комиссаром отряда, редактором газеты и комиссаром соединения.

Бывший командир роты 244-го стрелкового полка Сергей Иванович Мазуренко был дважды ранен в один и тот же августовский день 1941 года. Осколки мины поразили его в голову, шею и левую руку. Заметив беспомощного воина, гитлеровский снайпер нанес ему еще одну рану. Но С. И. Мазуренко остался в строю и согласился демобилизоваться только через год. Он закончил юридические курсы в Челябинске, затем с 1944 по 1948 год был прокурором Каховского района, а теперь работает старшим инспектором отдела кадров одного из управлений треста Криворожгосводстрой.

На Криворожском металлургическом заводе трудится бывший начальник военно-технического снабжения дивизии Андрей Степанович Стецюра.

Всю войну прошел отважный артиллерист Дмитрий Иванович Рудь, получив за боевые подвиги ордена Отечественной войны II степени, Красной Звезды и три медали. Вот уже более двадцати лет он работает на одном месте — заведует столовой ремесленного училища имени Ильича в Кривом Роге.

В составе группы из восьми человек удалось в 1941 году перейти линию фронта офицеру отдельного саперного батальона Алексею Ивановичу Бондаренко. Несмотря на плохое сос-

тояние здоровья, он не оставляет работу. А. И. Бондаренко пишет из города Терны: «Я горд и счастлив тем, что мне довелось служить в героической 41-й стрелковой дивизии и пройти путь от солдата до офицера. Горжусь тем, что я, будучи инвалидом войны, продолжаю трудиться. Я и впредь буду высоко нести честь и достоинство советского офицера и своим посильным трудом крепить могущество нашей великой Родины!»

Под этими словами подпишется каждый ветеран 41-й дивизии.

Живут и здравствуют и другие ветераны дивизии Микушева. Это заместитель комдива Павел Никифорович Шалимов, командир батареи Петр Маркович Гончаренко, командир батальона Борис Адамович Верниковский, секретарь дивизионной парткомиссии Александр Николаевич Шагов, начальник продовольственно-фуражного снабжения полка Николай Фомич Радченко, командир огневого взвода Борис Антонович Калущий, редактор газеты Николай Николаевич Горновский, командир пулеметной роты 139-го стрелкового полка Иван Антонович Терещенко и другие.

Ветераном дивизии надо назвать и Ореста Михайловича Мальцева, прошедшего с ней самый трудный путь. В качестве военного корреспондента он побывал в годы войны в Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии. Теперь это известный писатель, лауреат Государственной премии, автор многих крупных произведений. В его творческих планах — книга о дивизии Микушева.

Живут ветераны... Но мало их осталось, очень мало... До сих пор не удалось установить, жив ли, кроме В. Я. Шипунова, кто-нибудь из бойцов фортификационной роты, дравшейся за Раву-Русскую рядом с дивизией Микушева. Сам В. Я. Шипунов был ранен в голову в последний день обороны укрепрайона, уже на улицах Равы-Русской. Очнулся он только во Львове. В последующих боях В. Я. Шипунов потерял руку. Сейчас ветеран работает в Красном Ясыле начальником ведущего участка комбината «Уральский камнерез», является секретарем партийной организации комбината, выполняет и многие другие общественные поручения.

...И снова, в который раз, думается: какие различные, но какие одинаково прекрасные в главном людские судьбы! Да, на таких людей генерал Микушев мог вполне положиться, верить им в самую трудную минуту. На таких людей могла положиться вся страна.

Генерал Микушев пал смертью героя в бою за правое де-

ло. Он жив и будет жить в памяти народа. А противостоявшие ему гитлеровские генералы?

Они еще вели за собой орды завоевателей. Они еще упивались временными победами, получали награды и повышения. Но конец был близок. Одни понесли возмездие уже в ходе войны, другие стали жертвами внутренних распри, третьи получили заслуженную кару как военные преступники.

Первым получил по заслугам главнокомандующий 6-й гитлеровской армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау. 17 января 1942 года самолет, на котором находился Рейхенау, был сбит в районе Полтавы.

Концом для многих явился Сталинград. Здесь была наголову разбита 295-я пехотная дивизия, потрепанная еще Микушевым под Равой-Русской. Здесь же пропал без вести командир 71-й пехотной дивизии генерал-майор фон Гартман.

18 февраля 1944 года был убит бывший командир 296-й пехотной дивизии генерал-майор Штеммерман, командовавший в это время 11-м армейским корпусом.

Генерал-полковник фон Штюльпнагель, бывший командующий 17-й армией, некоторое время поднимался по лестнице гитлеровской иерархии. С февраля 1942 года по июль 1944 года он командовал войсками оккупантов во Франции. Здесь Штюльпнагель примкнул к участникам заговора 20 июля 1944 года против Гитлера. Узнав о провале заговора, он пытался покончить жизнь самоубийством, но был схвачен и 30 августа 1944 года казнен.

Интересно отметить, что к казни Штюльпнагеля приложил руку его бывший начальник, главнокомандующий армейской группировкой «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. Ко времени заговора 20 июля Рундштедт являлся главнокомандующим на Западе. Доверяя Рундштедту полностью, Гитлер после провала заговора временно отозвал его в Германию и назначил председателем «суда чести» над генералами, участвовавшими в заговоре. Рундштедт за свои военные преступления отделался сравнительно легко. Он попал в плен на Западном фронте. В феврале 1953 года умер в Западной Германии.

Иначе сложилась судьба главнокомандующего 1-й танковой группой генерал-полковника фон Клейста. В 1942 году он пошел на повышение, командовал армейской группировкой «А», получил звание генерал-фельдмаршала. Однако в 1944 году Гитлер снял Клейста с этого поста, поскольку фельдмаршал без согласия фюрера дал своим войскам приказ на отход

в марте 1944 года на юго-западе Украины. В 1946 году Клейст за военные преступления был приговорен в Югославии к 15 годам заключения. Через два года Югославия передала Клейста в СССР, и в 1954 году он скончался в лагере для гитлеровских военных преступников.

Пожалуй, только один из генералов гитлеровской армии, с которыми пришлось схватиться комдиву Микушеву в 1941 году, фактически избег заслуженной кары. Это — одна из самых зловещих фигур фашистской Германии, доверенное лицо и любимец Гитлера обергруппенфюрер СС Зепп Дитрих, бывший командир 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». После 1941 года Дитрих стремительно продвигался вверх. Он командовал танковым корпусом СС «Лейбштандарт» и, будучи уже генерал-полковником СС, командовал 6-й танковой армией СС. В 1946 году Дитрих за многочисленные военные преступления был приговорен западными оккупационными властями к 25 годам тюремного заключения. По заслугам! Однако уже в 1955 году Дитрих гуляет на свободе. Он становится одним из живых символов западногерманского неонацизма и реваншизма. Дитрих умер в Западной Германии в апреле 1966 года. Его похороны превратились в самое разнузданное сборище недобитых эсэсовцев и множества неонацистов.

На этом можно было бы кончить рассказ о железном комдиве Георгии Николаевиче Микушеве, его верных боевых друзьях и смертельных врагах. Но нет, ещё не все выяснено.

Где могила генерала Микушева? Где это святое место для ветеранов 41-й дивизии, родственников генерала, благодарных киевлян?

Гитлеровцы, оккупировав Киев, сбили колонку на его могиле, сровняли ее с землей.

Поиски захоронения начались сразу же после освобождения Киева. Одно за другим в киевские организации шли письма от семьи генерала и ветеранов дивизии. Ответы не утешали.

Жена и дочь генерала Микушева не успокаивались. Продолжали поиски В. И. Срыбник, Н. Н. Горновский и другие. Но все безрезультатно.

21 января 1966 года дирекция центрального республиканского Ботанического сада отвечала на запрос Е. В. Микуше-

вой: «...Наши поиски не увенчались успехом. Все могилы, которые были на территории Ботанического сада и в Ботаническом саду университета, перенесены в парк Вечной славы к памятнику на могиле Неизвестного солдата. Но и там, к сожалению, могилы Вашего мужа не обнаружили».

3 февраля 1966 года Киевский областной военный комиссариат сообщал Евгении Васильевне: «...В результате проверки установлено, что данных о месте похорон Вашего мужа, генерал-майора Микушева Георгия Николаевича в Ботаническом саду и в гор. Киеве не имеется».

Двадцать лет идут неутешительные ответы... Что делать дальше? Прекратить поиски? Нет, память о герое не мирится с этим!

Долгие годы, не имея связи ни с кем из ветеранов, поиски могилы комдива вел А. Л. Кизима. Почему именно он проявил такую инициативу? Дело в том, что Кизима участвовал в похоронах генерала в 1941 году.

Возвращаясь после войны в Ленинград, он на несколько часов остановился в Киеве и по зову сердца пришел в заветную аллею. Вот она, садовая ограда, здание справа... Но могилы нет.

В 1947 году Кизима снова проездом оказался в Киеве и побывал в саду. Все, с кем говорил ветеран, ничего вразумительного не сообщили и ссылались только, что прах похороненных в саду воинов перенесли в другое место. И Кизима поверил. Через три года он снова приехал в Киев. Его интересовало теперь, куда именно перенесли прах генерала. Ответа не дал никто.

Кизима продолжал поиски, еще несколько раз побывал в Киеве. Он часто рассказывал о легендарном комдиве сыну и дочери. Дети тоже прониклись волнениями отца и после возвращений его из Киева непременно спрашивали, найдена ли могила генерала.

Только в 1965 году А. Л. Кизима через О. М. Мальцева установил связь с В. И. Срыбником и дочерью генерала Л. Г. Остапенко. Теперь поиски велись их общими усилиями. Кизима с военной точностью вычертил две схемы расположения могилы в Ботаническом саду и послал одну из них в Киевской облвоенкомат, а другую Л. Г. Остапенко. Людмила Георгиевна весь свой отпуск в 1966 году решила посвятить поискам могилы отца.

10 сентября 1966 года Кизима с болью писал мне: «Очень обидно, что так нелепо затерялась могила Микушева. Помо-

гите нам!» Но я, к сожалению, мог сделать меньше, чем кто-либо другой...

Прошло три недели со дня получения письма Кизимы. Глубокой ночью 2 октября 1966 года в моей квартире раздался звонок:

— Срочная телеграмма!

Откуда? О чем?

«Захоронение праха генерала Микушева состоится Киеве 4 октября облвоенкоматом. Сообщите родственникам. Микушева. Кизима».

Нашли!!!

Едва рассвело, псбежал к Анне Николаевне Микушевой. После первых же слов она схватилась за сердце и залилась слезами: «Надо ехать!»

Прикидываем время. Поездом не успеть. Самолетом? Из Перми прямых рейсов до Киева нет. Если только из Свердловска. Снова считаем часы, смотрим расписание поездов, рейсы самолетов. Нет, не успеть...

Связываемся с другими родственниками. Составляется телеграмма: «Благодарим Киевский облвоенкомат за заботу и память о генерале Микушеве. Двадцать пять лет скорбим о любимом брате и дяде. Память о нем всегда в наших сердцах. Его гибель в сорок первом году была такой же героической, как вся его жизнь. Помним каждый жест, каждое слово Георгия Микушева.

Анна Микушева, Вера Микушева — сестры генерала.

Николай, Ольга, Георгий — племянники генерала».

Узнав о случившемся, Кунгурский горком партии и горисполком направляют в Киев телеграмму: «Выражаем глубокую признательность за увековечение памяти славного сына Кунгура, командира легендарной 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Георгия Николаевича Микушева, героически павшего при обороне столицы Советской Украины в сорок первом году. Трудящиеся Кунгура гордятся своим земляком, всегда помнят его. Вечная слава герою!»

Телеграфирует Кунгурский городской комитет профсоюза работников культуры: «Благодарим за заботу, проявленную для увековечения памяти нашего земляка, выдающегося советского полководца, командира 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Георгия Николаевича Микушева. Его славная жизнь вечно будет достойным примером советским людям. Его имя навеки вписано золотыми буквами в историю нашей страны».

В уже сверстанном номере кунгурской газеты «Искра» за 4 октября был снят один из материалов и поставлен материал, посвященный печальному, но торжественному событию.

Что же произошло в Киеве за дни, прошедшие между письмом Кизимы и получением от него телеграммы?

Л. Г. Остапенко, как и намеревалась, во время отпуска приехала в Киев. Она проявила недюжинную энергию, чтобы добиться разрешения на раскопки. Ведь это не шутка — вести раскопки в центре города. Но вот все улажено и при самой деятельной поддержке работников военкомата поиски начались.

Людмила Георгиевна пришла в Ботанический сад и разыскала старого садовника, работающего здесь без перерыва вот уже полвека. Да, — ответил старик, — я помню, что за несколько дней до взятия немцами Киева в саду был похоронен генерал. — Где именно? — Садовник замялся. Он явно не хотел, чтобы прах тревожили. Да, он слышал, конечно, что вот уже много лет ищут могилу генерала, но молчал. Зачем, думал он, беспокоить усопшего?

Людмила Георгиевна настаивала на своем, упрашивала старика.

— Ведь я дочь, — говорила она, — понимаете, дочь!

Дочь? Старик заколебался, подумал. Хорошо, он покажет дочери могилу отца! Идем! Это было здесь! Он помнит точно.

Теперь можно проверить память садовника. Людмила Георгиевна достала схему, составленную Кизимой. Данные полностью совпали!

На 30 сентября были назначены раскопки. Людмила Георгиевна немедленно телеграфировала Кизиме. Но он не успел прибыть к нужному времени. Раскопки начались без него.

Вот вырыта яма. Ничего нет! Глубже копать не имеет смысла. Неужели схема Кизимы оказалась неточной, а память подвела садовника?

Вторая попытка. Лопаты глухо стучат о дерево. Корни? Нет, доски. Это гроб. Его очищают от земли, приоткрывают. Гроб пуст! Почему? На этот вопрос, наверное, никто и никогда не ответит.

Все взволнованы. Ведь именно здесь должна быть могила Микушева!

Еще одна попытка. И снова глухой стук. Еще один гроб. И в нем прах!

Людмила Георгиевна в изнеможении отходит в сторону. Гроб переносят в сторожку.

Чей прах найден? Генерала Микушева или безвестного воина? Ответить на это может только Кизима. Ведь Людмила Георгиевна в эти минуты едва держится на ногах.

Кизима прилетел в Киев поздно. Едва рассвело, как он уже был в Ботаническом саду. Вот памятное место. Вокруг выкопанные кусты, разрытая земля. Встретившаяся работница сада рассказала о результатах вчерашних раскопок. И тут Кизима засомневался. Тот ли гроб найден?

В десять часов утра в саду появились Людмила Георгиевна и другие участники раскопок. Кизима и работники военкомата решили вскрыть гроб. Поднимается крышка. Кизима вглядывается в останки.

Да! Сомнений быть не может. Это прах генерал-майора Микушева. У генерала был такой же рост, форма черепа, такие же короткие светлые волосы, металлические коронки на зубах на правой верхней челюсти...

Организация захоронения была поручена Радянському райвоенкомату Киева. Захоронить прах решили на Лукьяновском военном кладбище.

Всколыхнулся Киев. Большую и всестороннюю заботу об увековечении памяти героя-уральца проявили Киевский горисполком, облвоенкомат, все работники Радянського райвоенкомата. Из Кривого Рога прибыл В. И. Срыбник.

Благодарные киевляне пришли на вынос останков генерала Микушева из Ботанического сада. Люди плакали так же горько, как плакали бойцы дивизии, узнав о гибели комдива в сентябре сорок первого. На похороны пришли Герои Советского Союза, генералы и офицеры, многие киевляне. В. И. Срыбник и офицеры Радянського военкомата поднимают на плечи гроб. Впереди несут множество венков.

На Лукьяновском кладбище состоялся траурный митинг. Выступают руководители областного и районного военкоматов, А. Л. Кизима. Затем говорит В. И. Срыбник:

— Дорогие товарищи, друзья! Будем же верны заветам отдавших свою жизнь за светлое будущее советского народа! Будем умножать боевые традиции наших славных Вооруженных Сил! Прощай, наш дорогой и любимый командир и товарищ! Клянемся, что твои добрые дела мы, ветераны 41-й стрелковой дивизии, никогда не забудем, и память о тебе всегда будет жить в наших сердцах!

Оглашаются телеграммы из Кунгура и других городов. Гроб опускают в могилу. Раздается троекратный залп почетного караула, звучит траурная мелодия. По доброй русской

традиции самые близкие генералу Микушеву люди бросают на гроб горсти земли. За ними — остальные участники церемонии. И вот уже могила скрывается под венками.

Звучит Государственный гимн. Торжественным маршем проходит почетный караул. Идут молодые воины, те, ради кого отдал жизнь генерал Микушев.

О перенесении праха генерала узнали во Львове и Кривом Роге, Кунгуре и Перми. Криворожская газета «Красный горняк» поместила материал «Никто не забыт», пермская «Звезда» — «Украина чтит героя».

О результатах долгих поисков я написал Маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову. Он послал ответ: «С чувством удовлетворения узнал о том, что найдено место захоронения Г. Н. Микушева и что 4 октября в Киеве с воинскими почестями состоялось перенесение его праха».

Близко к сердцу восприняли это событие О. М. Мальцев, Н. В. Еремин, Н. Н. Горновский, все, кому дорога память о генерале Микушеве.

Исполком Киевского городского Совета депутатов трудящихся принял решение об установлении памятника на могиле Г. Н. Микушева. Изучением истории 41-й дивизии, жизни ее командира серьезно занялись учащиеся школы № 89 в Кривом Роге. Один из пионерских отрядов школы № 255 в Ленинграде борется за присвоение ему имени Г. Н. Микушева.

За последние годы о генерале Микушеве узнали многие. Уже сегодня в квартирах не только ветеранов 41-й стрелковой, но и многих людей, родившихся в тридцатых, сороковых, пятидесятых годах, есть портреты железного комдива. Они останутся с этими людьми на всю жизнь.

И твердый, спокойный взгляд солдата восемнадцатого года, генерала сорок первого года всегда будет спрашивать: — А ты — готов на подвиг?

ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. М., Воениздат, 1962.
- Баграмян И. Х. Город-воин на Днестре. М., Политиздат, 1965.
- Баграмян И. Х. Так начиналась война. «Дружба народов», 1967, № 6—7.
- Беляев Владимир. На первых рубежах войны. Зарево над Перемышлем. В сб.: «На западной границе», Львов, «Каменяр», 1965.
- Бирюзов С. С. Когда гремели пушки. М., Воениздат, 1961.
- Блюхер В. К. Статьи и речи. М., Воениздат, 1963.
- Горновский Н. Города и дивизии. «Правда Украины», 1966, 1 ноября.
- Горновский Н. Я знал генерала Г. Н. Микушеву. «Искра», 1966, 29 марта.
- Грабовский Василий. На Рава-Русском направлении. В сб.: «На западной границе». Львов, «Каменяр», 1965.
- Григорович Д. Ф. Киев — город-герой. М., Воениздат, 1962.
- Егоров Константин. Человек из песни. В сб.: «На западной границе», Львов, «Каменяр», 1965.
- Еременко А. И. В начале войны. М., «Наука», 1964.
- Еремин Н. В. Первые дни боев на Рава-Русском направлении. «Военно-исторический журнал», 1959, № 4.
- Еремин Н. В. В дни отступления. «Военно-исторический журнал», 1961, № 7.
- Еремин Н. В. В первые дни войны. В сб.: «Дорогой борьбы и славы». М., Госполитиздат, 1961.
- Кан Д. Ніхто не забутий. «Червоний гірник», 1966, 29 октября.
- Крупенников А. Герои пограничных боев. «Правда», 1966, 21 июня.
- Лошиц М. Семена и всходы. «Красная Звезда», 1966, 23 июня.
- Мальцев (Ровинский) Орест. Герои одной стрелковой дивизии. «Новый мир», 1941, № 7—8.
- Мальцев Орест. Герои среди нас. «Красная Звезда», 1965, 3 апреля.
- Поздеев К. Еще раз об одной фотографии. «Искра», 1967, 16 мая.
- Ризин П., Шуэр А. Героическая дивизия. «Красная Звезда», 1941, 6 июля.
- Срыбник В. Такие не умирают. «Искра», 1966, 8 мая.

- Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., ИЛ, 1956.
Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк.
М., Воениздат, 1958.
История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.
Тт. 1—2, М., Воениздат, 1960—1961.
Итоги второй мировой войны. М., ИЛ, 1957.
Перша відсіч. «Радянська Україна», 1966, 22 июня.
Fretter-Pico M. Mißbrauchte Infanterie-Deutsche Infanteriedivisionen...
Frankfurt a. M., 1957.
Mueller-Hillebrand В. Das Heer 1933—1945... Frankfurt a. M., 1956.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Архив МО СССР. Ф. 229, оп. 161, д. 112, 167; ф. 334, оп. 5307,
д. 10; ф. 1137, оп. 1, д. 4; личное дело генерал-майора Г. Н. Микушева.
Пермский областной государственный архив. Ф. 65,
оп. 1, д. 134, 276, 280; ф. 160, оп. 2, д. 18, 38; ф. 162, оп. 1, д. 42, 44,
46; ф. 228, оп. 1, д. 112, 117, 118, 130, 144, 150, 238; ф. 343, оп. 1, д. 107.
Письма Г. Н. Микушева. (Хранятся у А. Н. Микушевой).
Воспоминания, материалы, письма: А. М. Антонова,
И. Х. Баграмяна, В. П. Беляева, А. И. Бондаренко, С. М. Буденного,
С. С. Варенцова, Б. А. Верниковского, Ф. И. Голикова, П. М. Гончаренко,
Н. Н. Горновского, Н. В. Еремина, Б. А. Калуцкого, А. Л. Кизимы,
Т. А. Кляцкого, П. И. Крылосова, С. И. Мазуренко, О. М. Мальцева,
А. Н. и В. Н. Микушевых, Л. Г. Остапенко, А. Н. Панова, К. Г. Позде-
сва, П. П. Пурина, Н. Ф. Радченко, К. К. Рокоссовского, Д. И. Рудя,
Г. В. Семовских, Л. С. Соболева, В. И. Срыбника, А. С. Стецюры,
А. А. Суркова, И. А. Терещенко, С. К. Тимошенко, А. Н. Шагова,
П. Н. Шалимова, А. П. Шастина, В. Я. Шипунова, А. И. Щелконогова,
А. И. Яблонского и ряда других лиц, учреждений и организаций.
Regierung der Deutschen Demokratischen Republik. Ministerium für Na-
tionale Verteidigung. Stellvertreter des Ministers und Chef der Politischen
Hauptverwaltung der Nationalen Volksarmee. Auskunftsbericht.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маршал Советского Союза Голиков Ф. И. О книге В. Н. Варзакова «Железный комдив»	3
Эпилог первый	6
Тихая комната	8
Сын чернорабочего и прачки	10
Кунгур — Иркутск — Крым	16
Бойцы вспоминают минувшие дни	28
Мирные будни	33
Пограничный шит	40
Накануне	69
Пять дней, подготовленные всей жизнью	80
22 июня	80
23 июня	91
24 июня	97
25 июня	101
26 июня	101
Вера и верность	108
Эпилог второй	134
Источники и основная литература	145

Валерий Николаевич Варзаков

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОМДИВ

Редактор подполковник в отставке Д. И. Глушков

Художник Ю. Заботин

Художественный редактор В. В. Вагин

Технический редактор Т. В. Дольская

Корректор Е. П. Божанова

Сдано в набор 11/1 1968 г.

Подписано к печати 1/III 1968 г.

Формат бум. № 2 60×84¹/₁₆ печ. л. 9,125, б. л. 4,5625,

уч.-изд. л. 8,703

ЛБ01018

Тираж 10 000 экз.

Цена 26 коп.

2-я книжная типография управления по печати

г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 156.

Пермское книжное издательство.

Пермь, ул. Карла Маркса, 30.